

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. А. ДОБРΟЛЮБОВА»

На правах рукописи

Моровов Дмитрий Вадимович

**ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале Рунета)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент Татьяна Дамировна Маркова

Нижний Новгород – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	2
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ЭКСТРЕМИЗМ»	18
1.1 Экстремизм и «язык вражды»	18
1.1.1. Понятие экстремизма	18
1.1.2. «Язык вражды»	21
1.2 Виды призывов. Побуждение (к действию). Возбуждение (вражды) ...	26
1.2.1. Признаки вербального призыва	26
1.2.2. Косвенный призыв.....	28
1.2.3. Скрытый призыв	29
1.2.4. Побуждение (к действию) и возбуждение (вражды).....	31
1.3 Вербальная манипуляция в русскоязычном политическом дискурсе...	32
1.3.1. Апелляция к авторитетам. Искажение смысла цитаты.....	33
1.3.2. «Слова-амёбы»	35
1.3.3. Сокращения и аббревиатуры	36
1.3.4. Политическая эвфемизация	37
1.3.5. Термины.....	38
1.3.6. Ярлыки	38
1.3.7. Статистика (Большие числа)	40
1.3.8. Образы	42
1.3.9. Метафоры	43
1.3.10. Стереотипы.....	44
1.4 Нейтральные структурные формы как воздействующий ресурс манипуляционного дискурса	46
1.4.1. Повторы	48
1.4.2. Разрыв	49
1.4.3. Инверсия.....	49

1.4.4. Расшифровка	50
1.4.5. Изолированный элемент	51
1.5 Рунет как пространство для языкового экстремизма.....	51
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	60
ГЛАВА ВТОРАЯ. АКТУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТАХ РУНЕТА.....	63
2.1 Интернет-текст как особое средство коммуникации	63
2.1.1. Полисемиотическая природа интернет-текста	63
2.1.2. Подходы к научному осмыслению феномена интернета	64
2.1.3. Особенности получения текстовой информации из интернета	68
2.1.4. Рунет и «фильтрующая» функция языка.....	72
2.1.5. Устно-письменный характер Рунет-коммуникации.....	74
2.2. Слова-бренды как особые вербально-ментальные единицы информационного потока	75
2.2.1. Бренд и «слово-бренд»	75
2.2.2. Происхождение слов-брендов	81
2.2.3. Политическая метафора и слово-бренд	83
2.2.4. Идеологема и слово-бренд.....	91
2.2.5. Прецедентное имя, интертекст, слово-бренд	95
2.2.6. Аксиологема и слово-бренд.....	99
2.3. Негативный прогноз как актуальная разновидность скрытого призыва в экстремистских материалах рунета.....	102
2.3.1. Отличие негативного прогноза как манипулятивного приёма от прогноза, содержащегося в аналитической статье	103
2.3.2. Имитация научного дискурса	104
2.3.3. Опытное подтверждение.....	108
2.3.4. Использование манипулятивных лексических средств (символических наименований и слов-брендов)	110
2.3.5. Вербализация негативного прогноза	114

2.4. Модель воздействия экстремистского рунет-текста на манипулируемого адресата	117
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	121
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭКСТРЕМИСТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РУНЕТА В АСПЕКТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НИХ АКТУАЛЬНЫХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СРЕДСТВ (примеры и анализ текстов).....	127
3.1. Текст Игоря Эйсмана «Таможенный союз четырех паханов и воровской круг олигархии»	127
3.2. Текст Евгения Ихлова «Начало конца»	133
3.3. Текст Владимира Кара-Мурзы «Это не наша война»	141
3.4. Текст Андрея Пионтковского «Триумф воли национал-клептократов»	145
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (о перспективах исследования в свете проблем лингвистической и информационной безопасности).....	166
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	182
Словари, справочники и энциклопедии	216
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	220
Текст Вадима Слуцкого «Жажда войны и любовь к президенту»	220
Текст Алексея Мельникова «Крымация России»	229
Текст Вадима Белоцерковского «Украина — героизм — революция».....	233
Текст Михаила Тевосяна «Хаос, как результат саморазрушения».....	245

ВВЕДЕНИЕ

СМИ в информационном обществе, в частности сфере политической коммуникации, выполняют разнообразные важнейшие функции, в том числе стандартизируют мировоззренческие и поведенческие ориентиры, могут легко и оперативно склонить общественное мнение в поддержку каких-либо политических действий, помогают заинтересованным группам контролировать настроения и эмоциональный фон в социуме или отдельных социальных структурах¹. Интернет обладает данными возможностями в неизмеримо большей степени, при этом он доступнее, популярнее, глобальнее любого традиционного СМИ, а в аспекте форматности интернет не имеет аналогов в прошлом. Всё это делает интернет весьма серьёзным и опасным средством распространения информации в руках недобросовестных манипуляторов. Если же манипуляционными приёмами в интернете пользуются авторы, придерживающиеся экстремистских взглядов, и если эти авторы обладают определённым авторитетом и популярностью, то воздействие размещённых ими материалов ни предсказать, ни предотвратить на сегодняшний день невозможно. Настоящая диссертационная работа выполнена в русле названных проблем.

Объект данного исследования — русскоязычный интернет-текст экстремистской направленности².

Предмет исследования — вербальные средства манипуляции сознанием, функционирующие в русскоязычном интернет-тексте экстремистской направленности.

¹ Применительно к современным СМИ исследователи фиксируют наличие приоритетной целевой установки на целенаправленное и политически мотивированное регулятивное психологическое воздействие на широкие массы [см., например: Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. – 2011. – 1(35) – с. 159].

² Здесь и далее определение текста как экстремистского предполагает не правовую квалификацию текста, а наличие в тексте тех или иных элементов политически ненейтрального характера, граничащих по форме с «языком вражды», а по содержанию — с экстремизмом.

Гипотеза исследования. Интернет-текст представляет собой уникальное явление информационной эпохи, не имеющее аналогов в прошлом. В этой связи весьма вероятно наличие в интернет-тексте (в том числе и русскоязычном) вербальных средств манипуляции, ранее никогда не использовавшихся в традиционных бумажных СМИ и обладающих особым потенциалом воздействия на массового адресата.

Проблемы, затронутые в настоящем исследовании, оказывались неоднократно в фокусе внимания многих ученых, занимавшихся и занимающихся теорией и практикой массовой коммуникации, лингвоконфликтологией, лингвокриминалистикой, политической лингвистикой, социолингвистикой, лингвофилософией, психолингвистикой, вопросами манипуляции массовым сознанием. В их числе: А. С. Аладышкина, В. И. Аршинов, Т. Ж. Бальжирова, А. А. Бартош, Е. Г. Борисова, К. И. Бринев, А. Х. Валеев, М. С. Вершинин, М. Н. Володина, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, Е. И. Горошко, Н. Э. Гронская, В. В. Дементьев, Ю. А. Ермаков, О. С. Иссерс, Е. С. Кара-Мурза, С. Г. Кара-Мурза, И. Г. Катенева, Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, О. В. Кукушкина, А. В. Лагодин, Т. М. Любимова, Е. В. Медведева, А. М. Михайлова, А. К. Михальская, А. Ю. Мягкова, М. М. Назаров, А. А. Негрышев, Э. Ноэль-Нейман, М. А. Осадчий, Ю. К. Пирогова, Т. Б. Радбиль, Л. Н. Синельникова, Т. Н. Синеокова, И. А. Стернин, Г. Н. Трофимова, А. П. Чудинов и многие другие. Результаты их научного труда легли в основу данного диссертационного сочинения.

Материалом исследования стали тексты, размещённые на популярных политических сайтах Рунета kasparov.com, grani.ru, echo.msk.ru/blog/ в период с 2013 по 2015 гг., а также текстовые материалы, размещённые в социальных сетях facebook.com, vk.com, livejournal.com, twitter.com в тот же период. Авторами этих материалов являются Игорь Эйджман, Евгений Ихлов, Владимир Кара-Мурза, Андрей Пионтковский, Вадим Слуцкий, Александр Мельников, Михаил Тевосян, Вадим Белоцерковский, Владислав Наганов,

Михаил Пожарский, Иван Стариков, Владимир Голышев, Павел Пряников, Георгий Саркисян, Андрей Малыгин, Владимир Громов, Андрей Илларионов, Георгий Сатаров, Евгений Левкович, Федор Крашенинников, Ольга Картунова, Дмитрий Бавырин, Леонид Сторч, Валерий Назаров, а также Дмитрий Цорионов (Энтео), блогер под ником volnodum и другие. Количество текстов, включённых в картотеку исследования, — 242. Общий объём проанализированного текстового материала — 123 637 слов³.

Выбор в качестве **материала** исследования текстов, содержащих признаки политического экстремизма, не случаен. В большинстве обзореваемых работ, посвящённых проблеме экстремизма в России, исследуется религиозный или национальный экстремизм. Само понятие экстремизма в обыденной речи является синонимом национализма или сепаратизма. Нисколько не умаляя значимости вышеуказанных исследований, стоит заметить, что внутренний экстремизм, направленный не против группы лиц, объединённых по национальному или религиозному признаку, а против социальной группы (профессиональной или «группы власти»), потенциально не менее опасен, чем вышеназванные виды экстремизма, поскольку результатом успешной реализации манипуляционных стратегий в материалах подобного рода может стать очередная социальная катастрофа — революция, гражданская война, анархия и прочие негативные последствия, связанные с насильственной сменой государственного строя и уничтожением существующего государственного устройства.

Цель данного исследования — выявление ведущих манипулятивных вербальных приёмов, использующихся в потенциально экстремистском

³ Воздействующий диапазон проанализированного материала весьма широк: в период с 2014 по 2015 гг. исследуемые тексты были в совокупности просмотрены более 1 125 000 раз, не считая перепечаток на другие сайты и блоги (а таких сайтов и блогов, если верить ответу на поисковый запрос, сотни для каждого текста).

Рунет-тексте, и алгоритма воздействия этих приёмов на сознание массового адресата.

В соответствии с целью исследования решались следующие **задачи исследования.**

1. Отбор актуальных терминов, необходимых для проведения исследования; описание терминологического аппарата исследования, а также исходных базовых понятий, связанных с проблемой исследования.

2. Отбор текстов, наиболее показательных и перспективных для анализа (с учётом важнейших для исследования понятий, явлений и их ключевых характеристик); формирование картотеки исследования.

3. Анализ отобранных текстов в аспекте использования в них различных известных средств манипуляции; выбор из картотеки исследования текстов, насыщенных вербальными манипулятивными и эмоционально воздействующими средствами.

4. Рассмотрение интернет-текста как особого явления в аспекте содержания, восприятия и распространения; выявление специфических формальных, смысловых, функциональных параметров интернет-текста как особой единицы информационного потока.

5. Анализ манипулятивного потенциала выявленных параметров интернет-текста как особой единицы информационного потока, сравнение этих параметров с известными ранее средствами вербальной манипуляции.

6. Выявление алгоритмической структуры манипулятивного (скрытого, целевого) воздействия на пользователя Рунета (посетителя сайтов, используемых в качестве источников материала исследования).

7. Анализ и характеристика выбранных для дальнейшего анализа текстовых образцов в аспекте их композиционных и стилистических особенностей, а также в аспекте использования в них средств манипулятивного воздействия и средств, усиливающих такое воздействие а) на уровне лексики; б) на уровне морфологии; в) на уровне синтаксиса.

8. Подведение итогов исследования, определение ведущих манипулятивных приёмов современных потенциально экстремистских Рунет-текстов, выявление их смысловых доминант; формулировка окончательных выводов исследования.

Ход решения задач исследования отражён в **композиции** данного диссертационного сочинения.

Для решения поставленных задач были использованы такие **методы исследования**, как описательный метод, гипотетико-дедуктивный метод, систематизирующий метод, метод контекстуального анализа семантики языковых единиц, методы анализа парадигматических и синтагматических связей языковых единиц, метод лингвистического анализа грамматических форм и структур, метод контент-анализа, метод интен-анализа.

Новизна данного **исследования** обусловлена следующим.

1. Впервые **негативный прогноз**⁴ рассматривается как **разновидность скрытого призыва** (к действиям экстремистского характера, либо к различного рода акциям, дестабилизирующим ситуацию в стране, либо к поддержке экстремистских акций без участия в них) и квалифицируется как вербальное манипулятивное средство, использование которого характерно для текстов экстремистской направленности, размещаемых в пространстве Рунета.

2. Впервые функционирование негативного прогноза рассмотрено с точки зрения **размещения** его **в структуре русскоязычного интернет-текста**. При этом отмечено, что негативный прогноз может быть встроен в композицию статьи в целом, а также может размещаться в строго финальной позиции (обычно после логически выстроенной и манипулятивно насыщенной аргументации).

⁴ Ранее традиционно рассматривался как приём, используемый в рамках фрустрационной речевой стратегии.

3. Впервые русскоязычный **интернет-текст** рассматривается не только как гипертекст — принципиально подвижный, гибкий, **не имеющий раз и навсегда заданных границ** (как формальных, так и смысловых) в отличие от традиционного бумажного текста⁵ — но и как феноменальное текстовое пространство, обладающее чрезвычайно высоким манипуляционным потенциалом и порождающее функционально новые, особые манипулятивные средства.

4. Впервые в русскоязычном интернет-тексте выявлено использование особых лексических единиц — информационных актуализаторов, выполняющих функции **фильтрации** пользователей и **навигации** адресатов с параметрами, заданными автором-манипулятором. Такие лексические единицы названы **«словами-брендами»**, определена их роль в создании интернет-текстов экстремистского характера.

5. Впервые выявлен реализуемый в пространстве Рунета **алгоритм суггесторного⁶ воздействия** на пользователей (с применением различных манипулятивных средств) с целью формирования у адресата неосознанного намерения совершения действий, близких к экстремистским. Определены факторы, снижающие эффективность воздействия манипуляционного текста, и приёмы, позволяющие авторам-манипуляторам нейтрализовать действие этих факторов.

Актуальность проведённого **исследования** обусловлена значимостью проблемы лингвистической безопасности, в первую очередь в аспекте информационной среды Рунета как наиболее доступного информационного пространства. На сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что информация, подрывающая внутреннюю безопасность страны (экстремистская информация), оказывается бесконтрольно распространяемой

⁵ Об этом имеются весьма актуальные работы, например, таких авторов, как Калмыков А.А., Коханова Л.А. (http://evartist.narod.ru/text16/027.htm#%D0%B7_02).

⁶ Здесь и далее в работе данное имя прилагательное используется так же, как в книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», — как синоним имени прилагательного «суггестивный».

к любой категории адресатов — пользователей Рунета⁷. Актуальность поиска возможных решений данной проблемы становится более чем очевидной.

Результаты исследования имеют **теоретическую значимость** для уточнения и конкретизации понятий и терминов лингвистики текста (интернет-текст, фильтрационная функция лексической единицы, навигационная функция лексической единицы, имплицитная императивность), теории коммуникации (авторская интенция, адресат информации, манипуляция, вербальные манипулятивные средства, слово-бренд, негативный прогноз, пресуппозиция), лингвокриминалистики (языковой экстремизм, скрытый призыв), психолингвистики (суггесторное воздействие).

Практическая ценность исследования связана с возможностью применения полученных результатов при разработке и совершенствовании учебных курсов по теории коммуникации, лингвокриминалистике, психолингвистике; также результаты исследования могут быть использованы в разработке диагностической методики для квалификационной оценки вербального контента текста (материала) на предмет его экстремистского либо не экстремистского характера. Далее подобную диагностическую модель можно использовать в софт-продукции (для создания информационных фильтрующих программ в целях обеспечения стабильного состояния защищенности информационной среды общества). Наконец, результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе модернизации правовой базы государства с целью блокировки манипулятивных вербальных тактик, представляющих собой разновидность психологического насилия.

⁷ Данное обстоятельство обусловлено следующим. Во-первых, практически любое лингвистическое заключение о наличии в материалах экстремистской направленности может быть опровергнуто другим исследованием, проведенным с использованием иных методик. Во-вторых, владельцы сайтов самостоятельно в принципе не могут оценить размещаемую на сайте информацию и в результате не допустить размещения экстремистских материалов.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Понятие экстремизма напрямую связано с понятием «языка вражды». Квалификация текста как содержащего элементы «языка вражды» — лингвистическая задача: призыв, сомнение, утверждение, наличие негативной или иной окраски, оскорбительный тон, оправдание, пропаганда, выражение мнения и т.п. — всё это выражается в тексте при помощи тех или иных лексических единиц, грамматических форм, синтаксических конструкций. Однако некоторые случаи текстовой трансляции идей экстремизма невозможно квалифицировать в связи с неоднозначностью интерпретации текста. Наибольшую сложность представляет **идентификация скрытого призыва**, который может быть отнесён к манипулятивным приёмам, так как чаще всего, не будучи распознанным со стороны адресата, активно воздействует на его сознание.

2. Скрытый призыв, создающий негативный образ той или иной социально-политической группы или её представителя в глазах читателя, представляет собой феномен, граничащий с побуждением (к действию — к агрессивным действиям против этой группы) и возбуждением (вражды по отношению к этой группе). При текстовом переходе от возбуждения (вражды) к побуждению (к действию) автор нередко мотивирует читателя преодолеть некий условный «провокационный барьер». При этом, как правило, используются разнообразные средства манипуляции сознанием адресата текста.

3. В функции скрытого призыва в русскоязычных интернет-текстах экстремистской направленности нередко используется **негативный прогноз**. Используя негативный прогноз, автор-манипулятор обычно подменяет компетентное и научное осмысление проблемы мимикрией текста под научный дискурс, подтасовывает факты для подтверждения собственной гипотезы, применяет и другие приёмы манипулятивного воздействия. Главное, чего хочет добиться манипулятор, использующий негативный прогноз, — вызвать у адресата чувство тревоги, страха и одновременно

сформировать чётко осознаваемое желание не допустить осуществления прогноза. Причём манипулятор, как правило, предлагает для этого определённую программу действий.

4. Размещение негативного прогноза в структуре собственно текста может варьироваться. Негативный прогноз может быть встроен в композицию русскоязычной интернет-статьи в целом, а может размещаться в строго финальной позиции (обычно после логически выстроенной и манипулятивно насыщенной аргументации). Так или иначе, но функция такого прогноза всегда одинакова — скрытый призыв к действиям экстремистского характера, либо к различного рода акциям, дестабилизирующим ситуацию в стране, либо к поддержке экстремистских акций без участия в них.

5. Значительный манипулятивный потенциал текста сосредоточен в средствах выражения темпоральности и модальности. Для создания впечатления реальности, достоверности и неизбежности предлагаемого сценария будущих событий авторы Рунет-публикаций активно используют глагольные формы изъявительного наклонения, а также односоставные номинативные конструкции. Категоричность прогноза бывает усилена имплицитно при использовании парцеллированных структур. Глаголы в форме прошедшего времени подчёркивают значимость апелляции к опыту прошлого.

6. Исследуемые потенциально экстремистские публикации Рунета содержат многочисленные манипулятивные средства. «Плотность» этих манипулятивных средств, как правило, возрастает от начала к окончанию текста, градационно увеличивая напряженность и **подталкивая читателя к мысли о неизбежности тех или иных протестных акций в России** и побуждая участвовать в этих акциях. Имплицитно **императивность** подобного материала может быть связана как с логической, так и с эмоциональной составляющими текстовой семантики.

7. Интернет-текст принципиально подвижен и гибок, ему в принципе не свойственна зафиксированность (не только в аспекте формы, но и в аспекте содержания), в отличие от бумажного, традиционного текста. В интернет-тексте рождаются и умирают смыслы-однодневки, носителями которых являются, в том числе, словесные «бренды», или «слова-бренды», информационные актуализаторы, направляющие внимание заданного пользователя в потоке «плывущих» смыслов, то есть выполняющие **навигационную и фильтрующую функции** в информационном потоке. **Лексические «бренды»** в русскоязычном интернет-тексте привлекают адресата, на которого рассчитан текст, созданный автором-манипулятором, и направляют этого адресата при перемещении в сети по «маршруту», заданному автором-манипулятором.

8. **Наиболее эффективный вариант** русскоязычного манипулятивного интернет-повествования имеет место в случае, когда слова-бренды функционируют (в том числе и как гиперссылки) от заголовка практически до финала текста и количество этих брендов, фильтрующих и ведущих адресную аудиторию, более чем достаточно, **при сравнительно небольшом объёме** статьи. При этом самый актуальный бренд может быть употреблён несколько раз.

9. В пространстве Рунета используется **алгоритм суггесторного воздействия на пользователя Рунета** (с применением различных манипулятивных средств) с целью формирования у адресата неосознанного намерения совершения действий, близких к экстремистским. Процесс складывается из трёх этапов: привлечение внимания, переход, воздействие — и может быть многоступенчатым. Эффективность воздействия снижается вследствие особого сканирующего режима восприятия информации с экрана и вследствие модерирования откровенно экстремистских призывов и высказываний и блокирования сайтов откровенно экстремистской направленности. Названные проблемы решаются авторами-манипуляторами путём использования навигационно-фильтрующих средств (в первую

очередь — слов-брендов) и различных видов скрытого призыва (например, негативного прогноза).

Апробация работы. Отдельные аспекты диссертационного исследования были апробированы в выступлениях на научных конференциях: «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (XI Международная научная конференция, Владимир, 29 сентября-1 октября 2015 г.); «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Международная конференция, V Бодуэновские чтения, Казань, Казанский федеральный университет, 12-15 октября 2015 г.); «Естественнонаучные методы исследований в теории и практике производства судебных экономических и речеведческих экспертиз» (Всероссийская научно-практическая конференция, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 20-21 апреля 2016 г.).

Основные положения, выносимые на защиту, **отражены в следующих публикациях** автора.

В изданиях, рекомендованных **ВАК** Министерства образования и науки РФ:

1. Моровов Д. В. Нейтральные структурные формы как воздействующий ресурс манипулятивного дискурса // **Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета**. – 2013. – № 4. – С. 132-137.
2. Моровов Д. В. Негативный прогноз как форма скрытого призыва // **Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета**. – 2015. – № 1. – С. 50-54.
3. Моровов Д. В. Вербальные бренды-манипуляторы в пространстве рунета // **Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета**. – 2015. – № 3. – С. 165-169.
4. Моровов Д. В. (в соавторстве с Марковой Т.Д.) Вербальная манипуляция в текстах рунета в аспекте лингвистической и информационной безопасности // **Вестник Пятигорского**

государственного лингвистического университета. – 2016. – № 2. – С. 38-44.

В других изданиях, в том числе в сборниках материалов Международных научных конференций:

5. Моровов Д. В. К вопросу о функциональной идентификации деформированных структур // Язык. Культурные концепты. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 6. – Нижний Новгород, 2013. – С. 73–88.
6. Моровов Д. В. Потенциально воздействующие конструкции в структурно-функциональном аспекте // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы VI Международной научно-практической конференции. 22 июля 2014 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2014. – С. 90–101.
7. Моровов Д. В. К вопросу о вербализации призыва в русскоязычной Интернет-публицистике // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы VII Международной научно-практической конференции. 26 марта 2015 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2015. – С. 32–40.
8. Моровов Д. В. Проблема языкового экстремизма в аспекте изучения русского языка как иностранного // Актуальные проблемы лингводидактики и методики организации обучения иностранным языкам: Сборник научных статей. – Чебоксары, 2015. – С. 38–42.
9. Моровов Д. В. Феномен словесного бренда в сравнении с идеологемой и аксиологемой // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 22 июля 2015 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2015. – С. 50–58.
10. Моровов Д. В. Реализация императивности как текстовой категории в современной русскоязычной Интернет-публицистике // Языковые

- категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 355–358.
11. Моровов Д. В. Слова-бренды в современном рунете // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12-15 окт. 2015 г.): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – Т. 2. – С. 218–220.
12. Моровов Д. В. Гиперссылка как средство манипулятивной навигации в Интернете // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 187–190.
13. Моровов Д. В. Интернет-текст как особое средство коммуникации // Язык. Культурные концепты. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7 – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – С. 91–96.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

1.1 Экстремизм и «язык вражды»

1.1.1. Понятие экстремизма

Экстремизм (от лат. *extremus*, «крайний») — это приверженность к крайним взглядам и мерам [Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов]. Например, объявлены экстремистскими организованные группы крайне левых или правых политических взглядов (НБП и «Правый сектор» в России, ИНОА в Великобритании, «Красные бригады» и «ЭТА» в Евросоюзе) или крайних религиозных взглядов («ИГИЛ», «Аль-Кайда», «Кавказский эмират», «Свидетели Иеговы»).

Причины экстремизма разнообразны, но «корни его лежат в обострении социально-политических и экономических противоречий, порождающих конфликты в обществе и вызывающих их разрешение насильственным путем» [Галяшина, 2006; 9].

Стоит отметить, что «крайние» взгляды считаются таковыми в сравнении с «нейтральными» или «общепринятыми». Однако выделение «нормы» — всегда сложный процесс, а в случае особых социально-политических явлений зачастую субъективный и ангажированный.

Так, квалификация тех или иных действий как справедливых («борьба за свободу») или экстремистских (антисоциальных или даже террористических) зависит от ценностей и политических убеждений, транслируемых современным контекстом, от различия сил, применения насилия и других факторов [Coleman, Bartoli, 2003; 3–4]. Актуальный пример — неоднозначное толкование мировым сообществом референдума в Крыму и событий в самопровозглашенных ДНР и ЛНР.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что ни в рамках данного исследования, ни в рамках лингвистической экспертизы в целом не предполагается правовая либо политическая оценка анализируемых текстов. Это входит в компетенцию других лиц и структур.

Согласно «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. (п. 3 ч. 1 ст. 1), ратифицированной Российской Федерацией:

«Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [Консультант Плюс, Собрание законодательства РФ, 2003; № 41. Ст. 3947].

Юридическое определение экстремистских действий содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Согласно этой Статье в понятие «экстремизм» входит:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путём предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.⁸

Некоторые из вышеуказанных действий имеют характер языкового экстремизма, то есть осуществляются при использовании средств языка: **пропаганда** исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные **призывы** к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо **экстремистских материалов**, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения, — а значит, являются объектом лингвистического исследования.

1.1.2. «Язык вражды»

Если в начале двухтысячных экстремизм понимался как насильственные действия или угроза их применения (молодежными группировками, религиозными фанатиками или другими людьми похожих взглядов), то в последнее время на первый план выступает словесный экстремизм в СМИ и интернете. Косвенным свидетельством возросшего количества публикаций экстремистского характера является введение термина «язык вражды»⁹, являющегося калькой англосаксонского «hatespeech», и обширные исследования на эту тему [Казаков, 2003].

⁸ №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>

⁹ Данный термин является достаточно традиционным, хотя и представляет собой своеобразную научную метафору. В научной литературе используется как в кавычках, так и без кавычек.

Стоит привести, по крайней мере, две трактовки понятия «язык вражды» с целью демонстрации границ этого явления. Более поздняя классификация принадлежит коллективу авторов Европейского университета Санкт-Петербурга. Они предлагают различать две разновидности текстов, в которых реализуется язык вражды.

Тексты с использованием относительно мягкого «языка вражды». В них имеет место деление на «МЫ-группу» и «ОНИ-группу». Эти группы противопоставляются по ряду признаков, которые считаются постоянными и присущими всей группе в целом. Например, «все русские высокодуховны». Характеристики «ОНИ-группы» будут негативными, в случае с «МЫ-группой» — наоборот.

Тексты с использованием относительно жёсткого «языка вражды». Вместе с делением на «МЫ» и «ОНИ» содержат побудительные конструкции, которые призывают к негативным действиям в отношении «ОНИ-группы» [Дубровский и др., 2003].

Более ранняя и подробная классификация обнаруживается в работе А. М. Верховского [Верховский, 2002], ставившего целью исследовать материалы СМИ на предмет наличия элементов языка вражды, определить масштабы его использования и предостеречь от необдуманного его применения. В работе предлагается разделить способы реализации «языка вражды» на три группы.

Способы реализации жесткого «языка вражды»:

- **прямые** и непосредственные **призывы** к насилию;
- **призывы** к насилию с использованием общих лозунгов;
- **прямые** и непосредственные **призывы** к дискриминации;
- **призывы** к дискриминации в виде общих лозунгов;

- **завуалированные призывы** к насилию и дискриминации (к примеру, пропаганда положительного современного либо исторического опыта насилия или дискриминации).

Способы реализации среднего «языка вражды»:

- **оправдание** исторических случаев дискриминации и насилия;
- публикации и **высказывания**, подвергающие **сомнению** общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;
- **утверждения** об исторических преступлениях той или иной этнической (или иной) группы;
- **указание** на связь какой-либо социальной группы с российскими и/или иностранными политическими и государственными структурами с целью её дискредитации;
- **утверждение** о криминальности той или иной этнической группы;
- **рассуждения** о непропорциональном превосходстве какой-либо этнической группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах и т. д.;
- обвинение в **негативном** влиянии какой-либо социальной группы на общество, государство;
- **призывы** не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) определенных социальных групп.

Способы реализации мягкого «языка вражды»:

- создание **негативного** образа этнической группы;
- упоминание **названий** этнической группы в **уничижительном контексте**;
- **утверждение** о неполноценности этнической группы;
- **утверждение** о моральных недостатках этнической группы;

- упоминание социальной группы или её представителей как таковых в унижительном или **оскорбительном контексте** (к примеру, в криминальной хронике);
- **цитирование** ксенофобных высказываний или публикация подобного рода текстов без соответствующего комментария, определяющего размежевание между **мнением** интервьюируемого и позицией автора текста (журналиста); предоставление места в газете для явной националистической **пропаганды** без редакционного комментария или иной полемики.

Очевидно, что квалификация текста как содержащего элементы «языка вражды» — лингвистическая задача. Действительно, призыв, сомнение, утверждение, наличие негативной или иной окраски, оскорбительный тон, оправдание, пропаганда, выражение мнения и т.п. — всё это выражается в тексте при помощи тех или иных лексических единиц, грамматических форм, синтаксических конструкций. Случаи передачи информации в виде подтекста или затекста также предполагают возможность выявления их методом контекстуального и семантического анализа. Так, для оправдания случаев дискриминации и насилия используются синтаксические средства, позволяющие сформулировать тезис, доказываемый автором, и аргументы, обосновывающие этот тезис [Ивин, 2002]. Сомнение, к примеру, выражается формами составного глагольного сказуемого с модальным компонентом «может» [Эпштейн, 2001], а также модальными словами или словосочетаниями с семантикой сомнения («вряд ли», «скорее всего не» и др.). Утверждения же, напротив, выражаются формами изъявительного наклонения¹⁰ и могут быть подкреплены утвердительными модальными словами («точно», «наверняка» и др.).

¹⁰ Однако в каждом конкретном случае необходимо учитывать в целом контекст и коммуникативное намерение автора: некоторые глагольные формы изъявительного наклонения (к примеру, будущего времени) могут использоваться для передачи семантики

«Там наверняка¹¹ было достаточно людей, которые с превеликим удовольствием прекратили бы цирк под названием "Украина" раз и навсегда»¹².

Особые языковые средства используются и для выражения обвинения в негативном влиянии социальной группы: это — слова с негативной коннотацией, употребляемые в связи с действиями этой группы.

Оскорбительный, уничижительный, негативный контекст задаётся функционально и стилистически маркированной, особо окрашенной лексикой.

Наконец, для выражения авторского мнения и размежевания его с иной позицией либо с пропагандой также имеются специальные языковые средства: например, вводные конструкции с семантикой источника сообщения («по-моему», «по моему/чьему-либо мнению», «по словам кого-либо» и др.) и неуверенности («кажется», «возможно» и др.) [Стернин, Антонова и др., 2013; 6].

Также в СМИ употребляются прямые указания на незаконность деятельности той или иной организации на территории РФ.

В Уголовном кодексе РФ на данный момент существуют две статьи, посвященные экстремизму: призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти и вражды, равно как унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Тем не менее некоторые случаи текстовой трансляции идей экстремизма невозможно квалифицировать в связи с неоднозначностью интерпретации текста,

ирреальной модальности (см., в частности: Радби́ль Т. Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность↔текст» // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2011. — С. 254-262.).

¹¹ Здесь и далее в текстовых примерах сохранены орфография и пунктуация авторов текстов.

¹² Из комментария пользователя SimonShubink материалу «Вести из сердца тьмы: архив МГБ ДНР» [<http://sputnikipogrom.com/russia/novorossiya/42948/from-the-heart-of-darkness/>]

наличием своеобразной интерпретационной парадигмы, предполагающей равновероятные толкования содержания. Нередко в подобных случаях используются вербальные средства манипулирования сознанием адресата текста.

1.2 Виды призывов. Побуждение (к действию). Возбуждение (вражды)

1.2.1. Признаки вербального призыва

Использование призыва в экстремистском тексте, в частности, исследовал в своих работах М. А. Осадчий. Он считает свидетельством наличия призыва в тексте реализацию полной или сокращенной схемы призыва: наименование адресата — наименование действия — наименование объекта — императив. В свою очередь, о том, что призыв имеет экстремистский характер, свидетельствует:

- 1) наличие императива, обозначающего побуждение к совершению действия (действий) одним или несколькими из перечисленных способов — путем насильственных действий; путем террористической деятельности; путем нарушения прав, свобод и законных интересов граждан; путем воспрепятствования чему-либо, соединенного с насилием либо угрозой его применения; путем совершения преступлений (в т. ч. убийства, причинения вреда здоровью, побоев, хулиганства, вандализма и т. д.); путем пропаганды и публичного демонстрирования экстремистских действий; путем организации, подготовки, подстрекательства к совершению экстремистских действий; путем финансирования либо иного содействия в организации, подготовке и осуществлении экстремистской деятельности, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы,

телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

- 2) наличие императива, обозначающего побуждение к совершению соответствующих действий в отношении одного или нескольких из перечисленных объектов—существующего конституционного строя; населения; человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; избирательных прав граждан и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования; законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций; человека как представителя политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы / предмета как атрибута политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы; нацистской атрибутики или символики—либо сходной с ней до степени смешения [Осадчий, 2013; 8].

Таким образом, наличие призыва к осуществлению экстремистской деятельности предлагается определять по наличию в тексте **адресата**, к которому обращен призыв, **императива**, побуждающего осуществить противоправное¹³ **действие** в отношении определенного **объекта**¹⁴. В случае, если эти компоненты представлены не полностью, имеет смысл говорить о наличии «косвенного призыва» к осуществлению экстремистской деятельности.

Важно рассмотреть возможные формы выражения вербального призыва и разделить на формы жесткого и мягкого воления. От такой классификации

¹³ Определяется Федеральным законом от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ.

¹⁴ Также определенного в вышеуказанном законе.

во многом зависит отнесение высказывания к прямому или косвенному виду призыва.

Базовая языковая единица, обладающая призывной (императивной) семантикой, — это глагол. Основной, а значит самой яркой и очевидной его формой для выражения воления является форма второго лица повелительного наклонения единственного и множественного числа: *иди (идите), ешь (ешьте)* и т.п.

Первое лицо повелительного наклонения предполагает включение говорящего в состав действующих лиц (*пойдём!*). Как средство дополнительного различения с формами будущего времени изъявительного наклонения используется частица «давай» или «давайте»: *давайте сходим, давайте сделаем*. Также данная частица в этом же значении употребляется в сочетании с инфинитивом: *давайте делать*. Кроме того, грамматически омонимичной ей является форма глагола прошедшего времени с семантикой желания или воления: *пошли гулять*.

Формы третьего лица повелительного наклонения образуются с помощью частиц «да», «пусть» и «пускай» в сочетании с глаголом третьего лица настоящего или будущего времени: *да будет, пусть идут, пускай скажут* — и обладают яркой стилистической окраской [Грачев, Маркова, 2009].

Кроме форм повелительного наклонения, призывной семантикой обладают инфинитив (*встать! молчать! лежать!*), формы условного наклонения (*встали бы и открыли бы дверь!*) и прошедшего времени (*пошёл вон!*).

1.2.2. Косвенный призыв

Косвенный призыв чаще всего характеризуется отсутствием императива, который заменяется на слова с модальностью желательности, долженствования или обязательности действия: «необходимо», «должен», «требуется», «нужно», «обязан» в сочетании с инфинитивом. Также текст с

косвенным призывом может быть лишен указания на адресата — в таком случае адресатом становится любой потенциальный читатель. Кроме того, к данному виду призыва относятся вопросительно-побудительные предложения («*Папа, ты защитишь меня от черных?*»), конструкции со скрытой командой («*Надеюсь, Вы придете на наш митинг?*»). Отметим, что косвенным призывом к совершению экстремистского действия может быть призыв к действию, самому по себе не являющемуся экстремистским, но опосредованно связанным с другим противозаконным действием — например, вступить в организацию националистического толка, устраивающую акции неповиновения и погромы против представителей других наций или религий [Осадчий, 2007].

1.2.3. Скрытый призыв

Содержащим скрытый призыв считается текст, не реализующий схему прямого призыва, но содержащий персуазивные высказывания, направленные на изменение алгоритма поведения адресата. Примерами такого призыва могут служить тексты, провоцирующие адресата на агрессивные действия в отношении социальной группы на основании ложных предпосылок или имеющие в своём составе программу действий, на которые адресата провоцирует автор текста [Осадчий, 2012].

Существует мнение, что скрытый призыв более мягок, менее радикален, по сравнению с явным. Однако это не всегда так: явный призыв выступает в некотором смысле в качестве «честного» способа воздействия на поведение адресата речи, так как он открыт и быстро обнаруживает себя в глазах читателя или слушателя. Законопослушный адресат речи понимает, что на него оказывается давление, поэтому он может вовремя принять меры по противодействию, к примеру просто уйти от контакта: отбросить листовку, перевернуть лист газеты, выключить радио или телевизор, уйти с сайта.

В случае со скрытым призывом реакция по противодействию запаздывает, адресат речи не сразу понимает, что цель автора — призвать

читателя к определенным действиям. Последний увлекается текстом и незаметно встает на сторону автора. Именно по такому принципу происходит, например, вербовка молодежи в ряды экстремистских организаций [Араева, Осадчий, 2006]

Скрытый призыв, таким образом, является *разновидностью вербальной манипуляции*, поскольку имеет целью скрытое «программирование» адресата с целью выполнения ими действий, выгодных манипулятору [Кара-Мурза, 2005; 16].

Органы власти активно пресекают распространение текстов, содержащих прямые и косвенные призывы к незаконным действиям или направленные на возбуждение вражды. Поэтому авторы, желающие побудить читателей к свержению власти, истреблению социальной, национальной или религиозной группы или подобным действиям, вынужденно осваивают тактику скрытого призыва. С юридической точки зрения чаще всего невозможно однозначно определить наличие экстремистской составляющей в таких текстах.

Кроме того, скрытый призыв часто граничит с возбуждением вражды в отношении той или иной социальной группы — то есть с понятием, определяемым другой статьей уголовного кодекса.

Стоит отметить, что к оценке того или иного текста как содержащего призыв к противозаконным действиям или возбуждению вражды в отношении социальной группы необходимо подходить осторожно из-за неоднозначности трактовки понятия «социальная группа».

Например, в данном ниже отрывке автор негативно характеризует «власти» страны, приписывая им негативные агрессивные намерения и провоцируя ответную реакцию у читателя:

«Когда российская власть вместе с ее пропагандистами называет неонацистами тех, кто погибал на Майдане, и одновременно присваивает тот же ярлык участникам демонстрации 6 мая 2012 года и вообще практически всем, кто критикует российскую власть, я

*вправе следующим образом реконструировать контекст нашей власти. Для нее неонацисты все, кто недоволен преступной воровской властью и полагает, что такая власть не может признаваться легитимной».*¹⁵

«Власть» в данном случае — обобщенное понятие, а в тексте нет указания на конкретных лиц, которые могли бы стать объектом призыва или возбуждения вражды. М. А. Осадчий рекомендует экспертам в таких случаях учитывать прагматический аспект текста: если не указаны конкретные лица, читатель может перенести описанные свойства на любого представителя упомянутой в тексте группы, следовательно, подобный текст можно определять как потенциально экстремистский [Осадчий, 2007].

1.2.4. Побуждение (к действию) и возбуждение (вражды)

Скрытый призыв, создающий негативный образ той или иной социально-политической группы или её представителя в глазах читателя, представляет собой феномен, граничащий с побуждением (к действию — к агрессивным действиям против этой группы) и возбуждением (вражды по отношению к этой группе).

В работах В. П. Шейнова, посвященных композиции убеждающего текста, выделяются три стадии речевого убеждения: внимание → интерес → желание действовать. Таким образом, по В. П. Шейнову [Шейнов, 2000; 592], убеждающий текст условно можно разделить на три части. В первой, соответствующей стадии «внимание», автор вводит читателя в тему, описывает сложившуюся ситуацию, формулирует проблему. Во второй автор связывает проблему с личностью адресата, показывает, как поставленная проблема влияет на жизнь или профессиональную деятельность читателя, чем вызывает живой «интерес». Далее у читателя появляется «желание действовать», как правило, с помощью предлагаемой автором программы

¹⁵ Георгий Сатаров: О символическом [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530F881279F46>

действий (в данной работе далее будет описан ещё один способ мотивации читателя к действию).

Л. А. Араева и М. А. Осадчий предлагают перенести данную схему в поле экстремистского текста. Тогда она будет выглядеть следующим образом: информирование → возбуждение → побуждение. Авторы также предлагают разделять широкое и узкое понимание «возбуждения»: узкое как часть схемы призывного текста, а широкое — как (кроме непосредственно создания негативного образа в сознании читателя) включающее в себя элементы подстрекательства. Широкое понимание и предполагается диспозицией статьи 282 УК РФ [Араева, Осадчий, 2006].

При текстовом переходе от возбуждения (вражды) к побуждению (к действию) автор нередко мотивирует читателя преодолеть некий условный «провокационный барьер». При этом, как правило, используются разнообразные средства манипуляции сознанием, многие из которых на сегодняшний день описаны в работах по политической лингвистике.

1.3 Вербальная манипуляция¹⁶ в русскоязычном политическом дискурсе

Виды манипуляции в политическом дискурсе описаны, в частности, в работах С. Г. Кара-Мурзы и В. П. Шейнова. Однако необходимо заметить, что классификация, предложенная этими авторами, разрабатывалась с политологической, а не лингвистической точки зрения. В связи с этим некоторые таксоны могут одновременно обозначать различные лингвистические реалии или, наоборот, — разные реалии могут соотноситься

¹⁶ «Языковое манипулирование — скрытое информационно-психологическое воздействие на человека с помощью языковых средств, осуществляемое на трех уровнях (индивидуальном, групповом и массовом), нацеленное на побуждение человека к действиям, входящим в противоречие с его интересами, воззрениями, а также с языковой картиной мира и системой ценностей общества в целом» (Михальская, 2001, 24).

с различными таксонами в зависимости от функционирования. Тем не менее стоит рассмотреть использование известных на сегодняшний день манипулятивных приёмов в актуальных материалах политического характера, размещённых в Рунете.

1.3.1. Апелляция к авторитетам. Искажение смысла цитаты

При цитировании слов человека, являющегося авторитетом для адресата, или при упоминании авторитетного имени в манипулятивном тексте цитата зачастую вырывается из общего контекста и домысливается или объясняется манипулятором таким образом, будто авторитет поддерживает взгляды манипулятора или одобряет действия, к которым тот призывает [Кара-Мурза, 2004; 124; Шейнов, 2004; 692].

Например, статья А. Пионтковского «Триумф воли национал-клептократов»¹⁷ предваряется следующим эпиграфом:

«„Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выход из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутривнутриполитических целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться, тем более что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая“.

Андрей Амальрик. „Просушествует ли Советский Союз до 1984 года?“»

Из-за подобного предъявления текста складывается ощущение, что Амальрик, известный диссидент, этими словами критикует Советский Союз,

¹⁷ Андрей Пионтковский, «Триумф воли национал-клептократов» [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/piontkovsky_a/1267672-echo/

что позволяет настроить читателя на восприятие последующего текста в заданном ключе. Однако если обратиться к первоисточнику, станет понятно, что данный отрывок посвящён не критике Советского Союза, а критике последних лет правления Николая II. Возможно, А. Пионтковский ограничил цитату, поскольку образ Николая II в современной действительности теряет отрицательные черты и приобретает, скорее, черты мученика, в связи, в частности, с относительно недавней канонизацией. А значит, развёрнутое цитирование уменьшило бы воздействующий эффект приведенного эпиграфа.

Другой пример — описание радикальной православной группировки «Божья Воля» в социальной сети Вконтакте:

«Святейший Патриарх Кирилл призывает всех православных христиан к активизму.

В этой группе вы будете узнавать о ближайших православных акциях, которые требуют действия.

Мы не допустим, чтобы наших детей убивали собственные матери, парадов извращенцев в Первопрестольном граде, и осквернения наших святынь.

Братья, отступить некуда, ради наших детей, мы обязаны защитить наш город. Если мы не победим сегодня, завтра будет слишком поздно. Как учил, ведомый на арену римского Колизея священномученик Игнатий Богоносец: «Христианство — не в молчаливом убеждении, а в величии дела».

В этом отрывке, кроме других манипулятивных приёмов, используются две отсылки к авторитетам. Во-первых, к Патриарху — а это, пожалуй, главный ориентир для современного православного человека. Стоит заметить, правда, что не приведены конкретные слова главы РПЦ и обстоятельства, в которых они были произнесены. Вполне вероятно, что в

данном случае имеет место подмена контекста. Во-вторых, автор описания ссылается на св. Игнатия Богоносца, как бы оправдывающего потенциальные действия современных православных радикалов, в то время как трактовки в данном случае могут быть разными. Например, священномученик Иларион Троицкий трактует данную цитату в контексте деяний внутри Церкви¹⁸, а в источнике, «Послании к Римлянам», очевидно, речь идет о смирении перед мученической кончиной, как великом деянии во славу Церкви. Таким образом, автор описания группировки «Божья воля» сознательно подгоняет вырванную из контекста цитату для оправдания противоправных действий членов группировки.

1.3.2. «Слова-амёбы»

«Слова-амёбы» — это лексические единицы, не имеющие ассоциативного поля в рамках языка либо принципиально бессодержательные. Основные критерии для идентификации подобных слов: отсутствие включенности в лексические связи с другими словами (синонимами, антонимами, гипо-гиперонимами), ассоциативная универсальность, нейтральность, «туманная» семантика. Для подобных слов часто характерно яркое, броское фонетическое строение — обилие звонких согласных [Кара-Мурза, 2004; 99]. Фактически, данным словом С.Г. Кара-Мурза называет модные заимствования и приводит в пример слова „киллер“ и „ваучер“.

В исследуемом нами материале подобным образом используются, к примеру, варваризмы. Например, в тексте Евгения Ихлова:

Все телеэкраны и интернеты мира обходят кадры типа "Рашен бомбят украинцев".

¹⁸ Сщмч Иларион Троицкий [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/?id=206&page=book>

В данном высказывании номинация «Рашен», с одной стороны, демонстрирует американизированный вариант этнической характеристики «русский». С другой — отключает все языковые связи, свойственные наименованию «русский», из возможной читательской интерпретации данного высказывания. В свою очередь, подобные связи лексемы «украинец» сохраняются.

1.3.3. Сокращения и аббревиатуры

Слова, образованные способом сокращения и аббревиации зачастую обрастают ассоциациями и приобретают значение, не сводимое к сумме значений их компонентов [Кара-Мурза, 2004; 103].

«КГБ» и образованное от него «гэбист» имеют больше ассоциаций и яркую позитивную или негативную коннотацию, в зависимости от реципиента, чем «Комитет государственной безопасности», воспринимаемый скорее нейтрально. К тому же сам факт вторичного словообразования экспрессивной лексики свидетельствует о присоединении к аббревиатуре новых смыслов.

Игорь Эйдман¹⁹ в своей публикации употребляет две аббревиатуры подряд — реальную и окказиональную. Вторая образована в том числе и от жаргонного наименования для дискредитации понятия Таможенного союза:

«Перед Украиной две перспективы: движение в направлении Европы или участие в Таможенном союзе (ТС). В случае вступления Януковича в ТС, этот союз можно будет назвать Союзом Четырех Паханов (СЧП): Путина, Лукашенко, Назарбаева, Януковича».

¹⁹ И. Эйдман. Таможенный союз Четырех Паханов и воровской круг олигархии [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529CCD2D272CA>

А. Пионтковский в своём тексте употребляет аббревиатуру ОПГ (Организованная преступная группировка) для номинации властных структур:

Не собираясь идеализировать ни одну из этих ОПГ, назову их глобо-клетократами и национал-клетократами.

Такие аббревиатуры вызывают в сознании читателя комплекс образов (нередко с определёнными фоносемантическими ассоциациями, в том числе с уголовным миром) и связывают их с лицами, наделёнными властью.

1.3.4. Политическая эвфемизация

С целью однозначной трактовки определенных событий манипулятор употребляет лексику, строго ограниченную в семантике — денотативно или коннотативно. В первом случае выбирается лексема, способная «перекрыть» обозначаемое неприемлемым словом явление своим периферийным значением [Кара-Мурза, 2004; 105].

Ярким примером являются современные политические эвфемизмы, вроде «принуждения к миру грузинской стороны»²⁰ в вооружённом противостоянии в августе 2008 года на территории Южной Осетии и Абхазии (которое, строго говоря, стоило бы именовать войной). Или название войны в Донбассе «антитеррористической операцией»²¹. В политическом дискурсе подобные примеры не редкость. Эвфемизмы позволяют нейтрализовать ожидаемую негативную реакцию адресата информации, предотвратить последствия, которые были бы неизбежны в случае прямого именовании явлений и событий.

²⁰ Медведев объявил о завершении операции по принуждению к миру [Электронный ресурс]; Режим доступа <http://lenta.ru/news/2008/08/12/over/>

²¹ Турчинов объявил о начале антитеррористической операции на юго-востоке Украины [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/strana/46250-turchinov-objavil-o-nachale-antiterroristicheskoy-operacii-na-jugo-vostoke-ukrainy>

1.3.5. Термины

Использование терминов придаёт высказыванию или тексту подобие научности, а значит — вызывает больше доверия у читателя. Кроме того, обычный читатель может не знать тех или иных терминов, но, как правило, при этом распознаёт в них научные наименования [Кара-Мурза, 2004; 107].

С. Г. Кара-Мурза приводит в пример терминообразную номинацию «геронтократия» — «власть стариков», употреблявшуюся (и, пожалуй, до сих пор употребляемую) в отношении верховного руководства СССР. Данная лексическая единица обладает сложившейся негативной коннотацией, однако ничего не говорит о реальной эффективности правительства.

В исследуемом материале подобные случаи также фиксируются. Чаше встречаются термины-оказионализмы. Так, в упоминавшейся ранее статье А. Пионтковского последовательно применяются авторские термины «национал-клептократия» и «глобо-клептократия». Причём А. Пионтковский сам объявляет их терминами:

Термины "глобо-клептократы" и "национал-клептократы" я впервые ввел в политологический оборот во второй декаде августа 2008 года, когда в российском истеблишменте дебатировался вопрос: продолжать ли "миротворческую" операцию походом на Тбилиси.

1.3.6. Ярлыки

«Ярлыками» называются не подкрепленные рационально наименования, «навешиваемые» на противника [Кара-Мурза, 2004; 107]:

Например, ярлык «империя зла» в отношении СССР — эффективная и прижившаяся метафора, не подкрепленная никакими рациональными доводами.

Этот же ярлык применительно к современной России обнаруживается и в рассматриваемом материале:

*Начинать ядерную войну с новой империей зла никто не собирается;*²²

Немало текстов оппозиционной направленности, размещённых в Рунете, содержат ярлыки, представляющие собой негативно окрашенные или арготические лексемы, которые используются по отношению к российской власти:

*«Участие в СЧП грозит стране таким же паханатом, как у партнеров, причем, без относительного экономического благополучия России и Казахстана, основанного на экспорте сырья»*²³;

*«Путин глупый, невежественный, гопник с отвратительными манерами»*²⁴;

*«Но гопник — он же без кругозора совсем! В непосредственном контакте он крут, да. Но представить, что мир не ограничивается его подворотней, что мир сложен и многомерен — это гопнику не под силу. Отсюда и суицидальная тактика послушного Путину руководства Украины в отношении евромайдана»*²⁵;

*«Путин — пахан в огромной бандитской шайке».*²⁶

Очевидно, цель использования подобных обозначений — дискредитация власти, создание у читателя убеждения в её преступности, незаконности. Подчеркнём: использование ярлыков отменяет потребность в аргументации.

²² С. Бадретдинов. Запад не может ничего поделаться с Россией [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531ED28EC6AA0>

²³ И. Эйрман. Таможенный союз Четырех Паханов и воровской круг олигархии [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529CCD2D272CA>

²⁴ В. Голышев. Почему в России это невозможно? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://golishev.livejournal.com/2334650.html>; <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C6F28D559D>

²⁵ *ibid.*

²⁶ А. Пионтковский. Наследники Октября и Февральская революция [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531032D53AFA6>

Очень близки к ярлыкам по своим особенностям и функциям своеобразные словесные «бренды», используемые, к примеру, в публикациях^{27,28, 29}. Об этом пойдёт речь далее в данной работе.

1.3.7. Статистика (Большие числа)

Цифры и статистика для обыденного сознания весьма авторитетны, к тому же их не всегда легко проверить. Особенно действуют на сознание большие числа, которые тяжело представить [Кара-Мурза, 2004; 116].

С. Г. Кара-Мурза приводит данные из статей Н. Шмелева и В. Попова, сообщавших о 300–400 тысяч человек, ежегодно отвлекаемых от своих основных обязанностей на сельскохозяйственные работы. Однако авторы не сообщили читателям, что это всего лишь 1% от всех людей, занятых в сельском хозяйстве.

Примером использования количественных данных в целях манипуляции сознанием адресата является следующий отрывок из статьи В. Слуцкого [<http://echo.msk.ru/blog/vadimslutsky/1275898-echo/>]:

Россия занимает 1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения, 1-е место - по количеству самоубийств среди детей и подростков, 1-е место по числу разводов, 1-е место по количеству детей, брошенных родителями, но - 175-е место - по безопасности, 159 - по уровню политических прав и свобод, 173 - по степени свободы прессы (<http://via-midgard.info/news/kakie-mesta-zanimaet-rossiya-v-mirovux-rejtingax.htm>). Это говорит о её созидательном потенциале (вернее, его отсутствии).

²⁷ United Russia No Longer 'Crooks and Thieves' - Party Official [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://sputniknews.com/politics/20130111/178715394/United_Russia_No_Longer_Crooks_and.html

²⁸ Единоросс агитирует за "Партию жуликов и воров" [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111202_united_russia_election_video_shlegel.shtml

²⁹ Stanislaw Belkowski. Wladimir: Die ganze Wahrheit über Putin. — Redline Wirtschaft, 2013

Автор интернет-публикации выбрал из всех возможных показателей только те данные, которые подтверждают его точку зрения, проигнорировав остальные. Так, создаётся впечатление о нецивилизованности страны, её низком положении среди других государств, а также «отсутствии созидательного потенциала». Стоит отметить, что в большинстве перепечаток текста в интернете данный отрывок отсутствует и «отсталость России» безаргументативно постулируется, что, в свою очередь, также является манипуляцией:

Россия занимает места в конце списка (рядом с Зимбабве и Никарагуа) практически во всех рейтингах развития, благоустроенности и свободы.

Манипуляция «большими цифрами» обнаруживается и в заметке Дмитрия Цорионова (Энтео):

Необходимо законодательно закрепить наше право на жизнь и безопасность. То есть запретить аборт, легализованные Лениным, ведь только официальные 180 млн абортированных в РСФСР с 1920 по 1990 годы детей — это 540 Хиросим, или 270 блокад Ленинграда, или 170 Освенцимов.

Заметим, что, кроме непосредственно манипуляции при помощи чисел, в данном отрывке имеет место и неоправданное перенесение ответственности за решения правительства на конкретную персоналию. Тем более что, как известно, с 1936 по 1955 г. в СССР действовал запрет на аборт. К тому же запрет абортов отнюдь не гарантирует гражданам страны «право на жизнь и безопасность», а приведённый в публикации тезис лишь эксплуатирует эмоциональную реакцию читателя, воспринимающего текст. Данный пример наглядно демонстрирует комплексный характер манипуляции как информационной стратегии: в ней используется одновременно целый набор приёмов (в данном случае, помимо количественных данных, — некорректное сопоставление и логический разрыв).

1.3.8. Образы

Зачастую манипуляция осуществляется не с помощью использования слова в прямом или даже переносном значении, а с помощью того образа, который создаёт или актуализирует в сознании воспринимающего лексическая единица. При этом опорой для манипулирования будут фоновые знания, архетипические образы, культурный фон или детские воспоминания (последнее особенно характерно для рекламной сферы). Так, человеку сложнее всего заметить скрытое воздействие, ведь чувства и эмоции появляются как бы сами по себе, от цепной реакции воображения, порожденного всего одной «правильной» ассоциацией [Кара-Мурза, 2004; 133].

«У образов есть „платоническая сила“, они преобразуют частные идеи в общие. Вот так, посредством визуальных коммуникаций, легче проводить стратегию убеждения, сомнительную в ином случае» [Эко, Электронный ресурс].

Одним из распространённых образов, использующихся в исследованном материале, является образ империи, служащий «доказательством» агрессивной политики российского правительства и, в частности, его стремления расширять границы государства. Причём в этот образ включается не только Российская Империя, просуществовавшая до 1918 года, но и СССР:

СССР — хотя это была тоталитарная империя — был явно интереснее и значительнее во многих отношениях (в науке, культуре и даже экономике), вызывал гораздо больше уважения в мире, чем нынешняя Россия³⁰.

³⁰ Вадим Слуцкий. Население России действительно жаждет войны [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531D98081CF88>

Стоит заметить, что данный образ, как и семантика лексемы, служащей наименованием, включает в себя несомненный мощный аксиологический компонент, позволяющий использовать номинацию «империя» как оппозицией (тогда актуализируются негативные смыслы), так и собственно властью (в этом случае актуализируются положительные смыслы и ассоциации). Например, во время церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи демонстрировался ролик «Сны о России», иллюстрирующий буквы кириллического алфавита различными культурными символами. Среди них были в основном оказавшие значительное влияние на развитие России персоналии, а также ремёсла и локации. Однако для буквы «И» была избрана номинация «империя» (слово сопровождалось изображением Петра I, Петропавловской крепости и военной эскадры).

1.3.9. Метафоры

Метафора — это перенос свойств одного объекта на другой по явному или предполагаемому сходству. Чем менее очевидно это сходство, тем ярче и свежее выглядит такая метафора.

Как манипулятивный приём метафора используется, в первую очередь, с целью «отключить» у адресата логическое мышление и включить образное, где огрехи в причинно-следственных связях не так заметны [Кара-Мурза, 2004; 181]. Чаще всего наблюдаются попытки объяснить с помощью метафоры нечто сложное для мгновенного понимания. Например, объяснить кризисные явления:

«Мир болен, и его нужно лечить. А если болезнь не лечить — она будет прогрессировать, вплоть до летального исхода.

Кто-то, может быть, не верит в то, что подобный исход возможен? Но давайте вспомним, что представлял собой европейский мир в первом тысячелетии Новой эры, после краха Древнего Рима. А разве современный Запад — не есть тот же Рим?

Кто не хочет лечиться, кому нравится гнить, гнить и гнить — тот неизбежно должен погибнуть»³¹.

Вместе с метафорой автор приведённого отрывка использует аналогию и риторические вопросы. При этом адекватность приложения конкретной метафоры к конкретному явлению вызывает некоторые вопросы. Можно усомниться, во-первых, в том, насколько хорошо известны автору метафоры её основания, а во-вторых, — в степени сходства рассматриваемых явлений. Кризисы — это часть цикличной экономической системы, в то время как метафора в данном случае приводит к мысли о «смерти» экономики и «западного мира» без достаточных на то оснований.

1.3.10. Стереотипы

Социальный стереотип — устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица. Стереотипы — неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания. Благодаря им происходит необходимое сокращение процесса восприятия и иных информационных и идеологических процессов в сознании [Кара-Мурза, 2004; 195].

Утверждения манипуляторов не обязательно должны совпадать со стереотипами. Прикрытие манипуляции достигается и высказываниями, абсурдно противоречащими стереотипам: важно «загнать мышление в накатанную колею» [Кара-Мурза, 2004; 197].

Как правило, в манипуляции используются стереотипы, которые уже отложились в сознании. Как писал уже в своей первой книге по теории пропаганды Г.Лассуэлл, «задача пропагандиста обычно состоит в том, чтобы

³¹ В. Слущкий. Прорыв гнойника [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53183F83E1173>

способствовать, нежели фабриковать». Но используются готовые стереотипы чаще всего не прямо, а с приемом *канализирования* или *подмены* стереотипа [Кара-Мурза, 2004; 207].

В интернет-публикациях авторы, старающиеся создать негативный образ власти и главы государства, эксплуатируют различные стереотипы. Например, представляют взаимоотношения между населением страны и президентом в виде отношений между неким «простым человеком» и бандитом:

В конечном счете, можно представить, что Россия — это один человек. Немолодой с отдышкой, испорченный квартирным вопросом, с фобиями, страхами, комплексами, недоверчивый, мнительный, (ч)удковатый, с непростой биографией, жадный, подозрительный, пугливый, недалекий, завистливый, обидчивый, мстительный, ленивый, суеверный, самодовольный...

"Попал в плохую компанию", — говорят про чистенького мальчика, который из кожи вон лезет лишь бы "не ударить в грязь лицом" перед... кем? Перед второгодником-прогульщиком, который отродясь книжки в руках не держал, потому как "трудный подросток из неблагополучной семьи". Чистенький мальчик сам ему все отдает и старательно копирует гопаческие ухватки своего кумира, не догадываясь насколько нелепо он выглядит...

Этот типовой сюжет идеально описывает не только двухсторонние контакты Путина, но и его отношения с населением Российской Федерации (минус Северный Кавказ, разумеется — там пацанчики не менее ровные)...³²

³² В. Голышев. Почему в России это невозможно [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://golishev.livejournal.com/2334650.html> и <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C6F28D559D>

Очевидно, автор не приводит никаких доводов в пользу подобного упрощения в подаче информации, а эксплуатирует стереотипизированные представления о мелких хулиганах и грабителях, с которыми когда-либо сталкивался, пожалуй, каждый россиянин. Эти стереотипы вошли и в массовую культуру — сериалы «Осторожно, модерн! 2», «Реальные пацаны» и другие. Во всех этих случаях реакция читателя легко программируется.

1.4 Ненейтральные структурные формы как воздействующий ресурс манипуляционного дискурса

В различных жанрах манипуляционного дискурса эмоционально-воздействующий компонент моделируется и реализуется по-разному. Эмоциональное воздействие, к примеру, может производиться посредством моделирования изменённых состояний сознания участников коммуникативного акта [Асланян, 2009].

В качестве примера в данном разделе нами рассмотрены фрагменты из текстов сообщества радикальной православной группировки «Божья воля» в социальной сети «ВКонтакте». Группировка известна, в частности, хулиганскими акциями на выставке современного искусства в Манеже 14 августа 2015 года³³, а также провокационными высказываниями своего лидера Дмитрия Цорионова^{34, 35}. В ходе анализа использована классификация деформированных относительно ядерного инварианта вариантов

³³ «Никогда христиане не были терпилами». Дмитрий Цорионов о погроме в «Манеже» и православном радикализме [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/08/17/obscurans/>

³⁴ В «Интернах» нашли пропаганду гомосексуализма [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.nur.kz/920235-v-internakh-nashli-propagandu-gomoseks.html>

³⁵ Активист РПЦ МП Энтео намерен добиться от Михалкова, Киселёва и Мединского "деятельного покаяния" [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=116274>

структурных форм, отражающих особенности протекания эмоциональных процессов [Синеокова, 2003].

Синтаксическая парадигма аффективной речи представляет собой трехуровневую иерархическую структуру, первый ряд которой основан на дихотомическом подразделении единиц ненейтральной речи на экспликативные и имплекативные формы; второй представляет собой классификационный ряд наиболее общих структурных модификаций эмоциональных форм в рамках выделенных экспликативной и имплекативной реализаций; а третий включает в себя классификационный ряд более частных, «первичных» признаков внутри каждой из модификаций [Синеокова, 2003].

Верхний иерархический уровень представляет собой наиболее общие признаки, которые отличают нейтральную языковую область от ненейтральной и позволяют выявить наиболее характерные связи между ядерным инвариантом и его эмоциональными вариантами [Скребнев, 1971].

Второй иерархический уровень парадигмы эмоциональной речи строится на основе количественного измерения и последующей градации экспликативных и имплекативных форм, которые осуществляются на основе собственно языковых признаков путем их сопоставления с признаками некоторой нейтральной единицы как точки отсчета. В качестве такой единицы может служить выделенное М.Я. Блохом «ядерное предложение», характеризующееся: 1) ограничением состава позиционным минимумом, отражающим лишь обязательные синтаксические позиции; 2) ориентированностью на валентностные подклассы глагола, поскольку личный глагол является организующим центром предложения; 3) строго фиксированным порядком знаменательных позиций от подлежащего через личный глагол к предикативу, дополнению и обстоятельству; 4) максимальной коммуникативной независимостью структуры; 5) стилистически нейтральным характером структуры, соответствующим чистому типу «интеллективной», «рассудочной речи» [Блох, 1976; 100].

Уровень модификаций представляет собой классификационный ряд, состоящий из модификаций, возникающих при деформациях признаков ядерного предложения. В рассмотренных нами текстах были выявлены, в частности, следующие типы модификаций.

1.4.1. Повторы

Повторы—типичная черта устной речи. В записанных текстах, рассматриваемых нами в данной работе, имеют место повторы, заранее задуманные и реализованные, а значит отобранные большей частью осознанно, с учётом их воздействующего потенциала. Все нижеуказанные разновидности повтора относятся к фокусирующему повтору, создающему в тексте (или фрагменте текста) явление эмоциональной доминанты [Синеокова, 2004].

1. Тавтологический повтор представляет собой полный повтор слов и словосочетаний внутри предложения и целых предложений.

Наш народ стоит на перепутье трех дорог, и лишь одна из них освящена Божественным светом, лишь одна из них ведет к возвращению былого величия нашей Отчизны и подлинному гражданскому примирению.

2. Модифицирующий повтор характеризуется заменой смысловых элементов при повторе с помощью словарных или контекстуальных синонимов, репрезентации и субституции.

Ни Гельман, ни Бондаренко, никто не позволял себе такого страшного поругания наших святынь, такого чудовищного богохульства.

Вы бы прошли мимо? ...Вы бы хотели, чтобы это стало нормой для нашего общества?

Поэтому мы вынуждены делать то, что подсказывает нам наша совесть, то, что раньше делали те, кого мы считаем святыми.

*Ведь памятник — это не просто часть истории, это ее **моральная оценка, нравственный ориентир** для будущих поколений.*

1.4.2. Разрыв

В исследуемом материале разрыв используется, в первую очередь, в функции эмфатизатора, выделяющего наиболее информативные элементы высказывания:

Мы не допустим богохульства на нашей земле. Чего бы это нам ни стоило.

1.4.3. Инверсия

Инверсия — ещё один вид модификаций ядерной структуры предложения, возникающий так же, как и разрыв, в связи интенцией говорящего эмфатизировать часть высказывания, которая и переносится в инициальную, финальную или интерпозицию, нарушая прямой порядок слов. Причём эмфатизирующая инверсия связана с двумя противоположными процессами при реализации эмоционального значения. Так, в ряде случаев происходит перенос в начальную позицию дополнений, обстоятельств, предикатов с целью их собственной эмфатизации; с другой стороны, функционирование этих элементов в начальной позиции может служить эмфатизации последующей части предложения (нередко при этом используется повтор или разрыв):

*Каждый из нас сам выбирает, по какому пути **пойдёт** наша страна. И речь здесь идёт не только о политическом, но и о нравственном выборе каждого из нас.*

*Мы пришли туда, чтобы вызвать полицию, и мы **это** сделали, но мы знаем, что закон о защите чувств верующих не работает, мы **десятки***

раз посылали массовые обращения в органы, но *ни разу ещё* не было обвинительного заключения по этой статье.

1.4.4. Расшифровка

Расшифровка представляет собой структурно-семантическую группу модификаций с особым построением — она состоит из двух частей, одна из которых уточняет, «расшифровывает» значение другой [Синеокова, 2004; 17].

1. Предваряющий ориентир начинается с элементарной языковой идентификации образа, возникающего под влиянием аффекта в сознании первым, без уточнения его связей с действительностью. Следующее после него предложение раскрывает его содержание.

*Мы пришли туда, чтобы вызвать полицию, и мы **это** сделали, но мы знаем, что закон о защите чувств верующих не работает...*

*Больше всего нас беспокоит тот факт, что высшие чины в администрации США уже объявили о своих планах, по легализации извращений на всей территории земного шара. **Это** настоящий вызов нашей цивилизации.*

2. Антиципация в аффективной речи вызвана тем, что в качестве эмоциональной доминанты выступает не предмет (явление), а его характеристики, связи с действительностью. В начале высказывания предмет речи обозначается в самом общем виде, в дальнейшем его содержание уточняется.

*...**ничто** не должно уйти от суда, весь спектр торжества красного ада на земле: от выстрела в затылок за «три колоска» до отбитых почек за томик Библии.*

3. Вопрос-ответ представляет собой монологическое высказывание, в котором говорящий задает вопрос и сам дает на него ответ.

Вы бы прошли мимо? Мои отношения с Богом мне этого не позволили. Вы бы хотели, чтобы это стало нормой для нашего общества? Я, и мои братья - нет.

1.4.5. Изолированный элемент

К изолированным элементам относятся потенциально-сочиненные предложения, представляющие собой конструкции, начинающиеся с сочинительных союзов. При изолированной реализации предложения связующая функция сочинительного союза сохраняется, что позволяет рассматривать вводимые им конструкции как потенциально-сочиненные предложения.

Каждый из нас сам выбирает, по какому пути пойдет наша страна. И речь здесь идет не только о политическом, но и о нравственном выборе каждого из нас.

1.5 Рунет как пространство для языкового экстремизма

Массовая коммуникация перемещается в интернет. 65% россиян пользуются интернетом, из них 46% делает это каждый день³⁶. Ежедневная аудитория «Яндекса» превысила аудиторию Первого канала ещё два года назад³⁷. Доля рекламы в интернете в 2013 году выросла на 27% по сравнению с предыдущим годом и составила 22% (в 2009 году — 9%). Перемещаются в

³⁶ ВЦИОМ [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=986&q_id=67831&date=05.10.2014

³⁷ «Яндекс» стал «главной кнопкой» страны [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/tech/news/1782872/obognal_televizor (дата обращения: 30.01.2015)

интернет компании, занимающиеся поиском и распространением информации. 58% россиян пользуются СМИ в интернете, из них 18% делают это каждый день³⁸.

Главную роль в массовой коммуникации играют *социальные сети* — от Твиттера до Фейсбука. Их использует 74% пользователей интернета³⁹. На данный момент не существует общепринятого определения понятия «социальная сеть». Основным критерий, однозначно отличающий соцсеть от других интернет-явлений, это наполнение пространства сети самими пользователями, или UGC (user-generated content) [Kaplan, Haenlein, 2010; 59–60]. Активная социализация возможна благодаря технологии web 2.0 и широкополосному интернету. Они обеспечивают пользователю интернета почти мгновенный доступ к любому контенту (текст, фото или видео), размещенному в сети [Харгадон, 2008].

А.С. Аладышкина на основании работ Р. Мертона (1968) выделяет следующие функции интернета: информационную, коммуникативную, развлекательную, коммерческую, снятия напряжения, артикуляции, или самовыражения (интернет обеспечивает индивидам и различным общественным группам возможность публично выражать свое мнение) [Аладышкина, 2006].

Значительную часть функциональных результатов и последствий интернета люди, как полагает А. С. Аладышкина, не осознают, но именно латентные функции в данном случае намного разнообразнее явных.

К латентным функциям сети А. С. Аладышкина относит следующие:

1. функцию социализации личности (включение индивидов в общественную жизнь, усвоение ими социального опыта, знаний, ценностей, норм поведения),

³⁸ ВЦИОМ [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=998&q_id=68677&date=21.12.2014

³⁹ ВЦИОМ [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=986&q_id=67838&date=05.10.2014

2. функцию воспроизводства общественных отношений,
3. функцию воспроизводства информационной стратификации (как по наличию доступа к сети, так и по степени доступа к различным ресурсам внутри сети),
4. функцию организации поведения, или мобилизационную функцию (побуждение людей к определенным действиям, к деятельной реакции на полученную посредством сети информацию),
5. функцию интеграции (возможность находить и объединять единомышленников, сплачивать их общностью целей и убеждений) [Аладышкина, 2006].

При этом необходимо отметить, что латентные функции социальных сетей не только разнообразнее, но и значительнее явных в контексте исследования экстремистских явлений в интернете. Особенно две последние — мобилизационная и функция интеграции.

Благодаря развитию технологий, интернет становится особым информационным пространством — максимально доступным и максимально независимым. Как отмечают в своей статье Е. И. Горошко и И. Е. Овчаренко, «благодаря инструментарию веб 2.0 каждый пользователь интернета, во-первых, имеет возможность стать творцом контента, <...> во-вторых, получает практически бесплатный доступ к любым презентационным и коммуникативным веб-инструментам и информационным ресурсам <...>, позволяющим <...> продвигать желаемый имидж, создавать любое виртуальное сообщество, а также размещать или создавать в глобальной паутине любые нужные материалы» [Горошко, Овчаренко, 2014].

Газета измеряет донесение информации до читателей тиражом издания, телевидение и радио — аудиторией. В интернете эти показатели не имеют определяющего значения для измерения распространения информации. Благодаря функции «лайков» и «репостов» сообщение показывается не

только непосредственной аудитории адресанта («френдам»), но и аудиториям тех, кто сообщение «лайкнул» или «репостнул» — и так до бесконечности.

Тексты, нашедшие отклик у читателей, таким образом, распространяются самостоятельно и бесконтрольно. Как отмечает Е. А. Ермолин: «содержание высказываний может быть любым, вес же каждого из них зависит не столько от него самого, сколько от размеров реакции на него в сетях» [Ермолин, 2014].

В последние годы в обиходе интернет-пользователей появилось слово «вирусность» по отношению к информации. В начале эпохи социальных сетей возникло явление лавинообразного распространения информации. Пользователи распространяли понравившуюся информацию (делали «репост») на своей странице, от них она переходила к их «друзьям» и далее распространялась в геометрической прогрессии, подобно вирусной инфекции. Позже были обнаружены признаки сообщений, которые имеют потенциал для распространения подобным образом. Сейчас информационные «вирусы» используют, в основном, в рекламе⁴⁰.

Отсюда проистекают возможные опасности в использовании интернета как средства распространения экстремистских идей. Авторы, публикующие сообщения в социальных сетях, не всегда нацелены на изложение правдивой и проверенной информации, не наделенной манипулятивным потенциалом. А. С. Аладышкина использует для подобных публикаций термин «стратегический речевой акт». Это акт, который не основывается на интенции искренности, достоверности и справедливости. Такие речевые акты подразделяются на категории:

1. искаженное представление себя — недостоверная самопрезентация, экспериментирование с идентичностью;

⁴⁰ OldSpice вывел свой рекламный канал на первое место в YouTube [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://ria.ru/technology/20100716/255443341.html>

2. антисоциальное использование возможностей интернета — флейминг, троллинг, язык вражды, злоупотребления, домогательства;
3. намеренное искажение информации — пропаганда, спам, дезинформация [Аладышкина, 2006].

Ещё один опасный аспект связан с тем, что информация в интернете имеет более высокий потенциал распространения, если её публикует человек с высоким социальным капиталом. Изначально социальный капитал — это понятие, введенное П. Бурдье в статье «Формы капитала» (1983) для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод [Социология: Энциклопедия, 2003]. Социальный капитал в интернете — это количество виртуальных «друзей», возможность репоста записи популярными сообществами («клубами по интересам») или перепечаткой материала в интернет-СМИ. То есть потенциал влияния пользователя на других людей.

К примеру, высоким социальным капиталом обладают популярные блогеры — Артемий Лебедев, Илья Варламов и Сергей Доля⁴¹. Любая их запись в блоге, твиттере или другой соцсети вызывает лавинообразную реакцию и даже становится информационным поводом для новостных агентств⁴². Таким образом, чтобы стать авторитетным источником информации, автор создаёт «интернет-персонаж» и зарабатывает социальный капитал.

Однако социальный капитал зарабатывается долго и только при больших усилиях автора. В связи с этим получила распространение технология создания «ботов», чтобы с их помощью искусственно создавать

⁴¹ На основании рейтинга пользователей Живого Журнала [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.livejournal.com/ratings/users>

⁴² «Еще одному знаменитому блоггеру понравился Петрозаводск» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://karelnovosti.ru/society/eshhe-odnomu-znamenitomu-bloggeru-ponravilsya-petrozavodsk/>

массовое настроение или реакцию на определённые события. Бот — это сокращение от «робот», используемое для обозначения интернет-роботов, выполняющих разнообразные функции (сохранение беседы в чатах, автоматический ответ на типовые запросы и др.) [Справочник технического переводчика, 2009–2013]. Безусловно, в манипулятивных целях используются не роботы, а живые люди, для которых создаются «фейковые» (то есть с придуманными именами и заимствованными фотографиями) аккаунты в социальных сетях; от лица таких «искусственных персонажей» пишутся сообщения с заданным мнением. Ботами их называют за то, что написанные ими комментарии наполнены стереотипами, не похожи на живую речь людей, а также массово тиражируются. Так, расследование деятельности «фабрики ботов» провела Новая газета⁴³.

И наконец, создание и тиражирование материалов в интернете идёт при использовании манипулятивных (и провокативных) техник. Такие материалы даже без значительной содержательной составляющей, опубликованные «авторитетным» источником, вызывают тысячи репостов⁴⁴. Материал быстрее распространится, если автор использует, в частности, национально-культурные символы, вызывающие живой отклик у читающих, и слова-бренды⁴⁵.

К примеру, пост пользователя Игоря Яковенко (4886 друзей) в социальной сети Фейсбук собрал 332 лайка и 79 перепостов:

«Голуби мира... Мюнхенский сговор... Сладкие мечты путинского агитпропа и евроскептиков о ничтожной трусости Запада...»

⁴³ Где живут тролли. И кто их кормит [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/59889.html>

⁴⁴ Например, пост Артемия Лебедева с видео о благодатном огне собрало 778 репостов в Фейсбуке, 130 ВКонтакте, 54 в Твиттере и 8 в самом Живом Журнале [<http://tema.livejournal.com/1838301.html>] дата обращения: 11.02.2014

⁴⁵ Под «брендами» понимается группа лексем с неопределённым значением, часто употребляющаяся в ограниченный период времени. Подробнее эта номинация будет рассмотрена в разделе 2.2.

Олланд = Даладье? Меркель, видимо = Чемберлену?! Путин в этой конструкции, пожалуй, наиболее органично вписывается в историческую аналогию. Фасон подходит, правда исторический костюмчик на шесть размеров больше... рукава по полу волочатся, пиджак смотрится как плащ-накидка какая-то...

Дальше, правда, еще большие проблемы: кто сегодня работает Муссолини? Ау!!

Порошенко = Бенеш?! Украина в три раза больше той Чехословакии, а размер в этом случае имеет значение. На примере Грузии убедились.

Не складывается исторический пасьянс.

Предел мечтаний Путина - чеченский вариант: сделать Захарченко украинским Кадыровым, которому Украина будет платить дань, а он, Захарченко, будет учить "жалких евреев" православной морали и казачьим традициям. Разница в том, что Кадыров - вполне суверенный бандит, а Захарченко - путинская шестерка.

Не будет никакого Мюнхена-2. Все это голубиное курлыканье на фоне крови и уже неприкрытого фашизма, формирующегося в России, - выглядит отвратительно. Но ситуация изменилась. Историческая память это не пустой звук. США даст возможность голубям исполнить свою ритуальную арию. А дальше пойдут такие санкции, что наша экономика за месяц превратится в тыкву.

Хорошего варианта для Украины тоже не просматривается. Загонять Путина совсем уж в угол вряд-ли будут. Скорее всего, аналог Приднестровья с дальнейшим гниением в углу Украины...

А Мюнхена-2 не будет. История сама у себя не списывает. И двоечников не любит..»⁴⁶

В данном тексте автор оперирует историко-культурными символами: «мюнхенский сговор» (негативная коннотация из-за лексемы „сговор“ и исторического фона) или «Мюнхен» (то же значение), «Чехословакия» и «Грузия» (в данном случае не страны, а исторические события, связанные с ними), «Приднестровье» (в том же значении), «голуби мира» (в переносном значении — как прикрытие для агрессивных намерений); использует бренды «православие» и «казаки», а также прецедентное имя «Кадыров» и политическую метафору «фашизм».

На данном примере можно увидеть различия между функционированием слов-брендов и их омонимов в языке⁴⁷. Например, слово «православие» имеет следующее значение:

правосла́вие, -я, ср. Одно из основных направлений христианства, вероисповедание, окончательно сложившееся в Византии в 11 в. как восточнохристианская церковь [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997].

Это слово не включено в ассоциативный тезаурус русского языка, однако там имеется производная лексема «православный» [<http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>], имеющая следующие ассоциации⁴⁸:

церковь — 14 реакций,
храм — 13,
человек — 11,
праздник — 7,
христианин — 6,

⁴⁶ <https://www.facebook.com/igor.yakovenko.94/posts/710811135684589>

⁴⁷ Далее словам-брендам будет посвящён особый раздел.

⁴⁸ Приведены самые частотные (более 2 реакций на стимул, >68% от общего числа ассоциаций)

календарь — 5,
 поп — 5,
 крест — 4,
 верующий — 3,
 религия — 3.

Среди приведённых ассоциативных реакций отсутствуют ассоциации, имеющие однозначно негативную коннотацию, в то время как бренд «православный» в предложении «... а он, Захарченко, будет учить "жалких евреев" православной морали и казачьим традициям» подразумевает негативную оценку этой «православной морали», как, впрочем, и «казачьих традиций». Такой бренд сложился в последние годы под влиянием публикаций в СМИ о православных священниках и казаках, совершающих общественно-порицаемые действия.

Социальные сети с 2009 года успешно используются для распространения призывов к массовым беспорядкам и их организации. Через Facebook и Twitter координировались действия противников правительства в Тунисе, Алжире⁴⁹ и Египте⁵⁰. Сообщение⁵¹ Мустафы Найема, украинского журналиста, считается началом «Евромайдана»⁵², который привёл к смене власти на Украине, отделению Крыма и началу вооруженного конфликта в Донецкой и Луганской областях. Именно поэтому исследования, посвящённые информационным процессам в Сети России, становятся с каждым годом всё актуальнее.

⁴⁹ "Поколение Facebook" бунтует: протест молодежи в Тунисе и Алжире [Электронный ресурс]; http://www.dw.de/поколение-facebook-бунтует-протест-молодежи-в-тунисе-и-алжире/a-14767583?maca=rus-rss_ru_analitika_politika_i_obschestvo-5744-xml-mrss

⁵⁰ «Твиттерная революция» [Электронный ресурс]; <http://lenta.ru/articles/2011/01/27/twrewolt/>

⁵¹ «Встречаемся в 22.30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепост всячески приветствуется!» [<https://www.facebook.com/Mustafanayyem/posts/10201178184682761>]

⁵² Ukraine's Battle for Europe [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://www.nytimes.com/2013/11/30/opinion/ukraines-battle-for-europe.html?_r=0

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность. В современной России явление экстремизма становится с каждым годом всё более актуальным и, в связи с правовым противодействием, реализуется во всё более скрытых и трудно распознаваемых видах. Некоторые разновидности экстремизма осуществляются при использовании средств языка (пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные призывы к осуществлению экстремистских действий либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов и т.п.), а значит, являются объектом лингвистических исследований.

2. Понятие экстремизма напрямую связано с понятием «языка вражды». Квалификация текста как содержащего элементы «языка вражды» — лингвистическая задача: призыв, сомнение, утверждение, наличие негативной или иной окраски, оскорбительный тон, оправдание, пропаганда, выражение мнения и т.п. — всё это выражается в тексте при помощи тех или иных лексических единиц, грамматических форм, синтаксических конструкций. Однако некоторые случаи текстовой трансляции идей экстремизма невозможно квалифицировать в связи с неоднозначностью интерпретации текста, наличием своеобразной интерпретационной парадигмы, предполагающей равновероятные толкования содержания. Ситуация усугубляется тем, что нередко в подобных случаях используются вербальные средства манипулирования сознанием адресата текста.

3. Явным признаком экстремистской направленности текста является прямой призыв к совершению экстремистских действий. Свидетельством наличия призыва в тексте является реализация полной или сокращенной схемы призыва: наименование адресата — наименование действия — наименование объекта — императив. В случае, если эти компоненты представлены не полностью, говорят о наличии в тексте «косвенного призыва» к осуществлению экстремистской деятельности. Наибольшую сложность представляет идентификация скрытого призыва, выраженного персуазивными высказываниями, направленными на изменение алгоритма поведения адресата. Скрытый призыв может быть отнесён к манипулятивным приёмам, так как чаще всего, не будучи распознанным со стороны адресата, активно воздействует на его сознание. С юридической точки зрения чаще всего невозможно однозначно определить наличие экстремистской составляющей в текстах, содержащих скрытые призывы.

4. Скрытый призыв, создающий негативный образ той или иной социально-политической группы или её представителя в глазах читателя, представляет собой феномен, граничащий с побуждением (к действию — к агрессивным действиям против этой группы) и возбуждением (вражды по отношению к этой группе). При текстовом переходе от возбуждения (вражды) к побуждению (к действию) автор нередко мотивирует читателя преодолеть некий условный «провокационный барьер». При этом, как правило, используются разнообразные средства манипуляции сознанием адресата текста.

5. На сегодняшний день из манипулятивных приёмов, используемых в актуальных материалах политического характера (размещённых в Рунете), наиболее распространёнными являются: апеллирование к авторитету (нередко одновременно с искажением смысла цитаты или собственно цитаты); «слова-амёбы»; аббревиатуры; эвфемизмы; термины и терминообразные наименования; ярлыки; количественные данные («большие цифры»); лексические единицы с богатыми, традиционно закреплёнными

культурными ассоциациями (культурные символы); политические метафоры; наименования этнокультурных стереотипов. Все перечисленные средства манипулирования сознанием адресата не новы, давно используются в политическом дискурсе и описаны в литературе по политической лингвистике.

6. В различных жанрах манипуляционного дискурса имеет место и моделирование эмоционального воздействия на сознание адресата. Подобное эмоциональное воздействие повышает потенциал манипулятивных средств и может производиться при использовании ненейтральных синтаксических структур, таких, как тавтологические и модифицирующие повторы, разрывы-эмфатизаторы, эмфатизирующая инверсия, препозициональные и постпозициональные расшифровки, потенциально-сочинённые предложения.

7. Интернет стал важным средством коммуникации в России и во всем мире. Он выполняет несколько функций, в том числе ряд латентных, среди которых выделяются мобилизационная и интеграционная функции — в определённых условиях обладающие экстремистским потенциалом. В частности, этот потенциал реализуется в социальных сетях, которые нередко используются для распространения экстремистских материалов и призывов к незаконным действиям и организации их. Тексты, нашедшие отклик у читателей, распространяются самостоятельно, бесконтрольно, лавинообразно. При этом авторы, публикующие сообщения в социальных сетях, не всегда нацелены на изложение правдивой и проверенной информации, не наделенной манипулятивным потенциалом. Наибольшее распространение получают материалы, размещенные «персонажами», обладающими большим социальным капиталом. В связи с влиянием и значимостью, которые приобретает интернет, и в связи с принципиально новыми, неизученными параметрами этой системы распространения информации исследования Рунет-пространства становятся с каждым годом всё актуальнее.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АКТУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТАХ РУНЕТА

2.1 Интернет-текст как особое средство коммуникации

2.1.1. Полисемиотическая природа интернет-текста

Интернет существует с 1969 года, то есть уже более 45 лет. С тех пор сеть разрослась до мирового масштаба — на 2014 год ею регулярно пользовались почти 3 миллиарда человек⁵³. Возникший как американский военный проект, интернет стал одним из важнейших средств коммуникации, то есть обмена информацией, на данный момент. 3 июня 2011 года ООН признало доступ в интернет базовым правом человека⁵⁴.

Сейчас, когда интернетом пользуется всё больше и больше людей, а для младшего поколения он становится основным средством общения, наряду, пожалуй, с мобильными телефонами, стоит говорить об оформлении сети как особого пространства коммуникации, отличного от известных ранее.

Глобальная сеть — это, с одной стороны, канал связи между обменивающимися информацией субъектами, а с другой — способ кодирования информации в текст, изображения, аудио или видеоматериалы, а далее — декодирования.

Интернет — это живой и развивающийся, расширяющийся гипертекст [Чувильская, 2008], [Калмыков, 2009]. Обмен информацией в нём осуществляется синхронно и при использовании синкретичных

⁵³ Internet Live Stats (elaboration of data by International Telecommunication Union (ITU) and United Nations Population Division) [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.internetlivestats.com/internet-users/>

⁵⁴ «ООН признала доступ в интернет базовым правом человека» (название с экрана) [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.zman.com/news/2011/06/07/103179.html>.

полисемиотических средств. Ничего подобного не наблюдалось в существовавших до этого средствах коммуникации.

Обычный текст имеет сравнительно малую информационную емкость в расчёте на знак и воспринимается линейно; восприятие текстовой информации зависит, в частности, от скорости чтения адресата текста. Обычный текст заставляет воспринимающего тщательно обрабатывать информацию, чтобы превратить буквенную линейность в объёмные образы.

Напротив, изображение обладает большей информационной ёмкостью и не требует от воспринимающего особого воображения. На одном изображении помещается больше объектов, которые осознаются почти одновременно. На таком свойстве изображения построены как комиксы, так и инфографика.

Наибольшей, пожалуй, информационной плотностью, обладает видео, совмещающее в себе преимущества изображений (движущихся и быстро сменяющихся друг друга), текста и аудиопотока.

Интернет позволяет использовать все виды информации синхронно, при этом текст с изображениями объединяются в смысловые группы, которые помещаются друг рядом с другом, к ним может добавиться видео — рядом или в качестве фона. И весь этот информационный поток воспринимается пользователем синхронно, а декодируется как единый синкрет — особый информационный «сгусток». В качестве примера можно привести большинство развлекательных или информационных порталов⁵⁵.

Стоит заметить, что в некоторых текстах, отобранных нами далее для анализа, значительной частью сообщения являются встроенные видео или изображения. Такие невербальные включения формируют общий контекст и существенно корректируют семантику исследуемых нами вербальных средств.

2.1.2. Подходы к научному осмыслению феномена интернета

⁵⁵ Например: lookatme.ru, siliconrus.ru

Е. И. Горошко выделяет пять подходов к изучению и, соответственно, оценке интернета [Горошко, 2012].

1. **Интернет — единое информационное пространство (материализация ноосферы).**

В данном подходе интернет рассматривается как социальный исследовательский объект, а задачей направления является составление социальных прогнозов развития сети. Определяющими свойствами явления считаются информация и технологии. Приверженцы подхода: Д. Белл, М. Порат, Э. Тоффлер, Т. Стоуньер, А. Рунов, Е. Путилова.

2. **Интернет — коммуникативное пространство, дающее возможность реализовать сетевые связи любой сложности.**

Объектом изучения является существующее общество, а предметом — преобразование основных социальных институтов в сетевые структуры и изменения в социальном устройстве общества, инициированные этими процессами. Приверженцы подхода: М. Кастельс, А. Неклесс, А. Биккулов, А. Родионов, А. Чистяков, Д. Кутюгин, Т. Бальжирова.

3. **Интернет — виртуальный аналог/образ мира.**

Основа направления — теории виртуализации социальных отношений. В рамках данного направления априори считается, что опосредованная интернет-технологиями виртуализация социальной реальности, существенно её трансформирует и, в конечном счете, превращает её в новую, не существующую ранее действительность. Приверженцы подхода: А. Бюль, М. Вейнстейн, Д. Иванов, А. Крокер, М. Паэтау.

4. **Интернет — киберпространство, постмодернистский объект.**

В интернете реализуются многие постмодернистские реалии, начиная от коллажирования и заканчивая воплощенной интертекстуальностью.

5. **Интернет — механизм, генетически встроенный в глобальное сверхобщество.**

В рамках данного подхода интернет определяется как средство, делающее возможным глобализацию информации, коммуникации, образования и экономики, действия и образов.

Наиболее адекватным, применимо к данному исследованию, видится четвёртый подход — стоит остановиться на нём подробнее.

Ярко и довольно точно характеризует пространство глобальной сети термин «ризома», введенный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари, 2005]. Адекватность применения данного термина к сети интернет обосновывает В. А. Емелин [Емелин, 2004].

«Связь и гетерогенность» в глобальной паутине реализуются благодаря разветвленной и неиерархичной системе связи между компьютерами. Каналы, по которым происходит обмен информацией, могут располагаться где угодно с точки зрения реальной географии, но использованы они могут быть даже для передачи сообщения из одной комнаты в другую. Кроме того, в интернете нет центрального контролирующего компонента, от которого зависит целостность и работоспособность всей системы.

Принцип «множественности» находит своё воплощение в системе каналов связи, благодаря которым и происходит обмен информацией. Она не может быть найдена в конкретной точке пространства. Правильнее будет сказать, что реальная информация, которую пользователь видит на экране компьютера, создаётся в данный момент, составляясь из мелких обрывков, передаваемых ему по разнообразным каналам связи. Предлагается принять это как аксиому. Дело в том, что для доказательства этого тезиса следовало бы обратиться к проблеме создания и отображения веб-страниц, html-кода и библиотек CSS, а это, в свою очередь, стало бы существенным отходом от темы исследования. По крайней мере, следует заметить, что браузер каждый раз заново создаёт для пользователя визуальный образ веб-страницы на основе данных, поставляемых ему сервером или серверами. Часто в

различных браузерах код интерпретируется по-разному, а значит и сайт выглядит иначе, что подтверждает множественность интерпретаций.

В последнее время становится всё более очевидным адекватность применения принципа *«незначущего разрыва»* к интернету. Ни у одного государства не получилось заблокировать сеть собственно средствами сети. Любой «разрыв» можно обойти множеством способов. Например, после угрозы блокировки «Википедии» Роскомнадзором ⁵⁶, свободная энциклопедия создала страницу с описанием способов обхода блокировки⁵⁷. Так интернет становится гарантированным пространством передачи информации, в том числе и экстремистской или близкой к ней: любой заблокированный Роскомнадзором сайт моментально обзаводится десятком копий по другим адресам.

«Картография и декалькомания» подразумевают нестабильность структуры ризомы, её принципиальную незаконченность, неочерченность и возможность вхождения в неё из любой точки. Не считая постоянного расширения сети, прокладки новых физических маршрутов в виде оптоволоконных кабелей, подключения новых серверов и пользователей, интернет соответствует этим критериям и в более «сетевом» смысле. Пользователь сети редко следует одним и тем же маршрутом, перемещаясь между страницами и сайтами каждый раз по-новому. Неизменной не является и точка входа — будь то сайт поисковой системы, социальной сети, провайдера или любой другой.

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание на возможные последствия для современного дискурса. По-видимому, незавершенность и множественность как неотъемлемые свойства нового информационного пространства в перспективе могут разрушить прогнозируемость дискурса,

⁵⁶ Страница русскоязычной Википедии, содержащая запрещенную информацию о наркотическом веществе, направлена на блокировку операторами связи — Роскомнадзор [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news34253.htm>

⁵⁷ Что делать, если Википедия заблокирована [Электронный ресурс]; Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Что_делать,_если_Википедия_заблокирована

что лишит участников коммуникации возможности тиражировать тот или иной смысл в его неизменном виде: в постоянно меняющемся контексте интерпретация знаков становится бесконечно множественной и принципиально непредсказуемой. Поэтому усиливается роль особых словесных маркеров—носителей прогнозируемых коннотаций.

2.1.3. Особенности получения текстовой информации из интернета

Исследования показывают, что пользователи интернета получают информацию не так, как при чтении, например, книг или газет. Сеть создаёт особое пространство, в котором действуют свои способы восприятия.

Компания Google проводила исследования того, как люди воспринимают страницу их поисковой выдачи и принимают решения о том, на какой сайт перейти [Google Inc., 2009]. Первым выводом стало то, что пользователи оценивают результаты поиска так быстро, что делают дальнейший выбор подсознательно. Далее, иллюстрации помогают перейти на релевантную страницу или, наоборот, пропустить нерелевантную.

Исследования Nielsen Norman Group [Jakob Nielsen, 2006], в котором движения глаз испытуемых в ходе просмотра тысяч веб-страниц отслеживались специальным устройством, дали следующие результаты.

Глаза людей, воспринимающих интернет-страницы, движутся по траектории, напоминающей латинскую букву „F“. То есть сначала человек делает горизонтально движение глазами, считывая информацию, находящуюся в верхней части экрана — чаще всего это заголовок страницы или крупная иллюстрация с заголовком. Затем глаза совершают ещё одно движение по горизонтали, считывая один или несколько абзацев текста в верхней части страницы. После этого глаза производят вертикальное движение, сканируя остальную информацию на странице. Это может быть четкое движение вниз по тексту, либо отрывочные скачки в нижней части страницы («по диагонали»).

Предполагаемые следствия из материалов исследования состоят в следующем: пользователи не читают веб-страницы полностью, как читают книги, а сканируют их на предмет интересующей информации. Первые два абзаца будут прочитаны со значительно большей вероятностью, чем все остальные. Причём первый — больше, чем второй. По ходу движения вниз по странице глаз останавливается на ключевых словах, что можно использовать для привлечения внимания к пунктам списков или абзацам.

В другом исследовании [Weinreich, Obendorf, Herder, and Mayer, 2008] ученые Г. Вайнрайх, Х. Обендорф, Э. Хердер и М. Майер заинтересовались вопросом, насколько мало слов на странице читают пользователи. Эмпирические догадки состояли в том, что люди никогда не читают 100% информации на странице. Оставалось выяснить, какую долю слов они всё-таки прочтут. Согласно анализу данных исследования [Jacob Nielsen, 2008] пользователи прочитают в лучшем случае половину текста на странице, если он состоит не более, чем из 111 слов. В среднем люди читают от 20 до 28% текста, который размещён на веб-странице. Побочным результатом исследования также явился факт, что наиболее частым действием пользователя в интернете является переход по гиперссылке на другую веб-страницу.

F-модель восприятия текста в интернете

Реципиент не прочитывает текст целиком, а скользит по нему взглядом. Его внимание обращает на себя начало текста: заголовок и первый абзац. Также всплеск внимания приходится на конец текста и значимые лексические единицы внутри него.

Илл. 1. F-модель восприятия текста в интернете

Исходя из результатов исследований, приведенных выше, следует сделать вывод о том, что люди в интернете почти никогда не читают текст в традиционном понимании этого процесса. Они сканируют веб-страницы в поисках важной или интересной информации. В политическом дискурсе такой интерес будет представлять актуальная информация — свежая, скандальная или проблемная.

В связи с этим у авторов интернет-текстов существует задача «зацепить» читателя и, по возможности, не отпускать до конца текста. Но сделать это гораздо сложнее — ведь читатель не будет послушно скользить по строчкам. Отсюда в тексте появляются «цепляющие» читателя слова, те, что вызывают эмоции и яркие образы в памяти или воображении, создают ощущение интриги и мотивируют прочитать следующий фрагмент, а затем ещё и ещё один. Автор должен нарисовать своим текстом картину событий и заставить поверить в неё читателя за короткий промежуток времени, даже при чтении «по диагонали». Поэтому в интернет-текстах используется лексика, которую мы предлагаем называть «брендированной» или «словами-брендами». Также хорошо держит внимание определённой части читательской аудитории так называемый «негативный прогноз»⁵⁸.

Результаты данного исследования подтверждают важность брендов как маркеров, направляющих внимание пользователя в потоке «плывущих» смыслов. Стоит говорить о дополнительной функции указанного явления — навигационной. Основная черта всемирной сети (Рунет не является исключением) — это система гиперссылок, благодаря которой пользователь переходит со страницы на страницу в соответствии со своими интересами и задачами. Лексические бренды заключают в себе типичные, прогнозируемые коннотации. Размещённые в «правильной» позиции (в первых двух абзацах, либо в начале последующих, при этом — в функции гиперссылок), они притягивают внимание читателя, мотивируют к восприятию последующей

⁵⁸ Подробнее об этом — в последующих разделах работы.

информации и служат своеобразным «навигатором» при перемещении в сети — по «маршруту», заданному автором-манипулятором. Так, текст с той или иной страницы интернета «выплёскивается» на другие страницы в направлении, указанном ссылками. В результате объём текста теряет определённую и обозримую — как формальную, так и содержательную.

2.1.4. Рунет и «фильтрующая» функция языка

Коммуникация в интернете, по большей части, является массовой или «опосредованно массовой». Публикуя сообщение в сети в открытом доступе, автор либо сознательно, либо неосознанно демонстрирует это сообщение фактически всему миру. Безусловно, следует делать поправки на степень известности автора, ресурс, на котором произведена публикация, и некоторые другие факторы, от которых зависит скорость и масштаб распространения этой информации. Однако потенциально возможность широчайшей популяризации всегда присутствует.

Например, если пользователь социальной сети Twitter пишет сообщение другому пользователю, оно будет показано общим подписчикам, обменивающимся сообщениями. Комментарии в большинстве блогов и социальных сетей также остаются открытыми. Для отправки частных сообщений людям приходится использовать специальные сервисы внутри социальных сетей или блоговых платформ или так называемые «мессенджеры», т.е. программы или сайты, единственной или основной функцией которых является личная переписка. Однако на сегодняшний день отмечается тенденция появления и в мессенджерах также публичных групповых чатов, когда переписка группы лиц сознательно демонстрируется публике⁵⁹. При этом участники коммуникации не могут повлиять на публичность процесса или даже его прокомментировать.

⁵⁹ Viber предложил следить за дискуссиями знаменитостей [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/11/19/viber/>

Таким образом, большая часть коммуникации между пользователями социальных сетей, форумов, блогов или иных платформ протекает «на сцене», «на большой площади», где каждый проходящий мимо может как минимум послушать, что говорят, а то и присоединиться к выступающим.

«При этом социально-коммуникативная роль интернета является достаточно многосторонней: он позволяет устанавливать горизонтальные связи в общении между людьми; информация в Сети предлагается к добровольному восприятию; возможность стать участником информационного процесса есть практически у каждого человека; в отличие от многих других СМК интернет — это средство всестороннего открытого общения» [Бальжирова, 2003; 54]⁶⁰.

Широкое распространение исходной вербальной информации имеет место при отсутствии общего объективно заданного «смыслового знаменателя». Таким образом, взаимопонимание коммуникантов — это зачастую лишь иллюзия. Для решения этой проблемы авторы пытаются привлечь и зафиксировать своего читателя: невозможно создавать тексты, которые будут обладать убеждающей силой сразу для всех. Слишком откровенные манипуляции в письменном (и даже устно-письменном) тексте очень заметны. Поэтому автору приходится искусственно ограничивать круг своих читателей. Сделать это экстралингвистическими средствами не представляется возможным: не получится закрыть доступ к материалам всем, кроме, например, «мужчин в возрасте от 30 до 50 лет, которые не любят СССР». Если в обычной реальности получилось бы собрать единомышленников в одной комнате и внушить им определенный образ мыслей, используя весь арсенал убеждающих приёмов, то в виртуальной реальности это не столько невозможно, сколько трудно контролируемо и неэффективно.

⁶⁰ цитируется по [Е. И. Горошко, 2010; <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=232>]

Остаётся встраивать в контекст «крючки» — слова-бренды, культурные и (псевдо-)исторические аллюзии, стереотипы — которые будут считываться только людьми определенного возраста, уровня образования и убеждений. Это позволяет создать у читателя ощущение, что автор «свой», разрушить барьер недоверия и в дальнейшем добиться более доброжелательного восприятия информации.

Таким образом, у современного русского языка в интернет-дискурсе формируется новая функция, или под-функция, — «фильтрующая». В интернете почти невозможно искусственно ограничить аудиторию неязыковыми средствами, но осуществлять коммуникацию предпочтительно с неслучайной аудиторией. Поэтому автор текста сознательно закладывает в текст языковые «маркеры», позволяющие отсеять «ненужную» аудиторию, контакт с которой изначально обречён на провал из-за неподходящих убеждений, возраста, культурной или языковой общности и других причин. Одновременно работают и другие маркеры — навигационные, которые ведут по продуманному маршруту тех, кто не был отсеян, то есть принадлежит к заданной группе адресатов.

Итак, интернет, представляя собой уникальный социальный феномен, формирует новую когнитивную среду между коммуникаторами, в которой происходит самоорганизация нового типа когнитивного мышления, нового знания о реальности, являющегося продуктом деятельности различных социальных общностей⁶¹.

2.1.5. Устно-письменный характер Рунет-коммуникации

Лингвистами отмечена особая форма речи, характерная для коммуникации в интернете — так называемая «устно-письменная речь» [Рязанцева, 2010], [Yates, 1996], [Лутовинова, 2012]. Такой вид речевого

⁶¹ См. об этом: Аршинов В. И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации // Онтология и эпистемология синергетики. 1997. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://bookfi.ru/g/Аршинов>.

общения сочетает в себе как черты письменной речи (в частности, использование графики, временно-пространственная разъединенность коммуникантов, а в связи с этим возможность предварительного контроля отправляемого сообщения, а также гипертекстуальность), так и черты устной речи (приближение написания к произношению, мгновенная отправка сообщения без коррекции, фрагментарность речи, эллиптические предложения и предложения с инвертированным порядком слов, использование жаргонов и сниженной лексики и, наконец, восприятие пользователями сети коммуникации как устной). Именно поэтому, наряду с манипулятивными приёмами, в Рунет-текстах экстремистского характера успешно используют ненейтральные структуры, свойственные, в первую очередь, устным речевым жанрам⁶².

2.2. Слова-бренды как особые вербально-ментальные единицы информационного потока

2.2.1. Бренд и «слово-бренд»

В ходе исследования материалов экстремистского характера, размещённых в сети Рунет, были обнаружены особые лексические единицы, которые не представляется возможным отнести ни к идеологемам, ни к аксиологемам или прецедентным именам, но в некоторых аспектах близкие к названным явлениям. Для таких слов предлагается использовать наименование «брендированная лексема» или «слово-бренд». Представляется необходимым дать определение вводимому понятию и обосновать его своеобразие путём сравнения со смежными понятиями.

⁶² См. об этом в первой главе работы.

Слово «бренд» заимствовано из английского языка, где изначально обозначало «клеймо, тавро»⁶³. Сейчас употребляется в значении «тип продукта, производимый определенной компанией под конкретным именем»⁶⁴. В русском языке слово используется в значениях:

1. торговая марка товара или продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя;
2. знак, образ предмета или явления; имидж;
3. то же самое, что «лейбл» [Ефремова, 2006].

«Бренд» используется как термин в сфере маркетинга и коммерческой деятельности в принципе. Специалисты этих областей так определяют данное понятие:

Бренд — это не вещь, продукт, компания или организация. Бренды не существуют в реальном мире — это ментальные конструкции. Бренд лучше всего описать как сумму всего опыта человека, его восприятие вещи, продукта, компании или организации. Бренды существуют в виде сознания или конкретных людей, или общества (James R. Gregory) [Мамлеева, Перция, 2007; 27].

Мы определяем бренд как торговую марку, которая в глазах потребителя вбирает в себя четкий и значимый набор ценностей и атрибутов. Продукты сделаны на фабрике. Но продукт становится брендом только в том случае, когда он приобретает множество осязаемых, неосязаемых и психологических факторов. Главное, о чём нужно помнить, — бренды не создаются производителем. Они существуют только в сознании потребителя (Charles Brymer) [Там же].

⁶³ Определение из Оксфордского онлайн словаря: «2. An identifying mark burned on live stock or (especially in former times) criminals or slaves with a branding iron» [<http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/brand>], дата обращения 04.04.2015

⁶⁴ «A type of product manufactured by a particular company under a particular name» [ibid]

Бренд — это более чем реклама или маркетинг. Это все, что приходит в голову человеку относительно продукта, когда он видит его логотип или слышит название (David F. D'Alessandro) [Там же].

Набор восприятий в воображении потребителя (Paul Feldwick) [Там же].

Коммерчески ценный знак или сумма знаков, которая известна определенной группе людей, вызывает в их памяти схожую информацию и схожее отношение к реальным или вымышленным объектам (интерпретацию). Бренд способен влиять на поведение этой группы людей в интересах своего владельца, что и создает его коммерческую ценность. Коммерческая ценность бренда определяется также тем, насколько легко он может быть оторван от одного объекта и перенесен на другой объект или группу объектов с сохранением своей интерпретации [Буланов, 2013; 46].

Таким образом, бренд — это не просто номинация, а совокупность представлений и интерпретаций, связанных с определённым словом, как правило, товарным знаком. Он обладает манипулятивным потенциалом, так как способен влиять на поведение людей в рамках коммерческой деятельности.

Соответственно, термин «слово-бренд» вводится с целью определить номинации, обладающих следующими признаками:

- 1) употребляемое слово вызывает у широкой группы лиц схожую информацию в памяти и единообразную интерпретацию и реакцию на объекты и явления, связанные с этим словом;
- 2) функционирует как ярлык, который возможно соотнести с объектами или явлениями, изначально этим словом не обозначавшимися;

- 3) актуализируется в интернет-дискурсе, а вне его теряет ассоциативное поле и, соответственно, манипулятивный эффект;
- 4) в интернет-потоке выполняет, в первую очередь, навигационно-фильтрующую функцию.

Слово-бренд это явление информационной эпохи. Сейчас стало очевидным наличие в современной коммуникации информационной перегрузки, когда «количество поступающей полезной информации превосходит объективные возможности её восприятия человеком» [Еляков, 2005; 114]. В связи с этим остро встаёт проблема вычленения качественной и достоверной информации, а также её интерпретации. При этом мозг стремится минимизировать мыслительные затраты для понимания и трактовки отдельных информационных фрагментов. Именно отсюда происходит риск манипулирования сознанием с использованием «брендированных слов».

Брендированные слова всегда актуальны для дискурса, в котором они употребляются. Перестав быть актуальными, они теряют свой «брендированный» характер. При восприятии в потоке информации мозг интерпретирует их согласно стереотипизированным представлениям репрезентанта культуры или социальной группы. То есть слово-бренд это средство уменьшения информационной нагрузки в определённой социальной среде. Этим, в частности, обусловлена возможность использования слов-брендов для манипулирования сознанием адресатов, принадлежащих к заданной группе.

Например, бренд **«(евро)майдан»**. Очевидно, до 2013 года слово «майдан» употреблялось в речи носителями русского языка в редких случаях. Однако во время событий 2013–2014 года на площади Независимости в Киеве лексемы «Майдан» и «Евромайдан» стремительно вошли в интернет-дискурс. В исследуемом материале они используются в сильной позиции — в первых строчках предлагаемого читателю материала:

*Основной анализ событий **Евромайдана** будет по его окончании, а пока тезисно разберем, почему на Украине удалось поднять довольно удачное восстание, а в России двумя годами раньше — нет.*⁶⁵

*Адвокат Аграновский шутит в твиттере: "Чертов поганый **майдан!!!** Так ведь и амнистия болотникам может сорваться!"*⁶⁶

*Гляжу, у наших диванных спецов по "правому движу" (ну, СиП там, вот это все) в связи с острым баттхертом от украинских событий, стало модно заявлять — дескать, основная сила на **Майдане** — это боевики "Свободы", и у нас было бы так же, если бы русских правых подлые хипстеры не прогнали с Болотной!*⁶⁷

***Майдан** — безусловно, серьезная заявка на формирование нации. Серьезней я еще не видел.*⁶⁸

*Севастопольский **Майдан***⁶⁹

*Феномен **Майдана***⁷⁰

*Подвиг героев **Майдана***⁷¹

Никакого пророссийского или русского восстания на Украине не наблюдается.

⁶⁵ Павел Пряников. Почему на Украине удалось восстание [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C3CB2548A1>

⁶⁶ Андрей Мальгин. Последствия [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529BA4EDA759E>

⁶⁷ Михаил Пожарский. «Субботний Майдан разогнали не потому, что там "не было националистов", а потому что там было мало людей» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529CC7A16E8A1>

⁶⁸ Федор Крашенинников. Русское [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530A5E837F696>

⁶⁹ Александр Скобов. Севастопольский Майдан [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://grani.ru/blogs/free/entries/225510.html>

⁷⁰ Вадим Слуцкий. Феномен Майдана [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530DE4C1F1871>

⁷¹ Ольга Картунова. Нетолерантное [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530DC3800582C>

*Даже в Крыму сегодня ничего не получилось: в Симферополе у парламента русских собралось мало, крымских татар и сторонников **Еромайдана** — гораздо больше.*⁷²

*И волнения на востоке и юге Украины не очень большие и не сильно народные. Движения русских (или прорусских) **майданов**, кажется, не состоялось.*⁷³

Брендовый характер указанных лексем подтверждается их употреблением применительно к событиям, не связанным с событиями в Киеве в конце 2013 – начале 2014 гг., с целью программирования восприятия действий гражданских активистов⁷⁴:

*«Столичный парк Торфянка: **майдан** в вашем дворе»;*⁷⁵

*Лосиноостровский “**майдан**”.*⁷⁶

Итак, слова-бренды — это особые вербально-ментальные единицы информационного потока, рождающиеся только в интернет-потоке и для этого потока. У слов-брендов есть особая функция — навигационно-фильтрующая, они с этой функцией «живут» в ежесекундно меняющемся потоке информации, этот поток бесконечно меняется и по форме, и по содержанию (так, что «задержать» его движение можно только скриншотами). Следовательно, слова-бренды принципиально недолговечны

⁷² Валерий Савельев. Крым це не Россия [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530EDDA552AB1>

⁷³ Валерий Савельев. Нам эта головная боль сильно нужна? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531180F44CE16>

⁷⁴ Причём программированное восприятие отличается в зависимости от адресата текста. Если автор обращается к поддерживающим активистов, выступивших против В.Януковича, то очевидно намерение перенести позитивное восприятие на объект называния, указанный в статье. Если же реципиенты текста настроены против Майдана, то автор сформирует негативное отношение и к собраниям, о которых идёт речь в статье.

⁷⁵ Ридус [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://www.ridus.ru/news/189337>

⁷⁶ Православие и мир [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/losinoostrovskiy-maydan/>

и атрадиционны, в отличие от «ярлыков», возникавших и возникающих вне интернет-пространства.

2.2.2. Происхождение слов-брендов

С одной стороны, брендами могут становиться неологизмы или варваризмы. Например, слово «креакл» (сокращение от «креативный класс»), активно употреблявшееся в 2011 году для обозначения неопределённой социальной группы либеральных или оппозиционных взглядов⁷⁷. В связи с неблагозвучной фонетической формой эта лексема зачастую воспринималась как пейоратив, ныне ушло из актуального дискурса. Также брендом можно назвать словосочетание «Партия жуликов и воров», введённая в политический дискурс Алексеем Навальным в эфире радио Финанс FM и активно употребляющаяся и по сей день⁷⁸. Данное словосочетание, например, обнаруживается употребление в тексте Михаила Тевосяна⁷⁹:

Государство жуликов и воров падет, но останется язык, который переживет третий акт русской трагедии.

С другой стороны, для слов-брендов характерно явление функциональной омонимии, когда уже существующее, но неактуальное слово или словосочетание искусственно актуализируются (провоцируется их частотное употребление) и наделяются новым значением, например слово

⁷⁷ Поравалитики и креаклы [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.mn.ru/oped/86751>

⁷⁸ Суд отказался взыскать с Навального в пользу единоросса 1 млн рублей [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://infosud.ru/judicial_news/20111011/256238159.html Навальный или Федоров. За кем правда? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ccE-zCR1ej4>

Москвичи используют оригинальную форму агитации против "Единой России" [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://kprf.ru/crisis/agitator/99178.html> Предвыборные дебаты. Сергей Миронов в эфире канала «Россия 1» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://archive.is/20120911163057/www.spravedlivo.ru/news/aneews/16703.php?highlight=%CF%E0%F0%F2%E8%FF%20%E6%F3%EB%E8%EA%EE%E2%20%E2%EE%F0%EE%E2>

⁷⁹ Михаил Тевосян. Хаос, как результат саморазрушения [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530DEB522B873>

«фашист», равнозначное употребляемое как в государственных СМИ в отношении современного украинского правительства и армии, так и в оппозиционном дискурсе в отношении действующей власти в России. Признать данную лексику брендом позволяет стёртость конкретного значения в актуальном словоупотреблении.

Согласно словарю Т. В. Ефремовой [Ефремова, 2006; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/261177/Фашист>], слово «фашист» употребляется в следующих значениях:

I м.

1. Приверженец фашизма.

2. Член фашистской организации.

3. разг. Солдат или офицер гитлеровской Германии, воевавший с СССР в 1941 - 1945 гг.

II м.

1. разг.-сниж. Крайне злобный, агрессивный человек.

2. Употребляется как порицающее или бранное слово.

В текстах, опубликованных на сайте канала «Россия», эта номинация неоднократно употребляется в отношении правительства Арсения Яценюка и президента Петра Порошенко⁸⁰. Кроме того, имеются случаи именования «фашистской» исламской террористической организации ИГИЛ⁸¹. Ни в первом, ни во втором случае такая лексема не реализуется ни в одном из известных лексико-семантических вариантов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова «фашизм» и «фашист» употребляются, в первую

⁸⁰ Украинский фашизм: Порошенко избрал террор формой правления [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2516633>

⁸¹ "Исламское государство" может стать фашистским [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2680501>.

очередь, с целью выражения негативного отношения к называемому объекту и формирования такого же отношения у воспринимающего. Последнему способствует ассоциативный ряд, вызываемый словом-брендом в сознании адресата. Вообще же, брендом может стать любое слово, если оно в интернет-тексте начинает выполнять навигационно-фильтрующие функции. Если вне интернет-пространства это же по материальной оболочке слово используется как-то иначе, то есть традиционно, значит в интернет-тексте мы имеем дело с омонимом-брендом.

Слово-бренд входит в политический дискурс и употребляется с определенной целью — манипуляции массовым сознанием в условиях особой организации информационного потока и формирования заданной аудитории. Представляется логичным определить место слов-брендов в ряду других единиц дискурса со схожим иллокутивным компонентом, таких, как политическая метафора, идеологема, аксиологема и прецедентные имена.

2.2.3. Политическая метафора и слово-бренд

Политической называется метафора, используемая в соответствующем дискурсе и выполняющая следующие функции:

- 1) эвристическую (служит средством осмысления политической реальности);
- 2) аргументативную (служит средством убеждения аудитории);
- 3) манипулятивную (служит средством внесения в сознание адресата необходимых адресанту суждений);
- 4) а также функцию снятия ответственности (увеличивает расплывчатость формулировок и делает невозможным буквальную трактовку слов автора) [Кобозева, 2001; 134–135].

Таким образом, политическая метафора и слово-бренд совпадают лишь в том, что служат средством манипуляции.

Как и слова-бренды, политическая метафора основывается на актуализации отдельных сегментов концептуальных структур в сознании

адресата политической коммуникации. Эти структуры связаны с семиотическим пространством культуры, к которой относит себя адресат. Знаки, к которым обращаются авторы текстов, могут как относиться к конкретной культуре вообще (истории, литературе и проч.), так и к картине мира, формируемой СМИ. Именно благодаря обращению к общему социальному лингвокультурному опыту возможен прагматический эффект манипуляций словами-брендами и политическими метафорами, рассчитанными на широкую аудиторию [Будаев, 2006].

Основное отличие политической метафоры от слов-брендов состоит в структуре. Первое явление — это троп, фигура речи, используемая в политическом дискурсе. Она представляет собой переносный образ, который подменяет естественную номинацию объекта. Слово-бренд не основано на переносе и сравнении одного объекта с другим по схожим признакам. Оно само по себе обладает рядом связанных образов, возникающих в сознании адресата. Причём этот ряд образов служит значительному упрощению восприятия информации.

Например, употребляя наименование «фашисты» как политическую метафору во время вооруженного вторжения НАТО в Сербию, сербские власти актуализировали культурные коды, вызывая у сограждан стремление дать отпор захватчикам. Напротив, слово-бренд «фашист», так же значимое для русской ментальности, как и для сербской, используется исключительно для актуализации коннотативных сем и не нуждается в специальном контексте. Оно должно лишь вызвать ряд прогнозируемых ассоциаций и помочь адресату сориентироваться в пространстве интернета (Рунета). Действительно, сам факт «привязки» данного наименования к какому-либо лицу вызывает легко предсказуемую реакцию адресата. Относительно недавний пример — употребление этого бренда в отношении украинских силовиков.

В исследуемом материале лексема бренд «фашист» в некоторых случаях используется в пресуппозиции для соответствующей оценки действий спецслужб по отношению к демонстрантам:

"22 июня. Ровно в 4 часа. Киев бомбили. Нам объявили, что началась война." <...>

Ровно в 4 часа ОМОН в Москве жестко растаскивал мирных студентов, ночевавших на Чистых Прудах (#ОккупайАбай). <...>

Полтора года спустя точно такую же операцию провели в Киеве. Тоже ровно в 4 часа⁸².

Автор сопоставляет разгон демонстрантов с наступлением войск нацистской Германии, создавая однозначно отрицательный образ силовых структур и положительный — демонстрантов.

Как метафоры, так и бренды, действительно, часто используются в основе тех или иных пресуппозиций. Например, метафора «Золотая Орда» применительно к России (подробнее этот пример рассматривается при анализе текста В. Слущкого «Жажда войны и любовь к президенту» в разделе 3.5.). Ниже приведён пример использования такой пресуппозиции в паре с брендом «Запад»:

Россия — сходство которой с Золотой Ордой в последнее время стало уж слишком явным — разумеется, тоже довольна своим гниением, своим очередным трогательным единением раболепных подданных и ошалевшей от безнаказанности монгольской власти. <...>

Ордынские порядки в России не дают ей стать конкурентоспособной, развитой современной страной, делая ее сырьевым придатком Запада — и это его вполне устраивает. <...>

⁸² В. Голышев. Почему в России это невозможно? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://golishev.livejournal.com/2334650.html>; <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C6F28D559D>

*И вот так Россия гнила, все глубже погружаясь в свое ордынство, все больше разлагаясь, — и Запад тоже нравственно и духовно гнил.*⁸³

Итак, в данном фрагменте пресуппозиционная метафора «Золотая Орда» соседствует с частотным брендом «Запад». В словарях слово толкуется так:

ЗА́ПАД, запада, мн. нет, муж.

1. Одна из четырех стран света, в противоп. востоку; часть горизонта, где заходит солнце.

|| Направление, сторона, противоположные по отношению к востоку. На запад тянулась степь. К западу от Москвы.

2. (З прописное). Европейские страны романо-германской культуры. Культура Запада.

[Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова, 1935–1940]

ЗА́ПАД, -а, муж.

1. Одна из четырёх стран света и направление, противоположное востоку; часть горизонта, где заходит солнце.

2. Местность, лежащая в этом направлении, а также (З прописное), при противопоставлении странам бывшего СССР и Востока, страны Западной Европы и Америки. Искусство Запада.

| прил. западный, -ая, -ое.

⁸³ В. Слущкий. Прорыв гнойника. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53183F83E1173>

[Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997]

За́пад, м.

- 1. Высокоразвитые в экономическом отношении страны Западной Европы и США.*
- 2. Страны, развивающиеся по образу европейской — в противоположность восточной — культуры.*
- 3. То, что имеет отношение к западной культуре, западному образу жизни.*

[Толковый словарь Ефремовой, 2006]

Кроме того, интересно рассмотреть трактовку данной лексемы в политологическом словаре, а также в Русском ассоциативном тезаурусе, чтобы определить возможные коннотации и ассоциативные связи.

ЗАПАД

(West) термин, обозначающий Западную Европу, США и другие заселенные европейцами страны. Ассоциируется с идеалом светского и демократического либерализма, и экономическим ростом. К этому идеалу на всем протяжении истории 20 в. поочередно стремились народы России, Турции, Китая и других стран, впоследствии отказавшиеся от него. Со 2-й половины 1940-х гг., идеологическое и военное противоборство времен холодной войны (cold war) привело к появлению откровенно коммунистического Востока, во главе с СССР и Китаем, и Запада, центром которого с тех пор стали США, где такие ценности, как ориентация на потребление, экономический рост и

свобода личности, выражены наиболее ярко. Именно от этой якобы разлагающейся цивилизации, явившейся следствием холодной войны, по-прежнему стараются оградить себя такие непохожие друг на друга исламские государства, как Иран и Саудовская Аравия, не отвергавшие тем не менее ни высокого уровня развития технологии и вооружений, а также материального благосостояния, достигнутых на Западе.

[Политология. Словарь, 2010]

Ассоциативный тезаурус представляет следующее распределение реакций на стимул «западный»⁸⁴:

ветер — 40;

берег — 8;

район — 6;

восточный — 5;

край — 4;

мир — 4;

округ — 4;

фильм — 4;

образ жизни — 3;

стиль — 3;

Америка — 2;

южный — 2.

⁸⁴ Не учитывая одиночные реакции

[Русский ассоциативный словарь, 1994–2002]

Нетрудно заметить, что лексемы «запад», «западный» используются в качестве гиперонимических для наименования европейских стран и народов, США и Канады, однако не обладают однозначно выделяемой положительной или отрицательной коннотацией, а также не предполагают однозначных положительных или отрицательных ассоциаций.

В исследуемых же текстах ярко выражена оценочность при использовании вышеназванных лексем. Например, в сильной позиции — заголовке или первом абзаце:

*ЗАПАД. Надеяться на активную помощь со стороны США или ЕС не приходится.*⁸⁵

*Во-вторых, поражение в украинской авантюре грозит привести путинский режим к краху, а к этому Запад совершенно не готов.*⁸⁶

*Запад будет, сколько может, уклоняться от решительной схватки — результатом чего неизбежно станет 3-я мировая.*⁸⁷

*Запад не может ничего поделать с Россией.*⁸⁸

*Путин, Украина и Запад: сейчас определяется диспозиция.*⁸⁹

*Ряд членов СПЧ обвинили в пропаганде "чуждых идей под давлением Запада".*⁹⁰

⁸⁵ Л. Сторч. Война «исподтишка» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531342E713CE0>

⁸⁶ *ibid.*

⁸⁷ В. Слуцкий. Моя real politics [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531AEC55B9735>

⁸⁸ С. Бадретдинов. Запад не может ничего поделать с Россией [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531ED28EC6AA0>

⁸⁹ В. Савельев. Путин, Украина и Запад: сейчас определяется диспозиция [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5312E92AB7C54>

В слабой позиции — внутри текста — бренды также привлекают внимание читателя, особенно если используется эмоционально насыщенный контекст.

*Запад сейчас расхлебывает свою бесхребетность;*⁹¹

*Путин и обнаглел окончательно, решил, что и Крым Запад так же безропотно проглотит. Вернее, проглотит Путин, а Запад утретя. И правильно, судя по всему, решил;*⁹²

*<...> а Запад по поводу этого чихания будет лишь вздохать и призывать к переговорам;*⁹³

*Чудовищная коррупция, гарантом которой давно уже является Путин, устраивала и устраивает Запад, потому что капиталы вывозятся именно в Европу и Америку. Кроме того, Путин ослабляет Россию, разрушая ее экономику, делает ее сырьевым придатком Запада — что также Запад полностью устраивает;*⁹⁴

*<...> в точности так же Запад в свое время вел себя по отношению к Гитлеру;*⁹⁵

*Это ровно ничему Запад не научило. Через 80 лет Запад повторил ту же самую ошибку;*⁹⁶

А Запад разве не использовал длительный период мира, стабильности и экономического процветания — только для того, чтобы стать еще

⁹⁰ А. Карев. «Здесь вам не Майдан» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5316D5EBA4623>

⁹¹ В. Зайдман. Остров Крым. Интервенция [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53120C8EAC6C5>

⁹² *ibid.*

⁹³ *Ibid.*

⁹⁴ В. Слуцкий. «Пока зло не созрело...» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5315B932C5A86>

⁹⁵ *ibid.*

⁹⁶ *ibid.*

*более эгоистичным и гедонистичным, еще более мещански-равнодушным? Разве тот нравственный и духовный кризис, в котором очевидно пребывает Запад, — это не результат как раз сладенького мира, а вовсе не войны?*⁹⁷

*Позиция Запада в этом вопросе удручает;*⁹⁸

*Он глубоко презирает и во многом заслуженно западных лидеров и полагает, что раз они проглотили Крым, то проглотят и все остальное.*⁹⁹

Таким образом, политические метафоры отличаются от слов-брендов как функциями, так и структурой семантики. Слово-бренд не является тропом, употребление его в отношении объекта вызывает эмоциональную реакцию, направляющую и корректирующую внимание адресата и его поведение в информационном потоке.

2.2.4. Идеологема и слово-бренд

Идеологема по разным определениям это:

мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму [Купина, 1995];

языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [Купина, 2000];

⁹⁷ В. Слуцкий. «Пока зло не созрело...» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5315B932C5A86>

⁹⁸ Л. Сторч. Странная война [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531631FA6E8E9>

⁹⁹ А. Пионтковский. Так пойдет ли он на Киев? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5319BD8B9BC8E>

слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина, 2005], имеющее «в своем значении идеологический компонент» [Чудинов, 2007];

единица когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах [Малышева, 2009].

Существует и более широкая трактовка идеологема как любого феномена, так или иначе акцентирующего принадлежность к идеологии (от падежных окончаний до портретов) [Гусейнов, 2004]. Отметим, что С.Г. Кара-Мурза подчёркивал принципиальное отличие идеологии от манипуляции сознанием, состоящее, прежде всего, в открытом характере идеологии. Подобное различие логично проецируется и на идеологему и слово-бренд.

Ещё одно очевидное различие идеологем и слов-брендов — это разное основание интерпретации. Первые входят в ассоциативное поле индивидов, соотносящих своё мировоззрение с конкретной идеологией. В то время как слово-бренд связано с актуальным дискурсом и апеллирует к стереотипным представлениям в сознании. Например, идеологема «комсомолец» в мыслях носителя коммунистической идеологии вызывает положительные ассоциации. Вне идеологии и в более позднюю эпоху ассоциации неоднозначные¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Например, «дурак», «идиот», «болван», «кретин» — согласно Русскому ассоциативному корпусу [<http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>]

Поскольку в современной России не существует единой и общепризнанной идеологии, идеологемы в исследуемых текстах почти не встречаются. В случае употребления идеологем советской эпохи, происходит их развенчивание или помещение в иронический контекст:

За сотню без малого лет великие злодеи Революции (Ленин, Троцкий, Сталин) сначала превратились в смешных беспомощных старцев (Брежнев, Андропов, Черненко), а затем, окропившись живой водичей номенклатурной приватизации, оборотились в молодых спортивных сексатильных нефтетрейдеров (Путин, Абрамович, Тимченко).¹⁰¹

«Великие вожди Революции» превращаются в «злодеев», имена-идеологемы¹⁰² контекстуально получают негативную или ироническую коннотацию, соседствуя со словами «злодеи», «смешные», «беспомощные», «старцы», не соответствующую статусу идеологемы.

Интересно употребление в таком контексте лексемы «Путин», которая по сути является брендом, фильтрующим аудиторию по признаку, близкому к идеологическому, — политических предпочтений.

Бренд «Путин» используется в материалах исследования для привлечения внимания читателя и рассчитан на предсказуемую эмоциональную реакцию. Помещённый в контекст он позволяет отфильтровать реципиентов, внутренне согласных с пресуппозицией высказываний, помещённых в сильную позицию (в заголовке или начале текста):

Путин сейчас, видимо, сетует на слабость коллеги Януковича в палаческом деле;¹⁰³

Четвертый план Путина¹⁰⁴;

¹⁰¹ А. Пионтковский. Наследники Октября и Февральская революция [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531032D53AFA6>

¹⁰² Подробнее о феномене у Е. А. Нахимовой [Нахимова, 2011; С.152–156].

¹⁰³ И. Эйрман. Путин и Украина [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530A62339418C>

*Путин не остановится ни перед какой кровью ради...*¹⁰⁵

*Путин еще раз показал, что действует не по шаблону;*¹⁰⁶

*Путин как шакал напал на ослабленную революцией Украину;*¹⁰⁷

*Почему Путин прячется;*¹⁰⁸

*Путин, Николай I и Крым;*¹⁰⁹

*Шантаж Путина;*¹¹⁰

*...вооруженного нападения Путина*¹¹¹;

*Армия уже не соломинка для Путина*¹¹²;

Зачастую в исследуемых текстах бренд «Путин» не обозначает реальное лицо, а выступает своеобразным «сборником» негативных характеристик, не имеющих достоверных подтверждений и ограниченных лишь фантазией автора. В исследуемом дискурсе указанный бренд обладает широким ассоциативным полем, обусловленным синтагматикой имени: *гонимик, пахан, шакал, кровавый, дальновидный, наглый, непредсказуемый*, но одновременно *ничтожный, предсказуемый* и т.д.

¹⁰⁴ А. Илларионов. Четвертый план Путина [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530F6908D4D3E>

¹⁰⁵ А. Пионтковский. Наследники Октября и Февральская революция [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531032D53AFA6>

¹⁰⁶ А. Илларионов. Страшная месть [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5310B973253F4>

¹⁰⁷ И. Эйрман. Не видно и восьми протестующих [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5311CD081A78A>

¹⁰⁸ Г. Сатаров. Почему Путин прячется [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531378C9D8F1E>

¹⁰⁹ В. Савельев. Путин, Николай I и Крым [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53136C8C41F11>

¹¹⁰ А. Илларионов. Шантаж Путина [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5312ECA617D76>

¹¹¹ В. Луков. Коса и камень Путина [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531585842065F>

¹¹² *ibid.*

Работы, посвященные речевому и политическому портрету В. В. Путина, показывают иные результаты. Исследование среди носителей русского языка демонстрирует следующее:

В целом образ В. В. Путина, во-первых, довольно многогранен, поскольку он оценивается не только как политический деятель с определенным «стилем» руководства страной, но и как обычный человек со своими чертами характера, внешности и увлечениями; во-вторых, не является отрицательным, так как бóльшая часть ассоциатов отражает либо нейтральное, либо положительное отношение респондентов к В. В. Путину [Алексеева, 2012].

В исследовании речевого портрета политика автор приходит к выводу о том, что «логически выстроенное выступление, правильно расставленные «акценты» указывают на компетентность В.В. Путина и характеризуют его как риторически грамотного политического лидера» [Алышева, 2012].

Идеологемы и слова-бренды несут в себе значительный оценочный компонент, который во многом определяет их воздействующий характер. Однако вновь подчеркнём, что необходимо учитывать различные функциональные параметры этих лексических явлений.

2.2.5. Прецедентное имя, интертекст, слово-бренд

Прецедентные имена — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Нахимова, 2007] и типичны для политического дискурса.

Прецедентность как феномен связана с понятием цитируемого текста, что вовсе не обязательно для слов-брендов. Прецедентное имя всегда отсылает к изначальному тексту, с которым связаны устойчивые образы в воспринимающем сознании. Прецедентный текст употребляется как часть

более поздних текстов в различных смыслах. Например, лозунг «Ни шагу назад!» используется:

- 1) как прямое указание на «Приказ №227» и предложение его обсуждения¹¹³;
- 2) как мобилизационный призыв вне военного дискурса¹¹⁴;
- 3) в статье об украинских беженцах после «Евромайдана»¹¹⁵;
- 4) как констатация силы страны¹¹⁶;
- 5) как символ культа личности Сталина и массовых репрессий¹¹⁷;
- 6) как аллюзия на историческое событие в контексте майских праздников, символ ВОВ¹¹⁸;
- 7) как аллюзия на события Великой Отечественной Войны, с переносом символизма на современные боевые действия¹¹⁹;
- 8) в прямом смысле¹²⁰.

Различается соответственно и оценочный компонент, имплицитно выраженный в тексте в зависимости от употребления лексической единицы. Таким образом, прецедентный текст (или прецедентное имя) не имеет заданного ассоциативного поля сам по себе и допускает относительно свободное толкование. В свою очередь слово-бренд образует ассоциативное поле, которое связано не с конкретным текстом, а задано актуальным

¹¹³ Андрей Сидорчик. «Ни шагу назад»: отрезвляющая пощёчина. Мифы и правда о приказе № 227 [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/history/1217625>

¹¹⁴ Школа стажёров Бюро Горбунова [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://plus.google.com/103793044331661352775/posts/KBDHL2RkaJk>

¹¹⁵ Ни шагу назад [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2015/04/04/ni-shagu-nazad>

¹¹⁶ Медведь, ни шагу назад [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2014/12/18/721158.html>

¹¹⁷ Выставка антисталинских плакатов «Ни шагу назад!» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://snob.ru/selected/entry/17320>

¹¹⁸ «Ни шагу назад», программа празднований в г.Орске [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://orsk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=55213&Itemid=74

¹¹⁹ Ни шагу назад. Идёт война народная [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://politikus.ru/articles/41273-ni-shagu-nazad-idet-voyna-narodnaya.html>

¹²⁰ Битва за Пески: "Ни шагу назад!" [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.novorosinform.org/news/id/26823>

дискурсом, причём интернет- (Рунет-) дискурсом. Так минимизируется, насколько возможно, произвольность реакции воспринимающего в подвижном информационном потоке. Слово-бренд обеспечивает Рунет-тексту тот минимум интерпретационной заданности, который достаточен для достижения цели автором-манипулятором.

В исследуемом материале широко используются разнообразные прецедентные единицы, например:

*Сама конфигурация остается неизменной, меняется только риторика и цвет ленточек.*¹²¹

Имеется в виду одновременно акция «белоленточников»¹²², георгиевская лента — широко тиражируемый в последнее время символ¹²³ — и другие попытки использовать цветные ленты как способ выражения политической позиции.

А первые масштабные полевые испытания этой нехитрой технологии были проведены еще раньше — когда сборная России по футболу про[и]грала японцам и Манежная площадь превратилась в "маленький Бейрут"...

В данном случае «маленький Бейрут» является отсылкой к протестам в Ливане в ходе «Арабской весны» в 2011 году¹²⁴.

¹²¹ В. Голышев. Почему в России это невозможно? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://golishev.livejournal.com/2334650.html>;

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C6F28D559D>

¹²² Радио Свобода. Что решит митинг 24 декабря? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/24419876.html>

¹²³ Сайт акции «Георгиевская ленточка» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://gl.9may.ru/>

¹²⁴ Reuters Africa. Lebanese protest against sectarian political system [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://af.reuters.com/article/egyptNews/idAFLDE71Q08L20110227>

Жизнь удалась. Это для них десятки миллионов жертв столетнего эксперимента (лузеров в их терминологии) унавозили почву. Им нечего больше желать. Для них наступил персональный фукуямовский конец Истории.

Вышеуказанный отрывок насыщен прецедентными единицами, что говорит об эрудированности автора и об ожидании такой же подкованности у читателя. В частности, автор упоминает плакат «Жизнь удалась» художника А. Логвина, считающийся знаковым произведением искусства, «ухватившим» суть 90-х годов XX века¹²⁵; «им нечего больше желать», возможно, является парафразом строки из песни Бориса Гребенщикова «Поезд в огне»¹²⁶ («Я видел генералов, // Они пьют и едят нашу смерть, // Их дети сходят с ума // От того, что им нечего больше хотеть»); «фукуямовский конец Истории» представляет собой отсылку к книге Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» и её основному тезису «распространение в мире либеральной демократии западного образца свидетельствует о конечной точке социокультурной эволюции человечества и формировании окончательной формы правительства».¹²⁷

А Путин находится на галерах уже 14 лет, и, судя по всему, не планирует бросать их до конца жизни.

Автор использует прецедентное имя существительное для отсылки к широко разошедшейся в Рунете цитаты из пресс-конференции В. Путина 14 февраля 2008 года:

¹²⁵ Петр Цветков. Клип процветания. Коммерсантъ, 2002 [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/317568>

¹²⁶ Борис Гребенщиков. Поезд в огне [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://music.yandex.ru/album/476812/track/2286210>

¹²⁷ Википедия. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс]; Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конец_истории_и_последний_человек

*Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая на пост президента Российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил.*¹²⁸

Интертекстуальность, также связанная с понятием прецедентности, не имеет решающего значения в функционировании слов-брендов. Лексема, употребленная с целью влияния на адресата и основанная на интертекстуальных связях, прагматически не устойчива, так как адресат, не знакомый с цитируемым текстом, проигнорирует триггер, запускающий необходимый автору ассоциативный ряд и соответствующие реакции.

Слово-бренд имеет в своей семантике определённую социально-культурную составляющую, необходимую для выполнения функции фильтрации информационного потока. Однако при этом слово-бренд не всегда требует для понимания особого уровня интеллектуального развития адресата, но может быть ориентирован на средние показатели, характерные для обыденного сознания. Всё зависит от того, какую по параметрам аудиторию стремится подобрать для своего материала автор-манипулятор.

2.2.6. Аксиологема и слово-бренд

Термин «аксиологема» вариативно трактуется различными авторами: как «языковой репрезентант ценностных смыслов» [Казыдуб, 2009] или «разноуровневые языковые средства, вербализующие культурноспецифические ценностные категории» [Казыдуб, 2008];

¹²⁸ РИА Новости [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20080214/99185527.html#ixzz42VSsNeg3>

как «субтекстовая категория авторской эмоционально-интеллектуальной оценки», отражающей «его аксиологическую систему» [Романова, 2009];

как языковая единица, репрезентирующая определённые ценности и антиценности [Байрамова, 2013];

как «система ценностей, адекватная потребностям и интересам данного социума» [Кочеров, 2006].

В соответствии с задачами настоящего исследования примем в качестве рабочего следующее определение данного термина: «разноуровневые языковые средства, вербализующие культурноспецифические ценностные категории», предложенное Н. Н. Казыдуб.

Аксиологемы формируются в массовом сознании на базе культуры в течение длительного времени и системно связаны между собой. Например, аксиологема «патриотизм» связана с такими ценностями, как «благочестие» и «совесть», и включает в себя представление о посвящении своей жизни благополучию родной страны, стремление сочетать личные и общественные интересы¹²⁹, [Терентьев, Электронный ресурс]. В последнее время наравне с аксиологемой функционирует слово-бренд «патриот», отличающееся узостью значения и высокой степенью оценочности. «Патриот» используется, в первую очередь, как положительный маркер теми, кто поддерживает и борется с инакомыслием^{130, 131, 132, 133, 134}. Антонимичная

¹²⁹ Словарь Брокгауза и Евфрона [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/bro/kga/brokefr/3/3512.htm>

¹³⁰ Кадыров стал лидером отделения «Ночных волков» в Грозном [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/5/24/746982.html>.

¹³¹ Коммунисты назвали сравнение РПЦ и действий советской власти и Гитлера риторикой „врагов“ [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/5/26/747465.html>

¹³² Прибор не работает [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2015/5/20/746079.html>

семантика наблюдается у брендов «враг», «пятая колонна» и «иностранный агент». Таким образом, слово-бренд «патриот» сближается с идеологемой. В то же время, согласно опросам ВЦИОМ, в массовом сознании патриотизм до 2012 года, в первую очередь, связан с уважением традиций, укреплением семьи и воспитанием детей, а также работе с полной самоотдачей по своей специальности¹³⁵. Сейчас же патриотизм ассоциируется с любовью к России, отсутствием стремления к эмиграции, знанием государственной символики¹³⁶.

Аксиологемы и слова-бренды функционируют сходным образом: они могут быть одинаково успешно использованы в фильтрующей функции (однако данная функция для аксиологем никогда не является главной). Иногда аксиологема и тот или иной бренд оказываются синонимами. Тогда основным их различием становится иерархия функций. Это заметно в сфере HR — поиска и размещения вакансий на рынке труда¹³⁷. Например, вместо понятной и привычной ценностной номинации «общительность» используется бренд «коммуникабельность».

Таким образом, основное различие между аксиологемой и *брендированной лексемой* состоит в процессе их формирования и функционирования. Аксиологема формируется в национальной культуре, создаётся в сознании этнического коллектива в течение значительного времени и, в целом, не подвержена быстрому изменению. Слово-бренд функционирует в ограниченном пространстве и времени, вводится в обиход,

¹³³ Главных дел у человека накопилось четыре [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2015/5/13/744990.html>

¹³⁴ Меценаты — жертвы патриотов? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2015/05/27/1402287.html>

¹³⁵ ВЦИОМ [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113466>

¹³⁶ ВЦИОМ [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857>

¹³⁷ Исследовательский центр портала superjob.ru. Работодатели ждут от кандидатов совсем других личных качеств, чем указаны в их резюме [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/articles/111272/rabotodateli-zhdut-ot-kandidatov-sovsem-drugih-lichnyh-kachestv-chem-ukazany-v-ih-rezyume/>

как правило, в интернет-коммуникации и не имеет устойчивой «привязки» к культуре. Поэтому слово-бренд быстро устаревает и заменяется другими брендами. При этом общеупотребительный омоним словесного бренда может остаться в актуальном словаре.

Итак, слово-бренд, в отличие от всех перечисленных выше явлений, — это дискурсивно актуальный бинарный маркер, носитель позитивной, либо негативной коннотации, ведущие функции которого связаны с формированием необходимой автору-манипулятору группы адресатов (фильтрующая функция) и с ориентировкой адресата в информационном интернет-потоке в соответствии с «маршрутом», заданным манипулятором (навигационная функция). Слова-бренды активно используются в пространстве Рунета, в том числе и на сайтах экстремистской направленности.

2.3. Негативный прогноз как актуальная разновидность скрытого призыва в экстремистских материалах рунета

Как отмечалось нами ранее, содержащим скрытый призыв считается текст, в котором схема прямого призыва не реализуется полностью, но содержатся персуазивные высказывания, направленные на изменение алгоритма поведения адресата. Скрытый призыв подстрекает к каким-либо действиям, направленно формирует у адресата желание действовать или чувство необходимости действий [Осадчий, 2011]. При этом скрытый призыв воздействует на читателя не в меньшей степени, чем прямой или косвенный призывы.

В связи с усилением правового регулирования интернет-дискурса становится почти невозможным размещать на сайтах Рунета материалы с

прямыми или даже косвенными призывами к действиям экстремистского характера. Следовательно, авторам, придерживающимся экстремистских взглядов, приходится использовать менее заметные формы призыва— скрытые призывы, применяя также средства манипулятивного воздействия на читателя. В рассматриваемом материале скрытый призыв представлен в версии негативного прогноза.

2.3.1. Отличие негативного прогноза¹³⁸ как манипулятивного приёма от прогноза, содержащегося в аналитической статье

Выделение негативного прогноза как манипулятивного приема и разновидности скрытого призыва может показаться необоснованным. Прогноз — одна из популярных составляющих аналитической статьи как жанра журналистики. Регулярно публикуются прогнозы развития экономики, сельскохозяйственные прогнозы, прогнозы погоды. При этом прогноз может быть и негативным — рост инфляции, уменьшение всходов пшеницы или продолжительные осадки. И в таком случае это вовсе не манипуляция и не скрытый призыв. Чтобы разграничить негативный прогноз как разновидность скрытого призыва и негативный прогноз как часть содержания аналитической статьи, следует обратиться к понятию аналитической журналистики.

Аналитическая журналистика подразумевает обязательное наличие ярко выраженного аналитического начала, приоритетность компетентного, порой

¹³⁸ Также негативный прогноз функционально отличается и от так называемой фрустрационной стратегии. В основе фрустрационной стратегии лежит эксплуатация такой эмоции, как страх, создание психологического напряжения, направленного на дезориентацию адресата коммуникации, выведение его из состояния эмоционального равновесия путем запугивания негативным прогнозом, детальной прорисовкой страшных последствий, связанных с событиями прошлого и настоящего. Негативный прогноз в нашем случае рассматривается как разновидность скрытого призыва: адресат не парализуется страхом, а, напротив, мотивируется к определённым действиям в целях сопротивления прогнозу.

научного, осмысления проблемы или процесса над простым информированием, констатацией факта [Князев, 2002].

Особенность негативного прогноза как манипулятивного приема состоит в подмене компетентного и научного осмысления проблемы мимикрией текста под научный дискурс, в подтасовке фактов для подтверждения гипотезы автора-манипулятора, в использовании, в частности, слов-брендов, незаметно направляющих восприятие информации в нужное автору русло.

2.3.2. Имитация научного дискурса

Научная статья состоит из заголовка, аннотации, ключевых слов, введения, обзора литературы, основной части (содержащей описание методологии и результатов) и выводов (информирующих также о возможных перспективах исследования). Научная статья может предваряться эпиграфом. Для научных статей характерны отсылки к ранее проведённым исследованиям, опытам, историческим и научным фактам; использование терминов; изложение в форме рассуждения — доказательство тезиса с использованием последовательно вводимых аргументов.

Имитация научного дискурса¹³⁹ снижает порог критического восприятия вербального материала. Читатель может трактовать тезисы и выводы статьи не как выражение авторского мнения, а как результат научного исследования [Кара-Мурза, 2004; 107, 329].

¹³⁹ Граничит с так называемой псевдорационально-эвристической стратегией, направленной на создание иллюзии объективного и непредвзятого исследования действительности, логичности рассуждения автора и адекватности комментирования. При этом используются псевдоаргументы и псевдологика. Рассматриваемая в данной работе имитация научного дискурса не столько фальсифицирует факты и связь между ними, сколько эксплуатирует авторитет научного текста как такового.

Например, А. Пионковский предваряет одну из своих статей эпиграфом из работы диссидента А. Амальрика и в первом предложении вводит авторские неологизмы, объявляя их *терминами*:

«Термины „глобо-клептократы“ и „национал-клептократы“ я впервые ввел в политологический оборот во второй декаде августа 2008 года...».

«Клептократия» — термин, введенный в конце 80-х гг. XX в. для обозначения части аппарата государственной власти и лидеров ряда авторитарно-тоталитарных режимов, использующих свое положение для личного обогащения путем хищения из государственной казны, присвоения части доходов от торговли оружием, других экспортно-импортных операций, сбора дани с коррумпированных чиновников, перевода на свои счета зарубежной финансовой помощи и т. п.¹⁴⁰. Производные от этого термина авторские неологизмы фактическими терминами не становятся. Тем не менее, введение собственной терминологии позволяет автору имитировать научный дискурс.

Другой Рунет-публицист, В. Слуцкий, оперирует *терминами и понятиями психологии и политологии* (патернализм, архаичность, ментальная особенность, инфантильность, страх и проч.), не всегда используя их в собственно прямом значении:

«2. Любовь к президенту.

Это, прежде всего, проявление инфантильности. Политологи обычно называют это свойство человеческих масс «патернализмом».

¹⁴⁰ Политологический словарь-справочник, 2008 [Электронный ресурс]; Режим доступа: http://politics_reference.academic.ru/182/КЛЕПТОКРАТИЯ

«Отношение к Вождю—как к отцу (ярко иллюстрируемое русским словечком „царь-батюшка“) —глубоко архаично. Это характерная ментальная особенность первобытного человека».

«Любовь к президенту—это ещё и превращённая форма страха».

Использование терминологии сближает этот текст с научной статьей.

Имитировать научный дискурс можно не только при помощи терминов, но и при помощи соответствующей композиции текста. Так, А. Пионтковский строит свою статью *по принципу от частного к общему*, а именно — приводит следующие утверждения в качестве аргументов:

В конце концов, они [национал-клептократы] перетасили на свою сторону матерого глобо-клептократа В.В. Путина<...>;

Никто в Кремле Запада не боится — более того, его там откровенно и во многом заслуженно презирают <...>;

Воссоединение как минимум Крыма с Великой Россией сегодня на повестке дня. Национал-клептократов, зомбированных собственной телевизионной пропагандой о фашистах, пришедших к власти в Киеве, уже ничто не остановит <...>;

Бесполезно напоминать этим людям о Будапештском меморандуме, по которому Россия является гарантом территориальной целостности Украины<...>;

А затем автор формулирует тезис, подтверждаемый вышеприведёнными утверждениями:

Кто испытал это сладостное чувство, кто подсел на этот пьянящий геополитический наркотик, тот уже ни на что на свете его не променяет. Теперь только вперед, до конца, на Севастополь,

на Донбасс, на Тифлис, на Ревель, до Пятой Империи, до смиренной рубашки.

Народ для разврата собрался. Россия сосредоточилась.

В. Слущкий, напротив, формулирует тезис в первом же предложении статьи:

Население России действительно жаждет войны.

Доказательство этого тезиса состоит из двух частей: «Жажда войны» и «Любовь к президенту». В начале каждой части постулируется микротезис, в поддержку которого выдвигаются аргументы:

Жажда войны—результат человеческого ничтожества, инфантильности и ущербности.

Получив возможность самим определять свою судьбу, русский народ за 20 с лишним лет не только ничего не добился, но и явно деградировал <...>

Нормальные люди ценят мир, потому что он даёт возможность созидать. Но тот, чей созидательный потенциал равен нулю—или даже, скорее, является отрицательным числом—жаждет войны<...>

Это, между прочим, типично ордынская психология<...>

Обе части завершаются выводами, в которых микротезисы переформулируются в соответствии с тезисом статьи:

Кто не способен самоутверждаться в созидании, жаждет самоутверждаться в разрушении.

Текст А. Пионтковского состоит из эпиграфа, введения, обзора предыдущих публикаций, аргументативно-тезисной части, вывода и постскриптума.

Текст В. Слуцкого состоит из введения; основной части, разделяющейся на два подраздела — «жажда войны» и «любовь к президенту», и вывода.

Таким образом, оба автора используют средства, свойственные научному дискурсу, в частности *терминологическую лексику*, реальную и «изобретенную» (оказиональную), а также *тезисно-аргументативную форму изложения материала*. Обе рассмотренные статьи имеют композицию, характерную для научного текста.

2.3.3. Опытное подтверждение

Автор манипулятивной (в том числе и экстремистской) статьи нередко ссылается на исторические обстоятельства или научные изыскания или демонстрирует подтверждение более раннего своего прогноза. Этот прием в любой из указанных версий заставляет читателя доверять автору и воспринимать всё сообщение менее критически. Данный приём можно интерпретировать как частную имитацию научного дискурса. Выделить его как самостоятельный параметр манипулятивного текста необходимо, чтобы акцентировать внимание на функции подтверждения прогноза, а не на явлении мимикрии.

К примеру, А. Пионтковский пишет:

«Ситуация, переживаемая нами сегодня, во многом сходна и поэтому, мне кажется, небезинтересно будет сравнить февраль 2014 с августом 2008, тем более, что действующие лица в Москве остались те же.

Сначала август 2008:

<приводится цитата из ранней статьи>

„...И он настанет, этот день. Последний круг русской катастрофы мы пройдем под их знаменами, крепко взявшись за руки и громко повторяя, что никто не посмеет нас остановить“.

Ну вот этот день и пришел, наконец. Национал-клептократы приближали его как могли. В конце концов, они перетасили на свою сторону матерого глобо-клептократа В.В. Путина. Не случайно он уже более двух лет призывал «элиту» перевести свои активы в Россию. Ну, а кто не спрятался, он не виноват.

В бессильной злобе перед геополитическими успехами встающей с колен России пиндосы конфискуют их собственность, ссылаясь на пресловутый закон о борьбе с отмыванием капиталов, добытых преступным путем».

Автор приводит цитату из более ранней своей публикации, затем демонстрирует подтверждение сделанного тогда прогноза («Ну вот этот день и пришёл, наконец...»). После этого читатель с большей вероятностью поверит актуальному (новому) прогнозу автора.

В статье В. Слуцкого читаем:

«Это, между прочим, типично ордынская психология. Монголы, конечно, стремились покорить захваченные народы, чтобы им платили дань: в этом они были рациональны. Однако их главный мотив состоял в том, чтобы доказать себе свою значительность, свой высокий потенциал. Они ведь называли себя ПОТРЯСАТЕЛЯМИ ВСЕЛЕННОЙ. Нынешние русские тоже жаждут почувствовать себя потрясателями—если не Вселенной, то хотя бы Европы. <...>

Золотая Орда могла захватывать огромные территории и подчинять себе многие народы в 13-м веке. Впрочем, и в те времена это государство было очень неустойчивым и просуществовало недолго.

И где теперь наши учителя и вдохновители—монголы? Кому они нужны, кому интересны? Почему этот народ оказался на задворках истории: его всё равно что нет на Земле?»

Итак, автор проводит историческую параллель между нынешней Россией и Монгольской Ордой для подтверждения своего тезиса («Население России действительно жаждет войны»). Подобные аналогии противоречат логике исторической науки, но в данной статье они преподносятся как аксиома, без доказательств.

Для этой же цели автор использует статистические данные, уже рассмотренные нами ранее как способ манипуляции:

Россия занимает 1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения, 1-е место - по количеству самоубийств среди детей и подростков, 1-е место по числу разводов, 1-е место по количеству детей, брошенных родителями, но - 175-е место - по безопасности, 159 - по уровню политических прав и свобод, 173 - по степени свободы прессы (<http://via-midgard.info/news/kakie-mesta-zanimaet-rossiya-v-mirovux-rejtingax.htm>). Это говорит о её созидательном потенциале (вернее, его отсутствии). Кто не способен самоутверждаться в созидании, жаждет самоутверждаться в разрушении.

Отметим, что из всей статистики по ссылке выбраны только факты, подтверждающие исключительно мнение автора и формирующие негативный образ страны (отсутствие созидательного потенциала). Автор не приводит, к примеру, следующие позиции в рейтингах:

- 1 место в мире по разведанным запасам серебра;
- 1 место в мире по запасам алмазов и 2 место по их добыче;
- 1 место в мире по потреблению растворимого кофе;
- 1 место в мире по доле женщин среди преподавателей на всех уровнях образования.

2.3.4. Использование манипулятивных лексических средств (символических наименований и слов-брендов)

Для «программирования» состояния беспокойства и страха у читателя необходимо создать образ нестабильной, неустойчивой реальности, в которой невозможно планировать жизнь. Чтобы читатель поверил в это и спроецировал сообщаемое на себя и на свою жизнь, требуются своеобразные «крючки», «указатели», которые направят мысль в нужном манипулятору направлении. К таким манипулятивным средствам относятся культурные символы и брендовая лексика. Они помогают «вписать» негативный образ будущего в реальную действительность, в которой живёт адресат.

В. Слущкий, в частности, использует культурный символ «Золотая Орда», который понятен каждому носителю русской культуры и автоматически «включает» цепочку негативных ассоциаций и оценок (в отличие, например, от носителей культуры Китая, где Орда считается одной из исторических династий):

*Да, мы не умеем созидать, — но зато умеем захватывать и разрушать!
Мы тоже важные и значительные!*

Это, между прочим, типично ордынская психология;

*И где теперь наши учителя и вдохновители — монголы? Кому они
нужны, кому интересны?*

В исследуемых материалах в рамках негативного прогноза зачастую эксплуатируется лексема-бренд «война». Одновременно употребляемый несколькими авторами, выносимый в заголовок или иную сильную позицию текста, этот бренд не имеет однозначного, да и вообще конкретного референциального значения.

Сочетания с указанной лексемой разнообразны и имеют отличающиеся денотативные компоненты (*война за Крым, Крымская война, ядерная война, третья мировая война, российско-украинская война, современная война, странная война* и другие), что свидетельствует об отсутствии конкретного явления, которое авторы стремятся обозначить данной лексемой. Кроме того,

материал датируется февралём–мартом 2014 года, когда происходил фактический переход Автономной республики Крым из состава Украины в состав России, а значит, тема Крыма была крайне актуальной. Именно актуальностью объясняется связь лексем «война» и «Крым» или «Украина» внутри исследуемых текстов. Актуальность самой лексемы «война» была обусловлена ухудшающимися отношениями между Россией и Украиной и активной милитаризацией обеих стран. Хотя на тот момент не происходило никаких активных боевых действий ни в Крыму, ни где бы то ни было на территории Украины. То есть конфликт в Донецкой и Луганской областях (народных республиках) никоим образом не может считаться референциальным соответствием лексемы «война» — этот конфликт начался только в апреле-мае 2014 года.

Таким образом, ориентирующийся в актуальном политическом дискурсе продуцент текста мог поместить бренд «война» в сильные позиции интернет-текста с расчетом на прогнозируемую эмоциональную реакцию читателя — и, как следствие, переход на страницу с размещённым текстом; и поддержать внимание адресата путём размещения данной лексемы далее внутри текста.

Например, бренд «война» часто встречается в сильной позиции:

*Война уже началась. Пока она носит спорадический характер и проходит в режиме "исподтишка". Но что народу Украины ожидать дальше?*¹⁴¹

*Война...*¹⁴²

*Война и мир;*¹⁴³

*Война "исподтишка";*¹⁴⁴

¹⁴¹ Л. Сторч. Война «исподтишка» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531342E713CE0>

¹⁴² А. Пионтковский. Война... [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5312178291621>

¹⁴³ В. Слуцкий. Война и мир [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5313465B0D00D>

*На пороге войны;*¹⁴⁵

*Это не наша война;*¹⁴⁶

*Современная война;*¹⁴⁷

*Видимо, бюджетников, чтобы выходить на митинг за войну, не хватило;*¹⁴⁸

*Что нужно знать о Российско-Украинской войне 2014 года;*¹⁴⁹

*Странная война;*¹⁵⁰

*Путин выбрал шантаж ядерной войной;*¹⁵¹

*Чем опасна война за Крым и Новоросию для России?*¹⁵²

*"За то, что она против войны";*¹⁵³

*Жажда войны и любовь к президенту;*¹⁵⁴

¹⁴⁴ Л. Сторч. Война «исподтишка» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531342E713CE0>

¹⁴⁵ С. Панина. На пороге войны [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53130A2524BF8>

¹⁴⁶ В. Кара-Мурза: Это не наша война [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53123FFF5E739>

¹⁴⁷ Ф. Крашенинников. Современная война [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5314401BB7C18>

¹⁴⁸ Е. Седов. Дворники с имперками [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5313C2947D2CC>

¹⁴⁹ О. Козырев Создали зону нестабильности [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53158F3AE4C8B>

¹⁵⁰ Л. Сторч. Странная война [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531631FA6E8E9>

¹⁵¹ А. Илларионов. Путин выбрал шантаж ядерной войной [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=53188DAF0D12F>

¹⁵² В. Савельев. Чем опасна война за Крым и Новоросию для России? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5317876BD609F>

¹⁵³ Е. Левкович. Россия чтит своих героев [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531785ED35D91>

¹⁵⁴ См. текст «Жажда войны и любовь к президенту» в Приложении.

*Война — это убийство, это смерть. Любить войну — значит любить смерть,*¹⁵⁵

*Начинать ядерную войну с новой империей зла никто не собирается,*¹⁵⁶

И в слабой, в том числе с использованием прессупозиций:

*Вам кажется, что мир лучше войны?*¹⁵⁷

*Разумеется, привилегированное сословие в большинстве своем вовсе не хочет украинской войны, ссоры с внешним миром и государственной изоляции.*¹⁵⁸

*Да, и независимо от предстоящего выбора украинцев третья мировая сегодня ночью стала неизбежной.*¹⁵⁹

2.3.5. Вербализация негативного прогноза

Негативный прогноз может быть выражен как имплицитно — в логике собственно текста, ведущей адресата от аргумента к аргументу к выводу, который может быть сделан адресатом самостоятельно, так и эксплицитно. В любом случае цель такого прогноза — сформировать у читателя желание противодействовать осуществлению прогноза. Иногда автор указывает средства, которыми это противодействие возможно осуществить.

Например, В. Слуцкий делает следующий прогноз: с Россией в ближайшем будущем произойдёт то же, что произошло с Золотой Ордой. В

¹⁵⁵ В. Слуцкий. Любовь к смерти [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531EDE4702829>

¹⁵⁶ С. Бадретдинов. Запад не может ничего поделаться с Россией [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=531ED28EC6AA0>

¹⁵⁷ В. Слуцкий. «Пока зло не созрело...» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5315B932C5A86>

¹⁵⁸ А. Мальгин, С. Шелин. Персональная власть создала вокруг себя вакуум [Электронный ресурс]; Режим доступа: www.kasparov.ru/material.php?id=53183D0E22D68

¹⁵⁹ А. Илларионов. «Мюнхенский сговор»—2014 [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=5319998144B86>

частности, русский народ «уйдёт на задворки истории». Виноват в этом один человек — Владимир Путин, которого автор наделяет амбициями Чингисхана. Также автор замечает, что существует вероятность проигранной Россией войны с некой «свободной нацией».

В результате у читателя возникает желание противостоять осуществлению подобного прогноза. Поскольку автор возлагает потенциальную вину на определенного человека, противостояние прогнозу связывается с противостоянием действиям этого человека — в данном случае Владимира Путина как Президента России. Таким образом, данный текст можно квалифицировать как содержащий скрытый призыв к неповиновению власти и, как вариант, — к свержению существующего режима.

А. Пионтковский, в свою очередь, даёт такой негативный прогноз: Российские власти попытаются завоевать Украину, начав с Крыма, а затем и остальные страны-члены СНГ, чтобы создать „пятую империю“.

При этом автор проводит параллель между нацистами и государственным аппаратом России. Так читателя подспудно призывают помешать подобному сценарию, как в своё время помешали нацистам. Кроме того, указывается и способ — повесить руководителей государства.

Обычно авторы экстремистских материалов, содержащих негативный прогноз, указывают временные рамки претворения их прогноза в жизнь, однако зачастую эти рамки размыты (и оставляют автору возможность в дальнейшем отказаться от своих слов): *в самые ближайшие дни, очень быстро*¹⁶⁰, *дело нескольких лет, а может и месяцев*¹⁶¹, *спустя пару лет, осталось недолго*¹⁶², *в ближайшие годы*¹⁶³, *всего через несколько лет*¹⁶⁴ и др.

¹⁶⁰оба примера из В. Голышев. Почему в России это невозможно? [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://golishev.livejournal.com/2334650.html>; <http://www.kasparov.ru/material.php?id=529C6F28D559D>

¹⁶¹См. текст «Хаос, как результат саморазрушения» в Приложении.

¹⁶²оба примера из В. Громов. Кончится нефтяная рента [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530B3418C7E34>

¹⁶³См. текст «Украина—героизм—революция» в Приложении.

Суггесторное воздействие на адресата осуществляется с помощью формирования страха перед действиями указанной в тексте группы лиц или конкретного лица. При успешном выполнении этой задачи, у адресата также формируется идея о необходимости борьбы против тех лиц, которых автор обозначил как объект скрытого призыва. Эта информация реконструируется адресатом по когнитивной схеме «если некая группа организованно действует против интересов нашей группы, с ней надо вести борьбу» [Стернин, 2010; 7].

Такие заявления могут быть квалифицированы, в частности, как призывы к насильственному свержению власти или к акциям гражданского неповиновения. Однако окончательное решение о том, является ли текст экстремистским, в каждом конкретном случае входит в компетенцию суда.

Если проанализировать данные поисковых запросов Яндекса с 2012 по 2014 год, можно наблюдать, в целом, рост тревожности. В декабре 2010 первая десятка наиболее частотных запросов выглядела следующим образом (в порядке убывания): как встречать новый год, что дарить на новый год, сколько отдыхаем на новый год, повысят ли пенсии, чего ждать в целом, какая будет зима, повысят ли зарплаты, какой год по гороскопу, сколько будет и на что потратить материнский капитал, — демонстрируя, скорее, запросы регулярные, чем актуальные. В декабре 2014 года топ выглядел несколько иначе: как встречать новый год, *что будет с рублем*, повысят ли пенсии, сколько отдыхаем на новый год, *будет ли кризис или дефолт*, чего ждать в целом, что дарить на новый год, какой год по гороскопу, *какие товары подорожают, что будет с ценами на недвижимость*. Далее по списку идут запросы, которых не было в 2010 году: *какие налоги вырастут, будет ли работать iPhone, будет ли война*.

¹⁶⁴ Федор Крашенинников. Печальная история [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=530EEC6C1A0E2>

Сложно сказать, связано ли увеличение частоты тревожных запросов с использованием негативного прогноза как манипулятивного средства, однако то, что в тревожной ситуации именно негативные предсказания будут обладать бóльшим манипулятивным потенциалом, так как отвечают подсознательным ожиданиям адресата, не вызывает сомнений. Таким образом, негативный прогноз как разновидность скрытого призыва принадлежит к весьма актуальным и излюбленным манипулятивным приёмам в современных Рунет-материалах экстремистской направленности. Негативный прогноз играет роль своеобразного коммуникативного вектора интернет-текста, задаёт перспективу коммуникации и в дальнейшем гарантирует возможность продолжения диалога, приобретая статус прецедентного текста.

2.4. Модель воздействия экстремистского рунет-текста на манипулируемого адресата

Структурно-функциональные характеристики Рунета как средства и пространства коммуникации, особенности протекания процессов общения, представления и потребления информации в этом пространстве, а также типичные вербальные воздействующие приёмы, используемые в русскоязычном интернете, позволяют выстроить своеобразную модель вовлечения пользователя Рунета в экстремистскую деятельность.

В модели выделяются коммуниканты:

- 1) адресант — носитель экстремистских идей, имеющий цель манипуляционного воздействия на адресата;
- 2) адресат — пользователь Рунета, не участвующий в экстремистской деятельности, но, возможно, придерживающийся взглядов, близких к взглядам адресанта, или проявляющий интерес к мнению адресанта.

Каналом коммуникации и воздействия в этой модели являются средства, предоставляемые глобальной сетью интернета.

Целью воздействия является формирование у адресата неосознанного намерения агрессивного противодействия государственной власти или совершения других действий, близких к экстремистским (экстремистских).

Склонность пользователей к *сканированию* текстово-графической информации в интернете ограничивает время и пространство потенциального воздействия адресанта на адресата и их взаимодействия. Поскольку глаз пользователя движется по F-траектории, с несколько возрастающим вниманием к низу страницы, пространство воздействия находится в этих пределах: верхняя часть страницы (первые строки), левый край страницы (первые слова строк) и нижняя часть страницы (в меньшей степени).

Следующим ограничением является законодательная база РФ — прямые и косвенные призывы к экстремистским действиям, а также открытые попытки возбуждения вражды пресекаются и модерируются. Напротив, скрытый призыв не может быть однозначно классифицирован без участия лингвистов-экспертов. Кроме того, эффективность некоторых разновидностей скрытого призыва может быть установлена только экспериментальными психолингвистическими методами, после чего можно будет сделать вывод об их воздействующем потенциале. Данная ситуация позволяет адресантам экстремистского дискурса использовать скрытый призыв без опасений быть привлечёнными к ответственности.

Таким образом, алгоритм суггесторного воздействия на пользователя Рунета в нашем случае будет следующим.

Пользователь, находясь на нейтральном (то есть не контролируемым адресантом коммуникации) сайте, например в блоге, в социальной сети или любом другом ресурсе, переходит по ссылке на сайт, контролируемый авторами, придерживающимися экстремистских взглядов. Здесь на адресата оказывается воздействие, формирующее экстремистские интенции. В целом, процесс «захвата» читателя складывается из трёх этапов: привлечение

внимания, переход, воздействие. При этом переход может быть многоступенчатым.

Для того, чтобы привлечь внимание пользователя, требуется разместить ссылку в пределах учитываемого при сканировании страницы пространства. При этом необходимо использовать лексемы, вызывающие эмоциональный отклик адресата. Это могут быть, в том числе, культурные символы и слова-бренды.

Ссылка должна дополнительно мотивировать адресата на «нажатие» клавиши — для перехода на другой сайт. Для такой мотивации используются формулировки в виде призывов, риторических вопросов, ответов на незадаанные вопросы, негативный прогноз—любой приём, вызывающий эмоциональную реакцию читателя.

Далее на собственно экстремистском сайте создаётся развитая система текстов, включенных в единое коммуникативное пространство и снабженных гиперссылками друг на друга. В сами тексты могут быть внедрены средства вербальной фильтрации аудитории, с одновременным использованием возможности программирования эмоционально-оценочных реакций читателя на заданные стимулы (события, персоналии, социальные группы и т.п.), а также вербальные элементы «языка вражды». Большая часть текстов на подобных сайтах будет содержать скрытый призыв к действиям экстремистского характера. Так, с одной стороны, реализуется эффективное воздействие на аудиторию, а с другой стороны, удаётся избежать преследования со стороны соответствующих государственных служб.

Алгоритм распознавания манипулятивных моделей в интернет-текстах

Население **России** действительно жаждет **войны**.
Неправда, что поддержка действий **Кремля на Украине** на 100% срежиссирована и организована.

Путин **глупый, невежественный, гопник** с отвратительными манерами.

Россия занимает 1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения, 1-е место — по количеству самоубийств среди детей и подростков, 1-е место по числу разводов, 1-е место по количеству детей, брошенных родителями, но — 175-е место — по безопасности, 159 — по уровню политических прав и свобод, 173 — по степени свободы прессы. Это говорит о её созидательном потенциале (вернее, его отсутствии).

Русский народ за 20 с лишним лет не только ничего не добился, но и явно деградировал. // Теперь, разрушение России — неизбежно! // Кроме многого прочего, надо ни на минуту не забывать, что население в России, как и в Украине, с 1991 года вымирает.

Украинцы показали, что, **только наплевав на все запреты власти, можно переломить ситуацию в стране.**

В манипулятивных текстах чаще всего:

1. Используются актуальные «бренды», особенно в начале текста — первом или втором абзаце.
2. Эксплуатируются стереотипы и ярлыки — с их помощью автор бездоказательно присваивает необходимые характеристики персоналиям.
3. Статистика ангажируется — выбираются только выгодные автору данные.
4. Автор создаёт негативную картину реальности.
5. Формирует у читателя ощущение неизбежности и необходимости агрессивного противостояния.

Если текст содержит эти признаки, стоит обратиться к алгоритму противодействия.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Интернет — это особое полисемиотическое пространство коммуникации, обладающее максимально возможной информационной ёмкостью и этим, в первую очередь, отличающееся от всех известных ранее средств и сфер коммуникации. Интернет позволяет использовать все виды информации синхронно, а декодировать — как единый синкрет — особый информационный «сгусток».

2. На сегодняшний день существует несколько подходов к изучению интернета как феномена. Интернет рассматривается как информационный или коммуникационный феномен, как виртуальный аналог реального мира, как особое киберпространство, как неотъемлемая часть нового глобального мирового устройства.

3. Особыми свойствами интернета как нового информационного пространства являются незавершенность и множественность, которые в перспективе могут разрушить прогнозируемость дискурса. Это, в свою очередь, лишит участников коммуникации возможности тиражировать тот или иной смысл в его неизменном виде: в постоянно меняющемся контексте интерпретация знаков становится бесконечно множественной и принципиально непредсказуемой.

4. Интернет-текст принципиально подвижен и гибок, ему в принципе не свойственна зафиксированность, в отличие от бумажного, традиционного текста. Более того, интернет-текст подвижен не только в аспекте формы, но и в аспекте содержания. Именно поэтому в интернете не могут сформироваться новые устойчивые культурные символы, кристаллизующиеся в традиции. Интернет как таковой не может сформировать традицию как феномен. Интернет — это пространство текстовой культуры особого рода — культуры без традиции. В интернет-тексте рождаются и умирают смыслы-однодневки, носителями которых являются, в том числе, словесные «бренды»,

выполняющие навигационную и фильтрующую роль в информационном потоке.

5. Пользователи интернета (и Рунета) почти никогда не читают текст с экрана в традиционном понимании этого процесса. Они сканируют веб-страницы в поисках важной или интересной информации. В политическом дискурсе такой интерес будет представлять актуальная информация — свежая, скандальная или проблемная. Поэтому в интернет-текстах используется лексика, которую мы предлагаем называть «брендированной» или «словами-брендами», направляющими внимание пользователя в потоке «плывущих» смыслов.

6. Лексические бренды заключают в себе типичные, прогнозируемые коннотации. Размещённые в «правильной» позиции (в первых двух абзацах, либо в начале последующих, при этом — в функции гиперссылок), они притягивают внимание читателя, мотивируют к восприятию последующей информации и служат своеобразным «навигатором» при перемещении в сети — по «маршруту», заданному автором-манипулятором. Так, текст с той или иной страницы интернета «выплёскивается» на другие страницы в направлении, указанном ссылками. В результате объём текста теряет определённую и обозримую — как формальную, так и содержательную.

7. Помимо навигационной слова-бренды выполняют «фильтрующую» функцию. В интернете почти невозможно искусственно ограничить аудиторию неязыковыми средствами, но осуществлять коммуникацию предпочтительно с неслучайной аудиторией. Поэтому автор текста сознательно закладывает в текст языковые «маркеры» (культурные символы, прецедентные имена, слова-бренды), позволяющие отсеять «ненужную» аудиторию, контакт с которой изначально обречён на провал, из-за неподходящих убеждений, возраста, культурной или языковой общности и других причин.

8. Слова-бренды представляют собой особые вербально-ментальные единицы информационного потока, обладающие следующими признаками:

они вызывают у широкой группы лиц схожую информацию в памяти и единообразную интерпретацию и реакцию на обозначенные объекты и явления; функционируют как ярлыки, но актуализируются в интернет-дискурсе, а вне его теряют ассоциативное поле и, соответственно, манипулятивный эффект; в интернет-потоке выполняют, в первую очередь, навигационно-фильтрующую функцию.

9. В аспекте воздействующего потенциала и возможности быть использованным с целью манипуляции сознанием адресата слово-бренд имеет определённое сходство с такими явлениями лексического уровня, как идеологема, аксиологема, политическая метафора, прецедентное имя. В данной ниже таблице обобщены некоторые актуальные свойства перечисленных единиц:

Идеологема	— создаётся в ходе формирования и распространения идеологии; — является обозначением идеологически актуального явления и отношения к нему; — используется как компонент идеологического воздействия; — не относится к манипулятивным средствам, но может использоваться как средство идеологического воздействия, в том числе и в экстремистском тексте.
Аксиологема	— образуется в результате развития и осмысления национальной культуры; — отражает традиционные ценности,

	актуальные в социо- и этнокультурной общности; — может использоваться в комплексе с другими манипулятивными и воздействующими средствами, в том числе и в экстремистских материалах.
Прецедентное имя	— является прямой отсылкой или аллюзией на известный коммуникантам предмет (лицо) или явление; — возникает в культуре, является частью истории и культуры народа; — успешно используется в качестве манипулятивного средства, в том числе и в экстремистских по характеру текстах.
Политическая метафора	— развернутое понятие, возникающее как троп с ограниченной сферой употребления; обязательно наличие переноса; — отсылает к культурно-информационному явлению, используется как манипулятивное средство, в том числе и в экстремистском по характеру дискурсе.

Слово-бренд, в отличие от всех перечисленных выше явлений, — это дискурсивно актуализированный бинарный маркер, носитель позитивной, либо негативной коннотации, ведущие функции которого связаны с

формированием необходимой автору-манипулятору группы адресатов (фильтрующая функция) и с ориентировкой адресата в информационном интернет-потоке в соответствии с «маршрутом», заданным манипулятором (навигационная функция).

10. Наряду со словами-брендами в современном Рунет-дискурсе экстремистского характера используется такое актуальное средство манипулирования сознанием адресата, как негативный прогноз — особая форма скрытого призыва. Используя негативный прогноз, автор-манипулятор подменяет компетентное и научное осмысление проблемы мимикрией текста под научный дискурс, подтасовывает факты для подтверждения собственной гипотезы, применяет и другие приёмы манипулятивного воздействия.

11. Применяя негативный прогноз, автор-манипулятор имитирует научный дискурс, используя, в частности, терминологическую лексику, реальную и «изобретенную» (оказиональную), а также тезисно-аргументативную форму изложения материала, композиционно выстраивая свой текст так, как строятся обычно научные статьи. Для подтверждения достоверности своего прогнозирования автор-манипулятор может сослаться на исторические обстоятельства или статистические показатели или продемонстрировать какое-либо подтверждение более раннего своего прогноза. Главное, чего хочет добиться манипулятор, использующий негативный прогноз, — вызвать у адресата чувство тревоги, страха и сформировать желание не допустить осуществления прогноза.

12. В пространстве Рунета используется алгоритм суггесторного воздействия на пользователя Рунета (с применением различных манипулятивных средств) с целью формирования у адресата неосознанного намерения агрессивного противодействия государственной власти или совершения других действий, близких к экстремистским (экстремистских). В целом, процесс «захвата» читателя складывается из трёх этапов: привлечение внимания, переход, воздействие. При этом переход может быть

многоступенчатым. Эффективность воздействия снижается вследствие особого сканирующего режима восприятия информации с экрана и вследствие модерирования откровенно экстремистских призывов и высказываний и блокирования сайтов откровенно экстремистской направленности. Названные проблемы решаются авторами-манипуляторами путём использования навигационно-фильтрующих средств (в первую очередь — слов-брендов) и различных видов скрытого призыва (например, негативного прогноза). Так, с одной стороны, реализуется воздействие на аудиторию, а с другой стороны, удаётся избежать преследования со стороны соответствующих государственных служб.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭКСТРЕМИСТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РУНЕТА В АСПЕКТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НИХ АКТУАЛЬНЫХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СРЕДСТВ (ПРИМЕРЫ И АНАЛИЗ ТЕКСТОВ)

3.1. Текст

Игоря

Эйдмана

**«Таможенный союз четырех паханов и воровской
круг олигархии»¹⁶⁵**

Интернет-источник:

https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=633852030011113&id=100001589654713

Перед Украиной¹⁶⁶ две перспективы: движение в направлении Европы или участие в Таможенном союзе (ТС). В случае вступления Януковича в ТС, этот союз можно будет назвать Союзом Четырех Паханов (СЧП): Путина, Лукашенко, Назарбаева, Януковича. Критики вступления Украины в ЕС во многом правы. Конечно, путь в Евросоюз неблизкий, да и рая земного не обещает, вспомним пример кризисных Болгарии, Румынии, Греции и т.д. У старых членов ЕС есть свои корыстные интересы в отношении новичков, получающих, наряду с определенными преференциями, и новые проблемы. Но альтернатива для Украины еще хуже. Участие в СЧП грозит стране таким же паханатом, как у партнеров, причем, без относительного экономического благополучия России и Казахстана, основанного на экспорте сырья. Ориентируясь на такой путь развития, Украина может стать

¹⁶⁵ В текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.

¹⁶⁶ Здесь и далее в третьей главе и Приложении в авторских текстах жирным шрифтом выделены (автором данной диссертации) лексические единицы, функционирующие как бренды (для «фильтрации» аудитории и перемещения читателя в интернет-пространстве, следуя логике и желанию манипулятора).

азиатской коррумпированной диктатурой без европейских социальных и правовых гарантий для населения, но с полным беспределом власти и назначенных ею крупных собственников. Большинству украинцев, не принадлежащих к бюрократии и крупному бизнесу, такая перспектива ничего хорошего не сулит.

Нынешние протесты направлены на свержение пахана-Януковича. Но сама по себе смена политической власти ничего не даст. Роль пахана существенна, но важнее "воровской круг" за ним стоящий. Именно этот круг украинских олигархов и есть настоящий хозяин страны.

Оранжевая революция в Украине не привела к реальным изменениям потому, что олигархи сохранили ресурсы и быстро коррумпировали Ющенко.

Пока криминальной олигархии принадлежит украинская экономика, жизнь простых украинцев сильно не изменится. Хоть в составе ЕС, хоть в составе СЧП.

Я не идеализирую Тимошенко и вообще не пытаюсь оценивать ее эффективность как политика. Тем не менее, нельзя не признать, что она — единственный руководитель правительства на постсоветском пространстве, который всерьез пытался бросить вызов интересам криминальной бизнес-олигархии, сложившейся после разграбления госсобственности в 90-е. Она отобрала у украинских олигархов (Пинчука и Ахметова) ворованную Криворожсталь и продала ее на реальном аукционе по рыночной цене, предпринимала и другие попытки подорвать экономическое могущество олигархии (не суть важно, какие у нее были при этом мотивы).

Именно за это Ющенко сместил Тимошенко с должности премьера, а Янукович посадил ее в тюрьму.

Для российской оппозиции, как украинская оранжевая революция, так и нынешние революционные события — хороший урок. Первая показала, что нельзя останавливаться на пахане. Система не изменится пока "воровской круг", криминальная олигархия — не лишится своей экономической базы. Имея эти ресурсы, она, как это уже не раз было в Украине, купит и продаст

любую власть. Поэтому отношение к олигархии — тест лидеров оппозиции на честность и последовательность. С другой стороны, нынешние протесты в Украине демонстрируют полную ущербность российской оппозиционной стратегии разрешенного протеста, реализация которой началась с декабрьских "сливных" переговоров в мэрии. Украинцы показали, что, только наплевав на все запреты власти, можно переломить ситуацию в стране.

Эксплицитно выраженное содержание текста состоит в следующем: автор анализирует сложившуюся в Украине политическую ситуацию и оценивает перспективы ассоциации страны с Европейским Союзом или принятия её в Таможенный союз и приходит к выводу о нецелесообразности этих шагов.

Имплицитное содержание — скрытый призыв к антиправительственным протестам в России.

Большая часть глаголов использована в формах изъявительного наклонения, то есть имеет семантику реальной модальности. Для прогнозов относительно будущих событий автор оперирует модальными словами, используя безличные структуры и структуры с составными глагольными предикатами («может стать», «можно переломить»).

Лексическими особенностями текста являются:

- 1) стилистически маркированная публицистическая лексика («преференции», «социальные и правовые гарантии») ¹⁶⁷, и

¹⁶⁷ Лексема «преференции» является экономическим термином, часто используемым в публицистике [Современный экономический словарь, 1999; http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/11578]; «социальный» («социум») имеет пометку «книжн.» в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/229134>]; «гарантии» является финансовым термином [Финансы. Толковый словарь, 2000; http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/12490] — в целом «социальные и правовые гарантии» воспринимается как терминологическое словосочетание, также часто используемое в публицистических текстах.

оценочная лексика («разграбление»¹⁶⁸, «ущербность»¹⁶⁹, «сливные переговоры»¹⁷⁰, «рая земного»¹⁷¹ не обещает»);

- 2) сниженная лексика, происходящая из уголовного жаргона («пахан», «воровской круг», «беспредел»)¹⁷² и производные («паханат»);
- 3) культурные символы 90-х годов («олигарх», «криминальная олигархия», «разграбление госсобственности»);
- 4) аббревиатуры-неологизмы («СЧП» — «союз четырёх паханов»);
- 5) тематически значимые для данного текста лексические единицы («свержение», «протест»).

Использование указанных лексических единиц в совокупности позволяет ограничить аудиторию адресатами, откликнувшимися на культурные символы, то есть теми, кто прошёл девяностые в сознательном возрасте. Уточним: первая фильтрация аудитории происходит при прочтении трёх первых строк. Здесь функции фильтров выполняют такие бренды, как *Украина*, *Таможенный Союз* и *Союз Четырёх Паханов*. Слова-бренды *Украина* и *Таможенный Союз* задерживают внимание читателей, которым не безразлична ситуация вокруг Украины. Брендовое окказиональное словосочетание *Союз Четырёх Паханов* отсеивает тех читателей, которые поддерживают политику Путина. Таким образом, в адресной аудитории

¹⁶⁸ Экспрессивно-оценочную семантику помогает заметить словарь Даля [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/344270]: «Разграбить — расхитить, забрать *силою*, *разбоем*, *нагло*».

¹⁶⁹ Содержит оценку «ненормальность», в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Недостаточный, ненормальный в каком-н. отношении (о характере, психике)» [http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/255758].

¹⁷⁰ Экспрессивно-оценочная коннотация возникает от употребления слова «сливать» в разговорном значении «уступать, намеренно проигрывать».

¹⁷¹ «Рай земной» — одобрительная поговорка разговорного стиля, что подтверждает её экспрессивно-оценочный компонент — см. Большой словарь русских поговорок [http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/39300/%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9]

¹⁷² [Словарь русского арго, 2002; http://russian_argo.academic.ru/]

остаются читатели, помнящие 90-е годы, равнодушные к ситуации на Украине и не поддерживающие политику Путина в отношении Украины.

Оценочные слова и жаргонизмы формируют эмоциональный фон, настраивают читателя на восприятие описываемых событий как принадлежащих к уголовному миру, а следовательно, вызывающих негативное отношение, усиленное личными ассоциациями.

Автор связывает единицы «протест» и «свержение пахана», причём слово «протест» употреблено дважды в завершающем абзаце в контексте, повествующем о противостоянии власти и «переломе ситуации в стране». Таким образом, обозначена конечная цель предполагаемых народных волнений, на которые автор и настраивает читателя.

Также в тексте использованы популярные в политическом дискурсе манипулятивные приемы: навешивание ярлыков (в частности, ярлыком «пахан» обозначены главы государств Таможенного Союза) и использование наименования стереотипа «уголовный мир» применительно к Российскому и Украинскому государствам.

В целом, в тексте выстраивается следующая имплицитная логическая цепочка, формирующая скрытый призыв:

- 1) в России у власти уголовники и всё государство построено по тюремным принципам:

«В случае вступления Януковича в ТС, этот союз можно будет назвать Союзом Четырех Паханов (СЧП): Путина, Лукашенко, Назарбаева, Януковича»;

«Участие в СЧП грозит стране таким же паханатом, как у партнеров, причем, без относительного экономического благополучия России и Казахстана, основанного на экспорте сырья»;

- 2) такое государственное устройство негативно сказывается на жизни населения:

«Ориентируясь на такой путь развития, Украина может стать азиатской коррумпированной диктатурой без европейских социальных и правовых гарантий для населения, но с полным беспределом власти и назначенных ею крупных собственников. Большинству украинцев <...> такая перспектива ничего хорошего не сулит»;

- 3) улучшение возможно только путём свержения главы государства и его ближайшего окружения:

«Нынешние протесты направлены на свержение пахана-Януковича. Но сама по себе смена политической власти ничего не даст. Роль пахана существенна, но важнее "воровской круг" за ним стоящий»;

«Для российской оппозиции, как украинская оранжевая революция, так и нынешние революционные события — хороший урок. Первая показала, что нельзя останавливаться на пахане. Система не изменится пока "воровской круг", криминальная олигархия — не лишится своей экономической базы»;

- 4) открытое и агрессивное противодействие существующей власти оправдано:

«Украинцы показали, что, только наплевав на все запреты власти, можно переломить ситуацию в стране».

Таким образом, текст программирует негативное читательское восприятие нынешнего руководства страны (для этого используются специальные лексические единицы и выстраивается особым образом композиция, используются также и другие манипулятивные средства), а также текст содержит скрытый призыв к активному противостоянию власти с целью политического переворота.

3.2. Текст Евгения Ихлова «Начало конца»

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=531336E6DE4C2>

Царское правительство мучительно оттягивало свой конец

(Из сборника анекдотических экзаменационных ответов советских времен).

*Я пишу эти строки, когда массированное **российское вторжение** еще не началось и **оккупация** идет по принципу "салями" (тонкими ломтиками). Начнется это вторжение или нет, но **путинизм** уже в агонии. Это я в смысле фильма Элема Климова "Агония" про последний год царствования Николая Второго.*

*Сейчас мы видим последние **судороги империи**, руками Путина пытающейся продлить свое историческое бытие хоть на один лишний миг.*

Но вначале не могу удержаться от реплики: как оглушительно в эти роковые дни тактичное молчание бывшего политзэка №1 Ходорковского Михаила Борисовича. А ведь победы два года назад Московский "майдан" - и он бы стал нашей "Тимошенко".

Итак. Вариант один. Российская имперская федерация начинает вторжение. Интересно, как они мыслят перекачку газа и нефти через линию фронта? В стране приходится объявлять частичную мобилизацию — нынешней российской армией вести даже контрпартизанскую войну на такой территории, как Украина, невозможно. Отток капиталов и цепная реакция банковских банкротств. Миллионы русскоязычных беженцев. Украинцы отстреливаются. Российская авиация, как положено по уставу, наносит удары для прикрытия. Все телеэкраны и интернеты мира обходят кадры типа "Рашен бомбят украинцев". Самое смешное, что только две недели назад, к четвертьвековому юбилею окончания афганской авантюры, все написали, что она погубила "великий и могучий Советский Союз". Не она, конечно, но мгновенное переключение сознания характерно. Война в Украине явно не будет популярна среди российских мусульман, на которых панславянская демагогия не действует по определению. Когда в Крыму начнется то, что фантаст и археолог Андрей Валентинов описал в романе "Созвездие пса" (украинские террористы сражаются с русскими коллаборационистами и мешающими им в этом ооновскими миротворцами) и начнутся зачистки в крымскотатарских селениях, срезонирует

Татарстан. В такую войну легко войти, но выход будет длиться годами — на фоне бесчисленных мирных конференций.

Вариант два. Российская имперская федерация не начинает вторжение. В глазах имперских патриотов Путин станет слабаком. И в глазах всего мира тоже. Новая киевская власть расправляется с сепаратистами. Запад сплочен против России, и сплочен до краха путинского режима. Все убеждаются в правоте "русофоба" Бжезинского, говорившего о том, что Россия опасна даже избавившись от коммунизма. Украина переживает невиданную консолидацию, как всегда бывает с нацией, героически сбросившей деспота, а потом устоявшей перед интервентами. Украинцы убеждаются в правоте тех, кто говорил — Россия — ее естественный исторический враг. Русские в Украине должны будут либо доказывать свою лояльность Украине, либо бежать. Из России все равно бегут капиталы. Банки все равно лопаются. Социальные обещания Путина остаются пустым звуком, уже сделанные популистские шаги 11-12 годов обесцениваются инфляцией. Народ, начитавшийся в интернете об украинских люстрациях коррупционеров, "с просветленными лицами" выходит на Майдан...

Данный текст представляет собой яркий пример использования негативного прогноза в качестве скрытого призыва к экстремистским действиям. Ожидаемая читательская аудитория, остающаяся с автором (в результате фильтрующего эффекта слов-брендов) до конца статьи, предположительно включает в свой состав образованных людей, интересующихся историей России (бренд *Царское правительство*), не безразличных к ситуации на Украине и считающих вполне вероятным начало военных действий на границе России и Украины (бренды *российское вторжение* и *оккупация*). Очевидно, что эта аудитория не поддерживает Путина и путинскую Россию (бренды *путинизм* и *судороги империи*).

Композиционно текст можно разделить на эпиграф, введение и основную часть, содержащую два негативных прогноза; заключение отсутствует.

В начале текста автор настраивает читателя на то, что нынешней российской власти осталось недолго, скорее всего, не больше года, связывая образ В. В. Путина и Николая Второго в следующих трёх высказываниях:

Царское правительство мучительно оттягивало свой конец.

...путинизм уже в агонии. Это я в смысле фильма Элема Климова "Агония" про последний год царствования Николая Второго.

Сейчас мы видим последние судороги империи, руками Путина пытающейся продлить свое историческое бытие хоть на один лишний миг.

В тексте настойчиво используются наименования «империя», «имперский» применительно к России:

Сейчас мы видим последние судороги империи;

Российская имперская федерация начинает вторжение;

В глазах имперских патриотов Путин станет слабаком.

Империя — актуальный и значимый культурный символ в русской концептосфере, в последнее время всё чаще использующийся как в официальном правительственном дискурсе, так и в оппозиционном.

Империя подразумевается и в контексте следующего высказывания:

Украина переживает невиданную консолидацию, как всегда бывает с нацией, героически сбросившей деспота, а потом устоявшей перед интервентами.

Возможно, в приведённом выше отрывке имеется аллюзия на события революционной России во время гражданской войны. Тогда под деспотом будет подразумеваться Николай II, а интервентами — поддерживавшие белую армию иностранные отряды. Такая трактовка вполне согласуется с логикой текста.

Значительный манипулятивный потенциал текста сосредоточен в средствах выражения темпоральности и модальности.

В тексте преобладают глаголы несовершенного вида в форме настоящего времени («*начинает* вторжение», «*наносит* удары», «*обесценивается*» и т.д.) и глаголы совершенного вида в форме простого будущего времени («*начнутся* зачистки», «*срезонирует* Татарстан»), при отсутствии средств выражения ирреальной модальности, со значением возможности или предположения. Формы настоящего и будущего времени распределены в начале и конце композиционных частей, содержащих прогноз, что, соответственно, настраивает читателя на восприятие описываемых событий как реальных и очевидных в ближайшем будущем. Важную роль в создании атмосферы реальности того, о чём повествуется, играют назывные предложения.

Стоит обратить внимание и на использование лексических маркеров времени («вторжение *ещё* не началось», «путинизм *уже* в агонии»), также обладающих манипулятивным потенциалом: имеет место своеобразная вербализация пресуппозиции – если «ещё» не началось, то *точно* начнётся.

В целом, можно сделать вывод об использовании здесь морфологических средств в манипулятивных целях. Автор навязывает читателю определённый сценарий будущих событий, создавая ощущение неизбежности и реальности прогнозируемых событий с помощью глагольных форм изъявительного наклонения, активного глагольного словоупотребления, односоставных номинативных конструкций.

На лексическом уровне в анализируемом материале также обнаруживаются разнообразные манипулятивные средства.

Используются прецедентные номинации (например, «майдан»):

А ведь победы два года назад Московский "майдан" и он бы стал нашей "Тимошенко";

Народ, начитавшийся в интернете об украинских люстрациях коррупционеров, "с просветленными лицами" выходит на Майдан...

Прецедентным для русского читателя будет здесь и имя собственное «Тимошенко», обозначающее заключенного «по политическим обвинениям», пришедшего к власти в результате революции (неслучайно данное имя собственное автор заключил в кавычки — в тексте это имя становится нарицательным).

Автор логически не аргументирует свою позицию, но использует разнообразную лексику, для того, чтобы выстроить убедительный прогноз. Для убеждения используются:

1) экспрессивные лексемы с семантикой преувеличения:

...как оглушительно¹⁷³ в эти роковые¹⁷⁴ дни тактичное молчание бывшего политзэка №1;

В такую войну легко войти, но выход будет длиться годами¹⁷⁵ — на фоне бесчисленных¹⁷⁶ мирных конференций;

...Путин станет слабаком. И в глазах всего¹⁷⁷ мира тоже;

Все¹⁷⁸ убеждаются в правоте "русофоба" Бжезинского...;

¹⁷³ «Способный оглушить, очень громкий» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/135442>]. Преувеличение подчёркивается сочетанием «оглушительное молчание», представляющим собой оксюморон.

¹⁷⁴ В данном контексте реализуется второе значение слова «роковой» — «*решающий, определяющий* собой поворот к чему-н. плохому, к несчастью» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/209338>].

¹⁷⁵ «Длиною в несколько лет» [Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой, 2000; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/154658/%D0%93%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%B8>].

¹⁷⁶ «Очень большой по количеству, неисчислимый» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/11782>].

¹⁷⁷ Лексемы «весь», «все» используются для гиперболизации — люди различаются по взглядам и оценкам, что делает категорическое обобщение некорректным.

Украина переживает невиданную¹⁷⁹ консолидацию...;¹⁸⁰

2) лексика с семантикой необходимости или очевидности:

В стране приходится¹⁸¹ объявлять частичную мобилизацию — нынешней российской армией вести даже контрпартизанскую войну на такой территории как Украина невозможно;

Война в Украине явно¹⁸² не будет популярна среди российских мусульман...;

Российская авиация, как положено по уставу¹⁸³, наносит удары для прикрытия;

3) традиционные риторические средства — повторы (в совокупности с параллельными конструкциями и неполными предложениями):

Вариант один. Российская имперская федерация начинает вторжение... — Вариант два. Российская имперская федерация не начинает вторжение;

В глазах имперских патриотов Путин станет слабаком. И в глазах всего мира тоже.

Запад сплочен против России, и сплочен до краха путинского режима.

¹⁷⁸ См. примечание 177.

¹⁷⁹ В данном контексте реализуется второе значение слова: «Необычайный, поразительный» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/122370>]

¹⁸⁰ В целом в выделенных выше лексемах выделяется семантический компонент гиперболизации (отмечены курсивом).

¹⁸¹ «безл., с неопред. Оказаться *нужным, необходимым*» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/182218>]

¹⁸² «Совершенно *очевидный*» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1949–1997; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/276050>]

¹⁸³ Устав — *обязательные* для исполнения правила, нормативно-правовой акт.

Все убеждаются в правоте "русофоба"...Украинцы убеждаются в правоте тех, кто говорил — Россия — ее естественный исторический враг.

Русские в Украине должны будут либо доказывать свою лояльность Украине, либо бежать. Из России все равно бегут капиталы.

Из России все равно бегут капиталы. Банки все равно лопаются.

На синтаксическом уровне обнаруживаются следующие особенности, усиливающие манипулятивный эффект:

- 1) как уже отмечалось, номинативные конструкции:

Отток капиталов и цепная реакция банковских банкротств. Миллионы русскоязычных беженцев;

- 2) парцеллированные предложения:

Украинцы отстреливаются. Российская авиация, как положено по уставу, наносит удары для прикрытия;

В глазах имперских патриотов Путин станет слабаком. И в глазах всего мира тоже;

Итак. Вариант один. Российская имперская федерация начинает вторжение;

- 3) структурно полные предложения, длиной в 4–5 слов, «ритмически созвучные» номинативным и неполным:

Из России все равно бегут капиталы. Банки все равно лопаются.

- 4) частично или полностью повторяющиеся синтаксические конструкции:

Все убеждаются в правоте "русофоба" Бжезинского говорившего о том, что Россия опасна даже избавившись от коммунизма. <...>

Украинцы убеждаются в правоте тех, кто говорил — Россия — ее естественный исторический враг.

Русские в Украине должны будут либо доказывать свою лояльность Украине, либо бежать.

Из России все равно бегут капиталы. Банки все равно лопаются.

Среди других манипулятивных средств используются:

- 1) апелляция к авторитетным именам, в частности, упоминается Михаил Ходорковский, значимая для оппозиционного дискурса персона:

...как оглушительно в эти роковые дни тактичное молчание бывшего политзека №1 Ходорковского Михаила Борисовича;

- 2) метафоры:

Я пишу эти строки, когда массированное российское вторжение еще не началось и оккупация идет по принципу "салями" (тонкими ломтиками);

- 3) слова-амёбы, или варваризмы:

...кадры типа "Рашен бомбят украинцев".

Таким образом, в тексте прослеживается следующая имплицитная логическая цепочка, формирующая скрытый призыв, благодаря использованию ранее названных лексических и грамматических средств.

1. Нынешний российский режим аналогичен царизму в его последние годы и скоро будет свергнут.
2. В ближайшее время российское правительство объявит войну с Украиной, чтобы удержать власть внутри страны.

3. У этого события возможны два исхода — оба негативные для экономики и оба отрицательно скажутся на жизни граждан страны.
4. Второй вариант точно закончится антиправительственными выступлениями, которые в перспективе приведут к вооруженному противостоянию и смене правительства, как это было на Украине.

«Плотность» манипулятивных средств в рассмотренной статье возрастает от начала к окончанию текста, градационно увеличивая напряженность и подталкивая читателя к мысли о неизбежности протестных акций в России и побуждая участвовать в этих акциях — ведь «конец царского правительства», как утверждает автор, «близок».

Значимо и многоточие в финале текста, оно «пролонгирует», растягивает негативный прогноз и открывает возможный ряд дальнейших негативных для России последствий.

Таким образом, в рассматриваемом тексте с помощью вербальных манипулятивных средств 1) моделируется реальность, в которой любое действие власти приводит к негативным последствиям для общества; 2) программируется единственно возможный выход из кризиса — через антиправительственные выступления и государственный переворот.

3.3. Текст

Владимира

Кара-Мурзы

«Это не наша война»

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=53123FFF5E739>

Режим Владимира Путина готовит военную агрессию против суверенной Украины. Это не наша война. Эта агрессия станет преступлением против обеих наших стран.

*Все нужные слова по поводу власти воров и чекистов, которая пытается развязать **войну** с Украиной как бы от имени России, уже сказаны.*

Хочется сказать о другом.

*Предыдущая Крымская **война** (1853-1856) продемонстрировала несостоятельность николаевского самодержавия и сделала последующие реформы осознанной вынужденностью. "Маленькая победоносная **война**" 1904-1905 годов привела к первой русской революции, вырвавшей у власти парламент и политические свободы. Первая мировая обрушила царский режим. Афганская авантюра 1970-х-80-х сломала хребет советской диктатуре.*

Владимир Владимирович плохо знает отечественную историю. Именно это его в конце концов и погубит.

Аудитория анализируемой статьи несколько шире, чем в предыдущих случаях. Бренды с яркой отрицательной коннотацией *режим Владимира Путина, война и военная агрессия* и пафосный бренд *суверенная Украина* с первых же строк определяют заинтересованного читателя, не одобряющего политику современной России в отношении Украины.

Данная краткая заметка состоит из трёх частей — введения (первые три абзаца), основной части (один абзац) и заключения (финальный абзац).

Морфологический анализ позволяет сделать вывод о типичном для прогноза использовании глаголов в форме настоящего времени и в форме будущего времени с семантикой реальной модальности, подчёркивающих неизбежность наступления событий, моделируемых автором. Глаголы в форме прошедшего времени позволяют реализовать апелляцию к опыту прошлого.

На лексическом уровне стоит обратить внимание на использование слов с негативной (в прошлом — идеологической) коннотацией для номинации государственной власти в России: «самодержавие», «диктатура», «режим» — формирующих, очевидно, отрицательное к ней отношение¹⁸⁴.

Среди традиционных манипулятивных средств следует отметить наименования-ярлыки:

Все нужные слова по поводу власти воров и чекистов...

В данном тексте постулируется очевидность справедливости данной номинации применительно к российской власти («все слова уже сказаны»), чем подтверждается манипулятивный характер этого наименования.

Автор статьи разделяет понятия «власть» и «страна» (Россия). Номинации «власть воров и чекистов» и «режим Владимира Путина» в данном тексте семантически тождественны и предполагают друг друга:

Режим Владимира Путина готовит военную агрессию против суверенной Украины;

Все нужные слова по поводу власти воров и чекистов, которая пытается развязать войну с Украиной как бы от имени России, уже сказаны.

¹⁸⁴ В Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова «самодержавие» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1014818>]: «система государственного управления с неограниченной властью монарха»; «диктатура» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/788650>]: «*ничем не ограниченная* государственная власть, опирающаяся на силу господствующего класса»; в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «режим» (третье значение) [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/206518>]: «государственный строй (обычно об антинародном, антидемократическом строе)». Таким образом, выделяются семы «неограниченная власть», «сила (а не закон)», «антидемократический», формирующие отрицательную коннотацию.

Таким образом, власть не имеет отношения к стране как совокупности граждан. Причём и «*николаевское самодержавие*», и «*царский режим*», и «*советская диктатура*» одинаково противопоставлены населению страны, что ярко демонстрируется в следующих высказываниях:

...привела к первой русской революции, вырвавшей у власти парламент и политические свободы;

...продемонстрировала несостоятельность николаевского самодержавия и сделала последующие реформы осознанной вынужденностью.

В итоге подразумевается невозможность для власти гарантировать политические свободы граждан, а также самостоятельно задумать и провести реформы — подобные действия могут быть только вынужденными.

В основной части статьи используется типичное для негативного прогноза обращение к историческим аналогиям, которые должны послужить аргументами в пользу авторской точки зрения. В то же время полноценными аргументами данные аналогии считаться не могут, поскольку события, подобные распаду СССР или революции 1917-го года вызваны определённым комплексом причин, а далеко не только указанными военными конфликтами. Тем более нелогичной видится аналогия с современной ситуацией на подобной исторической базе. Следовательно, вышеуказанные аргументы использованы исключительно в целях манипуляции.

В заметке реализуется следующая имплицитная логическая цепочка:

- 1) нынешнее российское правительство — власть воров и чекистов;
- 2) эти «воры и чекисты» собираются воевать с Украиной;

- 3) войны, в которых участвовали Россия и СССР, приводили всегда к негативным последствиям для власти, но позитивно изменяли общество;
- 4) то же произойдёт и в сложившейся ситуации — власть «воров и чекистов» будет свергнута.

Таким образом, в данной заметке используется негативный прогноз и другие средства манипуляции с целью убедить адресата в неизбежности политических и социальных потрясений, которые произойдут в России в ближайшем будущем. Внедрение подобной мысли в сознание читателя должно сформировать далее готовность принять и поддержать грядущий переворот.

3.4. Текст Андрея Пионтковского **«Триумф воли национал-клептократов»**

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=530EFCCD81AEA>

"Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выход из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутривнутриполитических целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться, тем более что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая".

Андрей Амальрик. "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?"

*Термины "глобо-клептократы" и "национал-клептократы" я впервые ввел в политологический оборот во второй декаде августа 2008 года, когда в российском истеблишменте дебатировался вопрос: продолжать ли "миротворческую" операцию походом на **Тбилиси**. Ситуация, переживаемая*

нами сегодня, во многом сходна и поэтому, мне кажется, небезынтересно будет сравнить **февраль 2014** с августом 2008, тем более что действующие лица в Москве остались те же. Сначала август 2008:

"Черта на песке, проведенная Джорджем Бушем в ночь с 11 на 12 августа, когда он публично предостерег от готовившегося, по его словам, авиаудара по тбилисскому аэродрому, разделила российскую политическую "элисту" на своих "вигов" и "тори".

На тех, кто в свете предупреждения бывшего друга Джорджа побольшему, по-государственному обеспокоился судьбой не совсем, мягко говоря, прозрачных российских активов на Западе (сотни миллиардов долларов), и тех, кому на эти активы глубоко чисто по-человечески наплевать.

*Не собираясь идеализировать ни одну из этих ОПГ, назову их глобо-клептократами и национал-клептократами. Национал-клептократы — это, условно говоря, та часть **правлящей верхушки**, которая полагает, что **российскую нефть** можно продавать не только через компанию Gupvor, жить можно не только в **Лондоне**, а отдыхать — не только в **Куриавеле**.*

И Путин, и Медведев, так же, как и их верные телепропагандоны, отражают сегодня взгляды и установки первой группы. Причем Путин сохраняет опцию присоединения к национал-клептократам и может их возглавить и триумфально вернуться на трон, который он как бы покинул 100 дней назад.

Кто победит сегодня в этом противостоянии? Скорее глобо-клептократы, но это будет их пиррова победа. Они своими руками каждый день и каждый час прокладывают собственной пропагандой путь к власти национал-клептократам, в которых, кстати, многие из них, а не только один Путин, смогут перекраситься.

Стремясь оправдать свое авторитарное правление и прикрыть свое разнузданное воровство, невиданное в русской истории, они уже убедили страну, что она окружена злейшими врагами, которые стремятся ее расчлениить и уничтожить, и научили добрый наш встающий с колен народ ненавидеть этих врагов.

И теперь им все труднее становится объяснять, почему их жены и дети покупают дворцы в столицах этих смертельных врагов России.

Национал-клептократов, патриотически скупающих недвижимость на свои опричные паи исключительно на Рублевке, Валдае, Красной Поляне, отделяет от Власти только один день разъяснительной работы на телевидении.

И он настанет, этот день. Последний круг русской катастрофы мы пройдем под их знаменами, крепко взявшись за руки и громко повторяя, что никто не посмеет нас остановить".

Ну вот этот день и пришел, наконец. Национал-клептократы приближали его как могли. В конце концов они перетащили на свою сторону матерого глобо-клептократа В.В. Путина. Не случайно он уже более двух лет призывал "элиту" перевести свои активы в Россию. Ну, а кто не спрятался, он не виноват. В бессильной злобе перед геополитическими успехами встающей с колен России пиндосы конфискуют их собственность, ссылаясь на пресловутый закон о борьбе с отмыванием капиталов, добытых преступным путем.

Никакими другими серьезными неприятностями дряхлеющий и трусливый Запад угрожать ядерной и энергетической сверхдержаве не сможет и не посмеет. Никто в Кремле Запада не боится — более того, его там откровенно и во многом заслуженно презирают. А как же еще к нему относиться, если его канцлеры и премьер-министры выстраиваются в очередь служить холуями на путинских газоклонках.

Замечательно высказался по этому поводу "высокопоставленный источник" "Коммерсанта" еще в августе 2008 года: "Любая беззубая резолюция 1 сентября будет нашей победой. Бытует мнение, что если мы продадим Запад, то дальше игра будет вестись уже по нашим правилам". Именно так, практически дословно, рассуждали, и совершенно справедливо, в германской имперской канцелярии 76 лет тому назад.

*Воссоединение как минимум Крыма с Великой Россией сегодня на повестке дня. Национал-клептократов, зомбированных собственной телевизионной пропагандой о фашистах, пришедших к власти в Киеве, уже ничто не остановит. Подонок, прославившийся в свое время советом бесланским матерям народить новых детей, поделился в прямом эфире планами физического уничтожения спецназом компактной группы лидеров **Майдана**.*

Бесполезно напоминать этим людям о Будапештском меморандуме, по которому Россия является гарантом территориальной целостности Украины, интересоваться вопросом, куда они собираются на этот раз выселять крымских татар. Или им мало Северного Кавказа, с которым они уже давно не знают, что делать? И не расколется Украина, а объединится против братской агрессии.

*Но Праздника жаждет загадочная русская душа. Бесконечного продолжения Праздника **Олимпиады**. Унижения ненавистных пиндосов и их*

*прихвостней, окружающих нас со всех сторон. Бегства поверженного врага. Молчания СНГшных ягнят. Прискакавшего умиротворять какого-нибудь нового Николя с шестью пунктами мира на все времена. Кто испытал это сладостное чувство, кто подсел на этот пьянящий геополитический наркотик, тот уже ни на что на свете его не променяет. Теперь только вперед, до конца, на **Севастополь**, на **Донбасс**, на **Тифлис**, на **Ревель**, до **Пятой Империи**, до смиренной рубашки.*

Народ для разврата собрался. Россия сосредоточилась.

P.S. Риббентрона, между прочим, повесили в Нюрнберге в том числе и за анилюс, за Судеты и за Данциг.

Данная статья отличается от рассмотренных ранее нетипичным для интернет-публикаций размещением слов-брендов, отфильтровывающих, как уже говорилось, аудиторию. Первые брендовые единицы обнаруживаются весьма дистантно от собственно начала текста — после достаточно пространныго эпиграфа (причём название материала также имеет далеко не брендовый характер). Подобная удалённость уже отфильтровывает тех читателей, которые привыкли определять интересный для них материал с первых же строк. Следовательно, в адресную аудиторию попадут читатели, привыкшие к бумажному тексту, умеющие читать внимательно и неспешно, а не просто скользить по строкам экрана, переходя с сайта на сайт. Это показатель, предполагающий соответствующие темперамент, возраст, интеллект. Первыми брендами являются наименование даты (*февраль 2014*) и города (*Тбилиси*). Значит, адресат, на которого рассчитывает автор, должен быть заинтересован серьёзной политикой: он должен помнить события уже несколько отдалённые по времени от сегодняшнего дня (события в Грузии) и идентифицировать факты по датам (что было в феврале 2014 года). Ближе к середине текста появляются бренды *правящая верхушка*, *российская нефть*, *Лондон*, *Курашавель*, *Путин*, *Медведев*. Это единицы, по которым далее материал будет продолжать читать та часть адресной аудитории, которая стабильно следит за повседневной жизнью российских политиков, а не только за горячими политическими новостями. Во второй половине текста и

далее, ближе к финалу текста, появляются основные лексические бренды – *Крым, Майдан, Олимпиада, Севастополь, Донбасс*. Удивительно, что они появляются тогда, когда аудитория уже определилась, выбор читателем сделан, до финала текста дошёл тот, кто заинтересован в проблеме без помощи навигационных маркеров. Причина подобного размещения брендовых единиц, по всей видимости, именно та, о которой мы уже сказали ранее: текст рассчитан на адресата, привыкшего к бумажному, а не к электронному формату чтения. Такой читатель определяет нужный ему материал не только по начальным позициям текста, но и по финальным. И лишь после этого, возвращаясь на начало, прочитывает материал полностью. Вновь отметим: это читатель солидного возраста и взвешенного темперамента. Стиль статьи, действительно, выдержан в соответствии с ожиданиями именно такой читательской аудитории.

Текст выстроен как научно-популярная статья и состоит из введения, основной части и заключения. Менее типичными композиционными частями, но тем не менее употребляемыми в научном дискурсе, являются эпиграф (цитата) и постскрипtum. Основная часть разделяется на обзор предыдущих публикаций автора и тезисно-аргументативный раздел. Стилизация под научный (научно-популярный) текст, как говорилось ранее, обеспечивает доверие адресата автору статьи.

Морфологические средства, используемые в данном тексте, создают у читателя ощущение правдивости утверждений автора, в частности, его прогноза ближайшего будущего страны. Основным средством является употребление глаголов с ключевой семантикой в формах изъявительного наклонения, настоящего и будущего времени, совершенного и несовершенного вида:

И он настанет, этот день. Последний круг русской катастрофы мы пройдем под их знаменами, крепко взявшись за руки и громко повторяя, что никто не посмеет нас остановить;

Никакими другими серьезными неприятностями дрыхлющий и трусливый Запад угрожать ядерной и энергетической сверхдержаве не сможет и не посмеет;

Никто в Кремле Запада не боится — более того, его там откровенно и во многом заслуженно презирают;

Национал-клептократов, зомбированных собственной телевизионной пропагандой о фашистах, пришедших к власти в Киеве, уженичто не остановит;

...куда они собираются на этот раз выселять крымских татар;

Но Праздника жаждет загадочная русская душа;

Кто испытал это сладостное чувство, кто подсел на этот пьянящий геополитический наркотик, тот уже ни на что на свете его не променяет.

Впечатление реальности и неизбежности происходящего и прогнозируемого поддерживается также при помощи форм прошедшего времени с перфектной семантикой:

И он настанет, этот день. Последний круг русской катастрофы мы пройдем под их знаменами...

Ну вот этот день и пришел, наконец.

Автор излагает свои предположения о причинах, последствиях и ходе событий так, как будто они являются неоспоримыми и свершившимися фактами реальности.

Категоричность утверждений автора усиливается на лексическом уровне с помощью отрицательных частиц и местоимений:

Никакими другими серьезными неприятностями дрыхлющий и трусливый Запад угрожать ядерной и энергетической сверхдержаве не сможет и не посмеет. Никто в Кремле Запада не боится...;

Национал-клептократов, зомбированных собственной телевизионной пропагандой о фашистах, пришедших к власти в Киеве, уже ничто не остановит;

...кто подсел на этот пьянящий геополитический наркотик, тот уже ни на что на свете его не променяет.

Ранее нами уже отмечалось то, что в рассматриваемом тексте заметна роль лексики как средства ограничения аудитории по параметрам возраста и уровня образования. Образованные люди понимают значения архаичных лексических единиц, обладают знаниями о политических системах других государств, об истории собственной страны:

Черта на песке, проведенная Джорджем Бушем в ночь с 11 на 12 августа, когда он публично предостерег от готовившегося, по его словам, авиаудара по тбилисскому аэродрому, разделила российскую политическую "элиту" на своих "вигов" и "тори"¹⁸⁵.

А как же еще к нему относиться, если его канцлеры и премьер-министры выстраиваются в очередь служить холюями¹⁸⁶ на путинских газоклонках.

¹⁸⁵ В Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова «ви́ги» — «английская политическая партия, являющаяся предшественницей английских либералов» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/758446>]; «тори» — «название англ. политической партии, родоначальницы нынешних консерваторов» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1055902>] (даются с пометой *ист.*).

¹⁸⁶ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «1. Слуга, лакей (устар.); 2 перен. То же, что лакей (во 2 знач.).», или «Раболепный приспешник, подхалим (презр.)» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/261818>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/96054>]

Национал-клептократов, патриотически скупающих недвижимость на свои опричные¹⁸⁷ пайи¹⁸⁸ исключительно на Рублевке...

Теперь только вперед, до конца, на Севастополь, на Донбасс, на Тифлис¹⁸⁹, на Ревель¹⁹⁰, до Пятой Империи¹⁹¹, до смиренной рубашки.

Прискакавшего умиротворять какого-нибудь нового Николя с шестью пунктами мира¹⁹² на все времена.¹⁹³

Вместе с тем в тексте употребляются номинации (в том числе и прецедентные), связанные с реалиями советской эпохи, а значит, молодые люди, не заставшие Советского Союза и не знающие историю советского

¹⁸⁷ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «опричина» — «1. В России в 1565-1572 гг.: система чрезвычайных мер, осуществлённых Иваном IV для разгрома боярско-княжеской оппозиции и укрепления самодержавия. 2. Часть государственных территорий, находившаяся в непосредственном управлении царя Ивана IV и служившая ему опорой в насаждении этих мер» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/140026>]. То есть «опричный», производный от «опричина» — историзм, имеющий негативную коннотацию (см. лексемы «разгром, насаждение, самодержавие» в определении слова).

¹⁸⁸ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Доля, вносимая отдельным участником в общее дело, товарищество, кооперативную организацию» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278257>].

В данном контексте, под «опричными паями», вероятно, имеются в виду некоторые государственные дотации, полученные незаконным путём от граждан страны.

¹⁸⁹ В БЭС: «ТИФЛИС — официальное название г. Тбилиси в 1845–1936» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/293542>].

¹⁹⁰ В БЭС: «РЕВЕЛЬ — официальное название г. Таллинн (ныне столица Эстонии) в 1219–1917» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/252494>].

¹⁹¹ Трактовка концепта «Пятой империи» вариативна и зависит от исходной точки. Это может быть Рим, Киевская Русь (в статье «Сейчас рождается Пятая империя» такую идею вводит в политический дискурс Александр Проханов [Деловая газета Взгляд, 2012; <http://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html>]); кроме того, возможная отсылка к роману «Empire ‘V’» Виктора Пелевина, где такое название носит корпорация вампиров — апогей корпоративной культуры 90-х в России.

¹⁹² Имеется в виду состоящий из шести пунктов План Медведева — Саркози по урегулированию конфликта на территории Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 года [<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1072>].

¹⁹³ Таким образом, чтобы полностью воспринять текст, необходимо быть осведомленным в истории России, в том числе новейшей, а также обладать значительными общекультурными знаниями.

периода, вряд ли опознают данные лексемы, поймут их значение и, как следствие, воспримут заложенный в них манипулятивный потенциал:

Они своими руками каждый день и каждый час прокладывают собственной пропагандой путь к власти национал-клептократам, в которых, кстати, многие из них, а не только один Путин, смогут перекраситься.

Национал-клептократов, патриотически скупающих недвижимость на свои опричные паи исключительно на Рублевке, Валдае, Красной Поляне, отделяет от Власти только один день разъяснительной работы на телевидении.

Ну вот этот день и пришел, наконец. Национал-клептократы приближали его как могли.

Указанные вербальные средства частично выполняют функцию фильтрации аудитории, восполняя недостаток слов-брендов в рассматриваемом тексте.

На синтаксическом уровне характерными для текста являются следующие средства воздействия и манипулирования:

1) парцелляция

Но Праздника жаждет загадочная русская душа. Бесконечного продолжения Праздника Олимпиады. Унижения ненавистных пиндосов и их прихвостней, окружающих нас со всех сторон. Бегства поверженного врага. Молчания СНГшных ягнят. Прискакавшего умиротворять какого-нибудь нового Николя с шестью пунктами мира на все времена;

2) эллиптические предложения

Теперь только вперед, до конца, на Севастополь, на Донбасс, на Тифлис, на Ревель, до Пятой Империи, до смиренной рубахи;

3) риторический вопрос

Или им мало Северного Кавказа, с которым они уже давно не знают, что делать?

4) инверсия

И не расколется Украина, а объединится против братской агрессии;

Но Праздника жаждет загадочная русская душа;

5) повторы (в том числе в сочетании с синтаксическим параллелизмом)

Но Праздника жаждет загадочная русская душа. Бесконечного продолжения Праздника Олимпиады;

Кто испытал это сладостное чувство, кто подсел на этот пьянящий геополитический наркотик, тот уже ни на что на свете его не променяет;

6) конструкции с однородными членами предложения

Теперь только вперед, до конца, на Севастополь, на Донбасс, на Тифлис, на Ревель, до Пятой Империи, до смиренной рубахи.

Достаточно сильно меняется эмоциональная окрашенность текста от его начала к окончанию. В первых абзацах преобладает нейтральная или научно-публицистическая лексика и сложные синтаксические конструкции. В финале текста большая часть лексических единиц обладает ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, синтаксические конструкции

упрощены, наличествует инверсия и парцелляция. То есть эмоциональная напряженность текста градационно растёт и разряжается в постскриптуме, дополнительно усиливая призывный характер текста. Отметим, что призыв, заключённый в данной публикации, рассредоточен по всему тексту, а основными носителями призыва являются экспрессивные средства, формирующие и усиливающие финальный негативный прогноз.

В статье имеется апелляция к авторитету — «высокопоставленному лицу», давшему комментарий газете «Коммерсант»:

Замечательно высказался по этому поводу "высокопоставленный источник" "Коммерсанта" еще в августе 2008 года: "Любая беззубая резолюция 1 сентября будет нашей победой. Бытует мнение, что если мы продадим Запад, то дальше игра будет вестись уже по нашим правилам".

Также в тексте активно эксплуатируются культурные символы, частично сужая целевую аудиторию текста и увеличивая воздействие на неё:

Причем Путин сохраняет опцию присоединения к национал-клептократам и может их возглавить и триумфально вернуться на трон, который он как бы покинул 100 дней назад;

Национал-клептократов, патриотически скупающих недвижимость на свои опричные пай;

Именно так, практически дословно, рассуждали, и совершенно справедливо, в германской имперской канцелярии 76 лет тому назад;

Воссоединение как минимум Крыма с Великой Россией сегодня на повестке дня.

Негативный фон текста и экспрессия усилены также апелляцией к историческому опыту нацистской Германии – «Триумф воли национал-клептократов» – и далее поддерживается следующими высказываниями:

Именно так, практически дословно, рассуждали, и совершенно справедливо, в германской имперской канцелярии 76 лет тому назад.

P.S. Риббентропа, между прочим, повесили в Нюрнберге в том числе и за анишлюс, за Судеты и за Данциг.

Ведущий семантический вектор текста задаётся эпиграфом:

«Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выход из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутривнутриполитических целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться, тем более что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая».

Андрей Амальрик. «Просушествует ли Советский Союз до 1984 года?»

Легко выделить основные тезисы, содержащиеся в этом эпиграфе:

- 1) внешнеполитическая амбициозность является следствием внутреннего дряхления тоталитарного государства;
- 2) дряхление выражается во внутренних противоречиях, подавлении внутреннего сопротивления, потребности иметь внешнего врага;
- 3) дряхлое государство неизбежно разваливается.

В дальнейшем эти идеи развиваются автором в самом тексте. Приводятся аргументы, демонстрирующие, с одной стороны, амбиции во внешней политике:

- 1) отсутствие страха перед европейскими странами и США:

Никакими другими серьезными неприятностями дряхлеющий и трусливый Запад угрожать ядерной и энергетической сверхдержаве не сможет и не посмеет. Никто в Кремле Запада не боится — более того, его там откровенно и во многом заслуженно презирают;

- 2) стремление к захвату территорий других государств (здесь же используется напоминание об опыте нацистской Германии):

Воссоединение как минимум Крыма с Великой Россией сегодня на повестке дня¹⁹⁴.

С другой стороны, автор предлагает аргументы, подтверждающие наличие признаков дряхления:

- 1) внутренние противоречия во власти

Не собираясь идеализировать ни одну из этих ОПГ, назову их глобо-клептократами и национал-клептократами. <...> Кто победит сегодня в этом противостоянии? Скорее глобо-клептократы, но это будет их пиррова победа;

- 2) потребность во внешнем враге

...они уже убедили страну, что она окружена злейшими врагами, которые стремятся ее расчлениить и уничтожить, и научили добрый наш встающий с колен народ ненавидеть этих врагов.

¹⁹⁴ Очевидна отсылка к 360-летию воссоединения Украины с Россией (Переяславская рада).

Таким образом, имплицитно до читателя доводится мысль о том, что Россия есть тоталитарное государство, которое в скором времени развалится или исчезнет как-то иначе, как и Советский Союз, и нацистская Германия.

В постскриптуме автор напоминает об одном историческом факте, намекая читателю о «правильном» отношении к руководству страны и логически завершая развёрнутый в композиции скрытый призыв:

P.S. Риббентропа, между прочим, повесили в Нюрнберге в том числе и за аншлюс, за Судеты и за Данциг.

Встроенный в подтекст негативный прогноз, выполняющий функцию скрытого призыва, эксплицитно может быть представлен следующим образом:

1. Россия — тоталитарное государство, которое скоро развалится;
2. включение Крыма в состав России равносильно нацистскому аншлюсу Судетской области;
3. власть безумна и стремится к расширению территорий;
4. всё вышеперечисленное приведёт к катастрофе, виновным в которой будет высшее руководство страны;
5. неудивительно будет, если руководство страны постигнет участь Риббентропа¹⁹⁵.

¹⁹⁵ В Приложении к настоящему диссертационному сочинению содержатся примеры подробного анализа ещё четырёх публикаций (Вадима Слуцкого, Алексея Мельникова, Вадима Белоцерковского и Михаила Тевосяна)

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. Рассматриваемые потенциально экстремистские материалы Рунета, содержащие вербальные манипулятивные средства и рассчитанные (с целью максимально эффективного воздействия) на аудиторию адресатов с заранее заданными параметрами, снабжены встроенной системой лексических фильтров — слов-брендов. Именно они, будучи дискурсивно актуализируемыми интернет-потокотом и функционирующими в нём как мотиваторы и навигаторы восприятия информации, принципиально отличают современный воздействующий интернет-текст от традиционного бумажного текста.

2. Фильтрация аудитории и отбор заинтересованных адресатов интернет-публикации осуществляется благодаря словам-брендам сразу, при прочтении заголовка и нескольких первых строк текста. Если традиционный бумажный текст нередко бывает просмотрен читателем в начале и в конце и может быть практически любым по объёму (занимать несколько газетных полос или не одну сотню книжных страниц), то интернет-текст должен по возможности вмещаться в пространство экрана и с первых же строк захватывать «своего» читателя. В адресную аудиторию «бумажного» текста, размещённого в интернете, попадут читатели, умеющие читать внимательно и неспешно, а не просто скользить по строкам экрана, переходя с сайта на сайт. Это показатель, предполагающий соответствующие темперамент, возраст, интеллект. Таким образом, роль фильтра в подобном случае играют не столько слова-бренды, сколько собственно объём и стиль публикации¹⁹⁶. Типичный же интернет-адресат, не увидевший в инициальном фрагменте текста актуальных для себя наименований, вероятнее всего, перейдёт к следующей публикации или на следующий сайт, руководствуясь навигационными гиперссылками.

¹⁹⁶ Пример подробного анализа такого рода текста приведён в Приложении (Михаил Тевосян, «Хаос, как результат саморазрушения»).

3. Наиболее эффективный вариант манипулятивного интернет-повествования имеет место в случае, если слова-бренды функционируют от названия практически до финала текста, то есть когда они размещены по всей структуре текста и количество этих брендов, фильтрующих и ведущих адресную аудиторию, более чем достаточно, при сравнительно небольшом объёме статьи. При этом самый актуальный бренд может быть употреблён несколько раз. Также в таком тексте, как правило, функционируют тематически обусловленные бренды.

4. В лексическом аспекте для анализируемых интернет-материалов характерно использование:

- 1) стилистически маркированной публицистической лексики; оценочной лексики; сниженной лексики; окказиональных образований с пейоративной семантикой; экспрессивных лексем (в том числе с семантикой преувеличения) – всё это формирует эмоциональный фон, настраивает читателя на восприятие описываемых событий как вызывающих негативное отношение, усиленное личными ассоциациями;
- 2) наименований культурных символов; лексических единиц в метафорическом значении; аксиологем – это усиливает воздействующую составляющую текста;
- 3) лексем с семантикой необходимости, обязательности; различных лексических единиц с модальным значением долженствования, уверенности, достоверности; слов с негативной (в прошлом – идеологической) коннотацией для номинации государственной власти в России – это позволяет выразить в тексте авторскую модальность;

- 4) терминов и псевдотерминов, абстрактных (чаще – отглагольных) наименований, позволяющих имитировать стиль научного повествования¹⁹⁷.

5. К морфологическим особенностям анализируемого интернет-материала относятся:

- 1) глаголы несовершенного вида в форме настоящего времени и глаголы совершенного вида в форме простого будущего времени, при отсутствии средств выражения ирреальной модальности, со значением возможности или предположения – для усиления эффекта достоверности сообщаемого; причём формы настоящего и будущего времени, как правило, распределены в начале и конце композиционных частей, содержащих прогноз;
- 2) глаголы в форме прошедшего времени, усиливающие апелляцию к опыту прошлого (при использовании этого манипулятивного приёма);
- 3) различные лексические единицы с модальным значением долженствования и уверенности – для прогнозов относительно будущих событий;
- 4) местоимения 1 лица множественного числа и глаголы в форме первого лица множественного числа – для создания эффекта совместности переживаний автора и читателей;
- 5) отрицательные местоимения, отрицательные наречия, отрицательные частицы, усиливающие категоричность сообщений, негативных по характеру, формирующих, прежде всего негативный прогноз¹⁹⁸.

6. На уровне синтаксиса анализируемому материалу свойственно следующее:

¹⁹⁷ См. дополнительные примеры в Приложении.

¹⁹⁸ См. дополнительные примеры в Приложении.

- 1) использование средств синтаксической выразительности (повторов (в совокупности с параллельными конструкциями и неполными предложениями); эллиптических предложений; риторических вопросов; инверсии; восклицательных высказываний; конструкций с однородными членами предложения);
- 2) использование безличных предложений с модальными словами – для вербализации прогнозов; при этом категоричность прогноза, как правило, усилена имплицитно за счёт парцеллированных структур;
- 3) использование номинативных предложений – для создания атмосферы реальности того, о чём повествуется;
- 4) использование страдательных конструкций с краткими страдательными причастиями в целях выражения семантики объективной обусловленности тех событий, о которых повествуется в тексте;
- 5) использование структур (в том числе вводных и модально окрашенных), позволяющих логично выстроить повествование и акцентировать те его фрагменты, которые автору представляются наиболее значимыми¹⁹⁹.

7. Исследуемые потенциально экстремистские публикации Рунета содержат многочисленные манипулятивные средства. «Плотность» этих манипулятивных средств, как правило, возрастает от начала к окончанию текста, градационно увеличивая напряженность и подталкивая читателя к мысли о неизбежности тех или иных протестных акций в России и побуждая участвовать в этих акциях. Имплицитно императивность подобного материала может быть связана как с логической, так и с эмоциональной составляющими текстовой семантики.

¹⁹⁹ См. дополнительные примеры в Приложении.

8. Из традиционных манипулятивных средств в анализируемом потенциально экстремистском массиве Рунета используются наименования стереотипов и культурных символов; ярлыки, идеологемы (чаще – с негативной коннотацией) и аксиологемы; прецедентные имена и лексемы в переносном (метафорическом) значении; апелляция к историческому опыту и обращение к историческим аналогиям; манипуляции большими числами; обобщение, упрощение и вербализация пресуппозиций²⁰⁰.

9. Актуальным манипулятивным приёмом в рассматриваемом массиве Рунет-материалов является стилизация текста под научный или научно-популярный дискурс. В этом случае, наряду с перечисленными ранее вербальными средствами манипулирования, используется терминология, псевдотерминология,okkaзиональная терминология, а также фальсифицированные статистические данные. Таким образом авторы потенциально экстремистских публикаций формируют впечатление аргументированности и достоверности приводимых утверждений, их научной обоснованности. Тем самым снижается критическое восприятие материала читателем.

10. Значительный манипулятивный потенциал текста сосредоточен в средствах выражения темпоральности и модальности. Для создания впечатления реальности, достоверности и неизбежности предлагаемого сценария будущих событий авторы рунет-публикаций активно используют глагольные формы изъявительного наклонения, а также односоставные номинативные конструкции. Категоричность прогноза бывает усилена имплицитно при использовании парцеллированных структур. Глаголы в форме прошедшего времени подчёркивают значимость апелляции к опыту прошлого.

11. В редких случаях манипулятивные приёмы комбинируются с провокативными, поддерживающими речевую тактику фрустрации: с целью

²⁰⁰ См. дополнительные примеры в Приложении.

создания нестабильного эмоционального состояния у читателя, ощущения недовольства собой и своей жизнью, для усиления эффекта негативного прогноза.

12. Негативный прогноз представляет собой ведущий манипулятивный приём современных потенциально экстремистских Рунет-текстов. Размещение негативного прогноза в структуре собственно текста может варьироваться. Негативный прогноз может быть встроен в композицию статьи в целом, а может размещаться в строго финальной позиции (обычно после логически выстроенной и манипулятивно насыщенной аргументации). Так или иначе, но функция такого прогноза всегда одинакова – скрытый призыв к действиям экстремистского характера, либо к различного рода акциям, дестабилизирующим ситуацию в стране, либо к поддержке экстремистских акций без участия в них. Содержание негативного прогноза также вариативно, однако в его смысловой структуре выделяются следующие логически связанные друг с другом блоки:

- 1) пресуппозиция «Россия — это государство, в котором у власти преступники; Россия — это нецивилизованное тоталитарное государство»;
- 2) аргументация, основанная на утверждениях о том, что любое действие власти в России приводит к негативным последствиям для общества, для жизни простых граждан;
- 3) предсказание о том, что в ближайшее время российское правительство объявит войну с Украиной, чтобы удержать власть внутри страны, и это приведёт к катастрофе, к полному развалу и уничтожению России;
- 4) программа действий в рамках единственно возможного выхода из политического, экономического и демографического кризиса, в котором находится Россия, — это программа антиправительственных выступлений и государственного переворота по примеру Майдана;

- 5) заявление о том, что открытое и агрессивное противодействие существующей власти оправдано необходимостью предотвращения катастрофы и государственный переворот завершится успехом, если случится в ближайшее время²⁰¹.

²⁰¹ См. дополнительные примеры в Приложении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

В аспекте политической коммуникации интернет является «средой персуазивного языкового воздействия: убеждения, аргументации и пропаганды для достижения индивидуальных целей» [Асмус, 2005; 29]. Более того, благодаря возможностям современного политического интернета воздействию подвергаются все компоненты психологической структуры человека: интеллект, эмоции и мотивы поведения. На первый план выдвигается эмоциональный признак, который стимулирует возникновение соответствующих эмоциональных переживаний, выражающих отношение человека к окружающей его действительности. Все технологии, широкий набор форм и методов политической коммуникации интернета направлены на более динамичное воздействие на сознание и поведение интернет-аудитории в сравнении с другими средствами массовой информации [Михайлова, 2007; 10].

Многие из рассмотренных в данной работе вербальных манипулятивных приёмов давно используются как в политическом, так и, к примеру, в рекламном дискурсе. Целый арсенал речевых стратегий и тактик, близких к провокативным, успешно применяется в журналистской практике [Катенева, 2010]. Например, стратегия дискредитации, фрустрационная стратегия (в рамках которой применяется, в частности, тактика негативного прогнозирования), псевдорационально-эвристическая стратегия (включающая в себя, кроме всего прочего, вопросно-ответную речевую тактику, использование терминологии и апелляции к авторитету), стратегия героизации. В данной работе вербальная составляющая манипулятивного

ресурса была рассмотрена в аспекте функционирования в экстремистском по своему характеру интернет-пространстве. Интенции авторов исследуемых материалов с учётом навязываемых ими нередко пресуппозиций, с одной стороны, и особый правовой статус рассмотренных текстов, входящих в своеобразную информационную «группу риска», с другой стороны, заметно корректируют специфику применения как известных, так и вновь возникающих манипулятивных средств. Так, например, негативный прогноз, используемый в материале настоящего исследования, представляет собой разновидность скрытого призыва, а его потенциал как манипулятивного средства, таким образом, выходит далеко за пределы фрустрационной стратегии. Подобным образом меняется и функция некоторых лексических единиц, названных автором данного исследования «словами-брендами»: по своей роли в актуальном дискурсе они не совпадают ни с одним из ранее известных разрядов манипулятивных лексических единиц, хотя во многом и напоминают их.

Так или иначе, но проведённое исследование представляется весьма актуальным в силу недостаточной изученности многих рассмотренных вопросов, с одной стороны, и невозможности далее игнорировать феномен манипуляции сознанием через глобальную информационную сеть²⁰² — с другой. В одной из своих статей Н. Э. Гронская, размышляя об особенностях политической коммуникации, в частности, говорит следующее: «Манипулирование политическим сознанием — этот обычный в мировой политической практике феномен — не получает в отечественной науке достаточно глубокого освещения, чем и вызывается необходимость его всестороннего изучения. Большой интерес представляет изучение условий, причин, составляющих общий политический процесс, во многом

²⁰² Благодаря распространённости широкополосного доступа в интернет и все более увеличивающемуся его охвату, россияне все больше времени проводят в сети и социальных сетях [Фонд общественного мнения. Интернет-зависимость; <http://fom.ru/SMI-i-internet/10872>].

определяющий экстралингвистические факторы порождения текста и насыщения его манипуляционными стратегиями» [Гронская, 2003; 221]. Действительно, воздействие, посредством которого в массовое сознание под видом объективной информации внедряется неявное, но желательное для тех или иных политических групп содержание, формирующее в дальнейшем мнение, чрезвычайно опасно в условиях обострения внешней и внутренней политической ситуации. Изучать данное явление должны представители различных гуманитарных наук, но лингвисты — в первую очередь: «... когда скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему/читающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с теми, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно, принято говорить о власти языка, или языковом манипулировании» [Гронская, 2003; 221].

Что касается текста, смысловой и интенционный вектор которого имеет экстремистское направление, то здесь весьма характерно использование языковой манипуляции как орудия политической борьбы. Это, в свою очередь, порождает проблему лингвистической безопасности как отдельной личности, так и социума в целом [Мягкова, 2010]. Постановка данной проблемы в подобном ракурсе ещё более обуславливает бесспорную актуальность исследуемой темы. Под воздействием необходимости скрывать передаваемую информацию во всё более размытых, не фиксируемых однозначно и не квалифицируемых формах, и при этом результативно доносить эту информацию до возможно большего количества адресатов (с заданными параметрами) авторы экстремистских текстов кодируют эту информацию не просто в подтексте, а за текстом — в пресуппозициях, в перспективе актуализированного культурного фона. И при этом само понятие «текст» в интернете меняется как феномен. Текст разрастается до некоего вербально-невербального скрина, причём границы этого скрина могут не совпадать с диагональю экрана, а уходить за пределы дисплея в

культурное «сегодня» или в поле известных ассоциаций²⁰³. Это мега-текст, который очень трудно контролировать, потому что он «расплывается» и ежеминутно меняет свои очертания, как внешние, так и внутренние. Такой текст становится резервуаром уже не столько для информации, сколько для бесконечного ряда информационных отсылок (в электронном поле это предлагается буквально как отсылки, а за пределами собственно скрина отсылки сливаются с цепочкой возможных ассоциаций). Направление такого отсылочного вектора чётко прогнозируется адресантом (как и интерпретационные реакции адресатов, так как авторы ориентируются на заданные социальные группы). Но уличить его (автора) в каких-либо недобросовестных интенциях, даже экстремистского характера, тем невозможнее, чем длиннее отсылочный ряд. Специфика текста-скрина, текста, вышедшего за свои собственные границы, в том, что этот текст очень часто ни о чём новом не информирует, а апеллирует к тому, что уже известно, известно за текстом. И от этого известного есть известные заданные отсылки или ассоциации. Упрощение мировоззрения членов информационного сообщества делает прогноз таких ассоциаций с каждым днём всё более и более лёгким делом. А экспертиза, соответственно, становится тогда делом всё более и более сложным. Данную проблему ещё предстоит решать в ходе новых исследований.

Проблема лингвистической безопасности на сегодняшний день представляется не только актуальной, но и достаточно новой. По свидетельству Г. Н. Трофимовой, впервые словосочетание «лингвистическая безопасность» прозвучало в научном собрании из уст известного современного ученого, президента Гильдии экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), профессора,

²⁰³ Позволим себе предположить, что новый формат текстового воплощения реальности, воспринимаемой нами изо дня в день, незаметно, неуклонно и, возможно, необратимо меняет «матрицу» нашей мысли, меняет то «окно» — буквально фрейм восприятия — через которое мы видим мир.

академика РАН, доктора филологических наук М. В. Горбаневского на научно-практическом семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» в 2002 г. «Его любимая фраза «Будь осторожен, выбирая слово!» апеллировала к журналистскому цеху и направляла толкование лингвистической безопасности в сторону ответственности журналистов за свои высказывания, написанные или произнесенные в СМИ» [Трофимова, 2012; 24].

В дальнейшем профессор Н. Д. Голев расширил понятие «лингвистическая безопасность», включив в него явления речевого мошенничества, в том числе речевые стратегии и тактики лжи, подмены понятий и манипуляции [Трофимова, 2012; 25]. Логическим продолжением обсуждения проблем лингвистической безопасности стало появление понятий лингвоэкологии и эколлингвистики, в связи с темой языковой агрессии и языкового насилия. В последние годы под «лингвистической безопасностью» стала пониматься также национальная безопасность России. Так, А. А. Бартош, член-корреспондент Академии военных наук, директор Информационного центра по вопросам международной безопасности МГЛУ, выделяет геополитические, собственно политические, социальные, а также личностные факторы конструктивного и деструктивного характера, влияющие на лингвистическую безопасность [Бартош, 2010]. Причём стратегический вектор данной трактовки лингвистической безопасности России был задан в 2006 г. И. И. Халеевой, доктором педагогических наук, профессором, академиком Российской академии образования, ректором Московского государственного лингвистического университета. Она обратила внимание на такой источник опасности, как однополярная ориентация общества на один из мировых языков, выступающий в настоящее время в качестве важнейшего средства коммуникации [Трофимова, 2012; 26].

Итак, на сегодняшний день «лингвистическая безопасность — это такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору,

персонажу или реципиенту является минимальным. Лингвистически безопасным текст становится в случае его соответствия ряду критериев, среди которых значительное место занимает отсутствие определенных элементов. Однако только отсутствие конфликтогенных языковых единиц (их систематизация и описание — потребность сегодняшнего дня) отнюдь не гарантирует лингвистической безопасности» [Трофимова, 2012, 28].

Существующие методы борьбы с экстремизмом в интернете сводятся к устойчивому, но, пожалуй, не самому эффективному набору мер. В частности, используется блокировка сайтов — провайдеров обязывают не выдавать результаты запросов пользователей к заблокированным серверам, выводя вместо этого информацию о блокировке указанного ресурса. Однако фактически запрещённый сайт не уничтожается. Владельцы сайта создают «зеркала» — то есть гиперссылки на заблокированный сайт, которые находятся по другому адресу, а значит, не попадают под блокировку. Кроме того, доступ к заблокированным ресурсам может осуществляться десятком разных незапрещённых способов, подробно описанных, например, в Википедии²⁰⁴.

Одновременно, запрещая сайт, государство выводит его из правового поля и больше не может влиять на распространяемую там информацию. Если на незапрещённых ресурсах вряд ли возможно размещение прямых призывов к экстремистским действиям, то на «запрещённом» сайте может быть размещено всё, что угодно.

Недавний прецедент — «пожизненно заблокированный» сайт RuTracker.org. Сайт представляет собой файлообменник: пользователи публикуют и скачивают здесь любые файлы. В основном это фильмы, книги, игры и другие авторские произведения. RuTracker сотрудничал с правообладателями и часто запрещал обмен файлами, нарушающими чьи-либо права. Однако после «вечной блокировки» сайт прекратил

²⁰⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Что_делать,_если_Википедия_заблокирована.

сотрудничество с правообладателями. То есть фактически таким образом правообладатели лишились возможности влиять на политику ресурса. Так же обстоит дело и с потенциально экстремистскими текстами: лишаясь возможности общаться легально, авторы уходят в «неконтролируемое подполье».

Кроме того, усиление контроля за интернетом может восприниматься широкой общественностью как нарушение права доступа к информации. Запрет или попытки запрета крупных ресурсов или ресурсов, использующихся профессиональными сообществами, может спровоцировать их уход в так называемый «глубокий интернет», где государственный контроль отсутствует, а значит, существует реальная возможность для определённых авторов внедриться в подобные сообщества и манипулировать ими.

Более того попытки тотального регулирования высоких технологий, в том числе интернета, технологий связи по протоколу onion, torrent, i2p — приводят к ограничению их развития и, в целом, негативно влияют на развитие отрасли. Игрокам рынка приходится тратить ресурсы на борьбу с неуместными законодательными инициативами и подстройкой под постоянно меняющуюся политику Роскомнадзора вместо собственного развития, а значит и развития технологического уровня страны.

Другими методами воздействия на пользователей сети являются обвинения со стороны государственных органов в распространении признанных экстремистскими материалов, призывов к экстремистской и террористической деятельности. К сожалению, обвинения предъявляют и по абсурдным поводам, а решение выносится без консультации с лингвистами-экспертами²⁰⁵. Например, в 2012 году жителя Казани Витольда Филиппова приговорили к штрафу в размере тысячи рублей за «лайк» кадра из

²⁰⁵ Катерина Яковлева. Экспертиза, в которой не заинтересован Роскомнадзор [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://lenizdat.ru/articles/1126979/>.

оскароносного антифашистского фильма «Американская история Х»²⁰⁶. Подобные шаги дискредитируют ведомство в глазах пользователей интернета и профессионального сообщества.

Стоит отметить, что поиск незаконных материалов ведётся вручную — специалистами Роскомнадзора и аффилированных организаций, вроде Медиагвардии, что также снижает эффективность процесса.

Таким образом, применение непродуманных мер по ограничению незаконного контента в Рунете, отсутствие контакта с крупными сетевыми игроками и попытки действовать без участия лингвистов-экспертов могут, с одной стороны, нанести значительный ущерб высокотехнологическому сектору экономики России, а с другой — многократно увеличить пространство неконтролируемой информации (что вряд ли само по себе допустимо в условиях официально объявленной информационной войны).

Вопрос о лингвистической безопасности встаёт особенно остро в связи с тем, что способы представления экстремистской информации и коммуникации в сети чрезвычайно разнообразны [Валеев, 2011]: в сети информация доступна не только в виде статических веб-страниц — идет интенсивный интерактивный обмен ею в чатах, блогах и форумах, через которые все желающие могут общаться с экстремистами по всему миру. Более того информация экстремистского содержания распространяется не только путем размещения ее на сайтах, но и содержится в почтовых отправлениях, комментариях на блогах и сайтах. При этом, с одной стороны, как показывает практика лингвистических экспертиз, выводы разных экспертов в экспертизе одного и того же текста могут сильно расходиться. С другой стороны, у владельцев сайтов, блоговых платформ, хостингов нет возможности самостоятельного определения наличия экстремистских компонентов в материалах. Таким образом, владельцы сайтов в такой

²⁰⁶ Даниил Туровский. Как устроен Роскомнадзор [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2015/03/13/kak-ustroen-roskomnadzor>

ситуации в принципе не могут оценить размещаемую на сайте информацию и в результате не допустить размещения экстремистских материалов [Валеев, 2011].

В условиях объявленной России информационной войны проблема лингвистической безопасности оказывается напрямую связанной с проблемой информационной безопасности государства: это состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организации, государства [Ефременко, 2010].

Вопрос информационной безопасности является одновременно актуальным и дискуссионным [Бартош, 2014]. Актуальным — поскольку интернет является значимым объектом существующей реальности, который невозможно игнорировать, с одной стороны; и поскольку происходящее в «виртуальном» мире напрямую влияет на мир вокруг, с другой. Дискуссионным — из-за недостаточной определённости самого понятия «информационная безопасность», которое можно применять в широком и узком понимании, по отношению к разным сторонам человеческой деятельности, и, кроме того, из-за возможности использования понятия «информационная безопасность» против права человека на свободу слова, свободу печати, свободу информации.

Информационная безопасность в широком понимании — это государственно значимая деятельность, направленная на поддержание стабильности в информационном поле государства, включающая различные меры и способы воздействия на информационные среды (СМИ, интернет, мобильную связь и проч.) и защиты стратегических объектов. В узком смысле — это конкретные технологии предотвращения и нейтрализации атак на важные системы или объекты, находящиеся в информационном поле. И если в первом определении прослеживается возможность и даже необходимость участия в этом процессе лингвистов-экспертов, то информационная безопасность в узком понимании есть поле деятельности

программистов, инженеров и технологов. В аспекте проблематики настоящего исследования понятие «информационная безопасность» целесообразно рассматривать именно в широком понимании²⁰⁷, как и в новой Доктрине информационной безопасности РФ, которая должна заменить документ, принятый в 2000 году. Обзор этого документа был опубликован в газете «Коммерсантъ». Здесь, в частности, отмечалось следующее: доктрина «является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ» и служит основой «для выработки мер по развитию системы информационной безопасности РФ», «разработки и исполнения государственных программ» в этой сфере, а также «организации сотрудничества РФ с другими государствами и международными институтами»²⁰⁸; также подчёркивалось, что информационное пространство все чаще используется «для решения военно-политических задач, а также в террористических и иных противоправных целях»²⁰⁹; «спецслужбы и «подконтрольные общественные организации» отдельных государств активно используют ИКТ «в качестве инструмента для подрыва суверенитета и территориальной целостности» других стран, «дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации». При этом в качестве угрозы рассматривается и «тенденция увеличения объема материалов в зарубежных СМИ, содержащих необъективную и предвзятую информацию о внешней и внутренней политике РФ», а также «наращивание информационного воздействия на население страны, в первую очередь на молодежь, с целью размывания культурных и духовных ценностей, подрыва нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций»²¹⁰.

²⁰⁷ Именно в таком понимании использовалось данное понятие статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [Путин, 2012; http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html]

²⁰⁸ «Задачи государственной киберважности» [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2829842>

²⁰⁹ Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/2829842>

²¹⁰ Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/2829842>

В качестве одного из способов снижения числа потенциально экстремистских текстов в интернете можно предложить включение в редакционную политику популярных социальных сервисов, одной из основных услуг которых является публикация авторских сообщений в формате блога или ином формате, пунктов, помогающих модерировать поток контента от лингвоконфликтогенных текстов. Кроме того, публичная редакционная политика влияет и на потребителей текстов, повышая их иммунитет к известным видам манипулятивных воздействий. Система защиты — автоматическая компьютерная проверка текстов на соответствие заданным критериям лингвоконфликтогенных текстов на морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях: «Принципом ликвидации опасности является устранение опасных и вредных факторов, которое достигается изменением технологии формирования текста, трансформацией замысла, заменой опасных языковых единиц безопасными, применением более безопасных речевых конструкций» [Трофимова, 2012; 28]²¹¹.

Очевидно, что справляться с экстремистскими и близкими к таким материалами должен не человек и даже не сообщество — будь то специализированная структура или добровольческие группы, а компьютеры. Объёмы обработки данных компьютером и человеком за заданную единицу времени несопоставимы. Единственной проблемой становится «обучение» машины механизмам выявления и нейтрализации подозрительной информации.

Ещё в начале нулевых на форумах стали использоваться плагины для цензурирования обценной лексики. Однако их применение зачастую приводило к курьёзам. С одной стороны, они не различали отдельно

²¹¹ К примеру, на сайте «Эхо Москвы» тексты проходят премодерацию. В результате текст «Жажда войны» Слуцкого был изменён — автору пришлось добавить статистику (которая показала несостоятельность его заявлений).

стоящую обсценную лексему и случайно совпадавший с ней набор букв внутри нейтрального слова — в результате пользователи приходили в недоумение от получавшихся «влю***ться» (влюбляться) или «хвал***ый» (хвалебный). С другой стороны такой механизм очень легко обойти, маскируя обсценизмы с помощью паронимичных «неологизмов», вроде «мля», «абать», которые автоматическая проверка не способна соотнести с исходными лексемами, используемыми для проверки. Безусловно, система может постоянно совершенствоваться с человеческой помощью — увеличивать «словарный запас», например. Однако всегда будут находиться всё новые и новые способы обхода запретов.

Механизмы, подобные описанным, используются в современных социальных сетях для отфильтровывания речевых произведений, содержащих элементы разжигания вражды по национальному и религиозному признаку. Facebook, например, автоматически блокирует аккаунт человека, публично употребившего слово «nigger». В декабре 2015 года в этой соцсети была заблокирована страница Захара Прилепина, разместившего на своей стене цитату из письма А. П. Чехова:

«Хохлы упрямый народ: им кажется великолепным всё то, что они изрекают, и свои хохлацкие великие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом. Есть даже такое изречение: «факел истины обжигает руку, его несущую»²¹².

В связи с политическим контекстом подобная цитата может трактоваться неоднозначно. Таким образом, фильтр Facebook не учитывает контекст, а просто проверяет пост на соответствие заданным ключевых словам — в данном случае, слову «хохол». То есть если автор напишет

²¹² Захара Прилепина забанили в Facebook за цитату из Чехова [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/599360>

публичное сообщение, вроде «Решил состричь свой хохол», оно также будет заблокировано.

Социальная сеть Вконтакте даёт администраторам сообществ возможность самим определять список нежелательных слов. Сообщения с такими лексемами автоматически удаляются²¹³.

Для повышения эффективности работы контролирующих интернет органов и снижения вероятности ошибок необходимо задействовать современные технологии автоматизированной обработки «больших данных» и профессиональное (в первую очередь лингвистическое) экспертное сообщество. В частности, в Нижегородском кампусе Высшей Школы Экономики было разработано программное обеспечение, позволяющее сопоставлять научные интересы университетского эксперта и актуальных информационных событий, происходящих в открытой среде. Программа анализирует информационный поток из открытых источников, выделяет смысловые доминанты текстов, сопоставляет их с тематикой работ экспертов и выдаёт соответствия «актуальная тема — эксперт» [Карпов, Шадрина, 2015]. Похожий алгоритм может быть использован для поиска заданных смысловых доминант в материалах, размещаемых на сайтах политической тематики, а также сообщениях политических деятелей в соцсетях и личных блогах. В дальнейшем материалы, в которых были обнаружены признаки возможного манипулятивного воздействия (слова-бренды, формулы негативного прогноза, ярлыки, стереотипы, цитаты и другие), должны передаваться лингвистам-экспертам для изучения и принятия решения о передаче материала в Роскомнадзор.

²¹³ Администраторы сообществ «ВКонтакте» смогут автоматически удалять комментарии [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://roem.ru/10-09-2015/206043/mamku-lublyu/>

Алгоритм противодействия манипуляциям в интернет-текстах

Субъективный

1.

Стабилизировать эмоциональное состояние.

2.

Проверить факты, которыми оперирует автор. Вероятно, они даны не полностью, предвзято истолкованы или ложны.

3.

Уточнить определения терминов, которыми оперирует автор. Возможно, они используются в неверном значении.

4.

Отметить наличие типовых манипулятивных маркеров: ссылки на авторитет, стереотипов, ярлыков, манипуляции статистикой.

Объективный

Использовать метод лексикологического анализа для поиска текстов с заданными лексическими маркерами «языка вражды».

+

Использовать методы семантического анализа для поиска текстов с определёнными смысловыми доминантами.

→

→ Передать отмеченные как потенциально опасные тексты лингвистам-экспертам для исследования.

→ Получить экспертные заключения по указанным текстам; начать законные процедуры в отношении авторов опасных текстов.

Илл. 3. Алгоритм противодействия манипуляциям в интернет-текстах

В дальнейшем также стоит исследовать оппозиционный интернет-дискурс как средство идеологического воздействия на пользователей и удержания их в заданном ценностном поле. Скрытый призыв в единственном воспринятом тексте будет не столь эффективным, как тот же призыв, являющийся стержнем дискурсивного воздействия на реципиента: тексты существуют в интернете не по отдельности — они формируют глобальный скрытый контекст и контент. Большой кластер текстов с заданными параметрами коммуникации, запрограммированными оценками, образами, моделями, брендами, повторяемыми из текста в текст, — вот что неизбежно и гарантированно влияет на сознание заданной группы адресатов.

В пользу заданного восприятия разных текстов как единого коммуникативного пространства говорит регулярное употребление одних и тех же символов, брендов и иных приёмов в разных текстах одного автора (иногда нескольких). Авторы, в свою очередь, неоднократно ссылаются на предыдущие тексты. Возможно, для защиты от манипулятивных «ударов», для обеспечения лингвистической безопасности отдельных граждан и социума в целом имеет смысл исследовать коммуникативные «фреймы» каждого автора, его интернет-персоналию и прочие, в том числе экстралингвистические параметры, влияющие на эффективность осуществляемой им манипуляции. Вновь подчеркнём: это задачи дальнейших исследований, задачи в высшей степени актуальные, практические. Игнорирование подобных задач может привести к непрогнозируемым последствиям как в сфере культуры, так и в сфере политики.

Проведённое исследование целесообразно рассматривать как один лишь шаг на пути к освоению и осмыслению феномена манипуляции в условиях информационного общества. В данном аспекте важно признать бесспорную необходимость и перспективность таких исследований: «Исследователи отмечают интересную особенность языкового манипулирования в политической сфере — в этом случае коммуникативный

контакт является неполным, «ущербным» и нацелен скорее на одностороннее воздействие, чем на полноценный диалог, как его понимал М. Бахтин. В этом и заключается коммуникативная база для внедрения манипулятивных лингвометодик в процесс общения» [Гронская, 2003; 222]. Необходимо уточнить: в настоящее время уменьшается степень однонаправленности политической коммуникации²¹⁴. По своей воле или необходимости политические фигуры выходят в публичное поле интернета — регистрируются в социальных сетях, ведут блоги или проявляют иную активность. Государственные чиновники чаще всего не выходят за рамки однонаправленной коммуникации (жанр публичного отчета в том или ином виде), например Живой Журнал В. П. Шанцева²¹⁵ и Юнус-Бека Евкурова²¹⁶, в то время как оппозиционные политики вынуждены искать активной поддержки у аудитории, что мотивирует их на активное взаимодействие с ней — например, твиттер Дмитрия Гудкова²¹⁷. При этом вновь подчеркнём: игнорирование манипуляции как неотъемлемого явления в глобальной сети может с большой вероятностью привести к бесконтрольной власти информации над массовым сознанием; однако закономерно было бы ждать от науки разработки лингвометодик, позволяющих, наоборот — сознанию управлять информацией.

²¹⁴ Диалоговый, или даже полилоговый характер коммуникации увеличивает размеры коммуникативного пространства; в данном случае экстремистского коммуникативного пространства.

²¹⁵ <http://shantsevvp.livejournal.com>

²¹⁶ <http://evkurov.livejournal.com>

²¹⁷ https://twitter.com/gudkovd/with_replies

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / Отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – 366 с.
2. Аладышкина А.С. Современное Интернет-сообщество: социально-стратификационный анализ: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Н. Новгород, 2006. – 156 с.
3. Алышева Ю.С. Речевой портрет В. В. Путина [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – №2 – 2012. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-v-v-putina> (дата обращения: 06.05.2015).
4. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. –1995. – № 1. – С. 37–68.
5. Араева Л.А. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. – 2006. – № 4. – М.: Акцион-МЦФЭР. – С. 45–56.
6. Аркадьева Т.Г. Текстовая этимологизация слов и ее функциональная значимость // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л.: 1990. – С. 38–50.
7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
8. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
9. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: 1991. – С. 21–30.
10. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 341 с.

12. Арутюнова Н.Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сб. (к 100-летию со дня рожд. ак. В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 34–46.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: 1999. – 896 с.
14. Аршинов В.И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации [Электронный ресурс] // Онтология и эпистемология синергетики. – 1997. – Режим доступа: <http://bookfi.ru/g/Аршинов> (дата обращения: 03.11.2014).
15. Асланян В.Ю. Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами: Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. – М.: Соцветие красок, 2009. – 25 с.
16. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 265 с.
17. Байрамова Л.К. Аксиологемы «ОТДЫХ», «БЕЗДЕЛЬЕ», «ЛЕНЬ» во фразеологической парадигме русского, английского и французского языков // Филология и культура. – 2013. – № 2 (32) – С. 11–16.
18. Баловсяк Н. Более 75% «сидят» в соцсетях и блогах [Электронный ресурс] // Tochka.net. – 2010. – Режим доступа: <http://man.tochka.net/38992-bolee-75-sidyat-v-sotssetyakh-i-blogi/>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
19. Бальжирова Т.Ж. Интернет как средство социальной коммуникации в условиях формирующегося в России информационного общества: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Улан-Удэ, 2003. – 161 с.
20. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 592 с.

21. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика: Учебное пособие. – М., 2007. – 792 с.
22. Баранов А.Н. Что нас убеждает? – М., 1990. – 63 с.
23. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: Сб. обзоров. – М., 1986. – С. 100–143.
24. Бартош А.А. Геополитические аспекты обеспечения лингвистической безопасности России и стран СНГ // Вестник Академии военных наук. – 2010. – № 4 (33). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.isc.mslu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=310&Itemid=36 (дата обращения: 02.02.2016).
25. Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ // Армия и общество. – 2014. – №1 (38). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nevoennye-ugrozy-odkb> (дата обращения: 18.04.2015).
26. Белошапкина В.А. Выражение побуждения к совместному действию в русском языке // Русский язык за рубежом. – 1994. – №4. – С. 55–60.
27. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. – М., 2000. – 248 с.
28. Бирюлин Л.А. Семантика отрицательных императивов НСВ в русском языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М., 1990. – С. 53–58.
29. Блох М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса (На материале английского языка): Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1976. – 444 с.
30. Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2007. – 326 с.

31. Бондарко А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М., 1990. – С. 4–9.
32. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. – 2007. – № 19. – С. 10–12.
33. Борисова Е.Г. Алгоритмы воздействия. – М., 2005. – 140 с.
34. Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С. Предисловие // Имплицитность в языке и речи. – М., 1999. – 200 с.
35. Бредемайер К. Черная риторика. Власть и магия слова / Пер. с нем. – М., 2006. – 184 с.
36. Бринев К.И. «Русский, решай...» // Юрислингвистика 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвузовский сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. – С. 290–303.
37. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. – 252 с.
38. Будаев Э.В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006 – Вып. 20. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/budayev-06.htm> (дата обращения 21.10.2015)
39. Буланов А.В. Бренд 2.0. От философии к практике. – М.: ОАО «Красная звезда», 2013. – 496 с.
40. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – 576 с.

41. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Благовещенск, 1998. – С. 44–69.
42. Валеев А.Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет [Электронный ресурс] // Бизнес в законе. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-proyavleniem-ekstremizma-v-seti-internet> (дата обращения: 18.04.2015).
43. Васильев С.А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема. – Киев, 1982. – С. 91–122.
44. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1985. – С. 251–275.
45. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М., 1997. – 416 с.
46. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике / Общ. ред. Е.В. Падучева. – 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 17–23.
47. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова, 2001. – 253 с.
48. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). Исследования по русской грамматике: Избр. тр. – М., 1975. – С. 254–294.
49. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Учебное пособие. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
50. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. – М., 1994. – 612 с.
51. Водяха А.А. Функционирование лексических единиц в ходе отражения эмоций в языке и речи // Владимир Даль и современная филология: Материалы международной научной конференции, 22–23 ноября 2001 года. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – Т. 2. – С. 49–51.

52. Волков О.В. Колюр как элемент композиции // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конф., март 1998, МГОПУ: В 2 т. / Отв. ред. Е.И. Диброва. – М., 1998. – Т. 2. – С. 228–233.
53. Володина М.Н. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. – М., 2008. – 760 с.
54. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
55. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 55–76.
56. Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки // Философия права. – 2007. – № 4. – С. 65–71.
57. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. – М., 1986. – 594 с.
58. Верховский А. М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. – 200 с.
59. Гак В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – Вып. 6. – С. 22–29.
60. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – 763 с.
61. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 144 с.
62. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. 1(6). – М., 2005. – С. 24–40.
63. Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. – М., 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://filfak.mrsu.ru/shigurov/galash.html> (дата обращения: 04.03.2015).
64. Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2006. – 96 с.

65. Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Право и лингвистика: Материалы международной научно-практической конференции: В 2 ч. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – Ч. 2. – С. 15–22.
66. Гаспаров Б.М. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте // Вопросы русской аспектологии. – Вып. 4. – Тарту, 1979. – С. 3–29.
67. Гаузенблас К. О характере и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Т.М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 57–79.
68. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 158–218.
69. Голев Н.Д. «Восстать, вооружиться, победить»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика 8: Русский язык и современное российское право: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. – С. 412–416.
70. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах / Под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1998. – С. 9–20.
71. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 41–57.
72. Горошко Е.И. Влияние социальных медиа на коммуникативные процессы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62). – №3. – С. 111–117.

73. Горошко Е.И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики / Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры: Коллективная монография // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Изд-во Наука; Изд-во Флинта, 2012. С. 9–52. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=232> (дата обращения: 10.12.2015).
74. Роль сети Интернет в социальных коммуникациях в современном мире. Интернет и глобальное общество / Е. И. Горошко, И. Е. Овчаренко // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллектив. моногр. /; ФГБОУ ВПО "Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского", Научно-образоват. центр "Теория и практика массовой коммуникации", Научнометод. центр теории и практики речевой коммуникации "Диалог". – Ярославль, 2014. – С. 178–200.
75. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – М., 2003. – 384 с.
76. Грачев М.А., Маркова Т.Д. Языковой экстремизм (из опыта лингво-экспертных исследований). – Н. Новгород, 2009. – 60 с.
77. Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации [Электронный ресурс] // Власть. – 2011. – № 11. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-bezopasnost-v-kontekste-globalizatsii> (дата обращения: 12.03.2015).
78. Гронская Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf (дата обращения: 02.02.2016).
79. Губаева Т., Муратов М, Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Российская юстиция. – № 4. – 2002. – С. 63–67.

80. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М., 2004. – 272 с.
81. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома («Тысяча плато», глава первая). [Электронный ресурс] // Альманах «Восток». – 2005. – № 11\12 (35\36). – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 18.10.2015).
82. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М., 2006. – 376 с.
83. Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dzyalosh.ru/master-metod.shtml> (дата обращения: 05.03.2014).
84. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
85. Драгунский Денис [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.facebook.com/denis.dragunsky>.
86. Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Часть 2 / Отв. ред. М.Н. Володина. – М., 2004. – С. 307–326.
87. Дубин Б. «Сейчас – период прощания с книгой» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/taxonomy/term/424/51820>.
88. Дубровский Д. В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. – 72 с.
89. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/714/647/1231/013_elyakov.pdf (дата обращения: 19.10.2015)

90. Емелин В.Л. Глобальная сеть и киберкультура [Электронный ресурс] // Постмодернизм. igorSalkov. – 2004. – Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/cyberculture.htm>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
91. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. – Екатеринбург, 1995. – 136 с.
92. Ефременко Н.В. Информационная безопасность и лингвистика: точки соприкосновения [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 592. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-i-lingvistika-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 18.04.2016).
93. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль, 1990. – 81 с.
94. Журавлёв С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Йошкар-Ола, 2004. – 203 с.
95. Журавлёв С.А. Патерналема как важный компонент политического дискурса // Вестник Марийского государственного университета. – 2013. – №11. – С. 38-41.
96. Журавлёв С.А. Журналистика как сфера активной лексификации // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – №13. – С. 117-121.
97. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 05.04.2016) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511 (дата обращения: 13.04.2016).
98. Зализняк А.А. Признаки «контроль» и «желание» в семантике предикатов внутреннего состояния // Семантические проблемы речевой деятельности. – М., 1984. – С. 86–95.

99. Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. – Саратов, 1986. – 210 с.
100. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: Учебник. – М.: Право и закон: Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.
101. Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 1. – С. 32–43.
102. Знаков В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 84–91.
103. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – 368 с.
104. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. д.ф.н. Г.А. Золотовой. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
105. Ивин А. А. Логика. Учебник для гуманитарных факультетов. – М.: Фаир-Пресс, 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/ivina01/index.htm> (дата обращения: 17.10.2014).
106. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Ред. Т. Колокольцева, О. Лутовинова. – М.: Изд-во «Флинта»; «Наука», 2012. – 328 с.
107. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 29 с.
108. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.
109. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. – М., 2009. – 224 с.
110. Казаков Ю.В. Язык вражды и свобода слова. Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле. / Профессиональная этика журналиста: Рабочие материалы. В 2-х частях. – М.: Галерея, 2003. – 328 с.

111. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в инновационном пространстве лингвистического образования // Система обеспечения качества лингвистического образования: инновационные подходы: тезисы науч.-практич. конф. в рамках Инновационной образовательной программы МГЛУ «Система формирования языковой компетентности — важный фактор инновационного развития России (Лингва- парк)». — Иркутск, 2008. — С. 25-27
112. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи [Электронный ресурс] // Вестник ИГЛУ. — 2009. — №2 (6). — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-sistemy-v-yazyke-i-rechi> (дата обращения: 07.09.2015).
113. Как меняются люди под воздействием медиа? [Электронный ресурс] // Опубликовано 15.03.2012. — Режим доступа: <http://cossa.ru/articles/234/13669/>. — Название с экрана (дата обращения: 02.03.2014).
114. Какие социальные медиа вы используете? [Электронный ресурс] // Tod's Blog. блогерам и вебмастерам. 08.02.2009. Режим доступа: <http://tods-blog.com.ua/voting/social-media/>. — Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
115. Калмыков А.А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.evart-ist.narod.ru/text19/159.htm> (дата обращения: 03.09.2015)
116. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — Екатеринбург, 2009. — С. 47–73.
117. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М., 2004. — 864 с.
118. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — 264 с.
119. Карпов Н. В., Шадрина Е. В. Разработка сервиса поиска экспертов для актуальных информационных событий [Электронный ресурс] // Алгоритмы, методы и системы обработки данных. — 2015. — № 4(33). —

- С. 33-47. – Режим доступа: <http://files.amisod.ru/mediacontent/vipuski/2015/4/amisod-2015-04-33-karpov-shadrina.pdf> (дата обращения: 01.03.2016)
120. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
 121. Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – 24 с.
 122. Кедяркин С.Н. Роль языковых средств в формировании этнической толерантности и напряженности в нижегородских СМИ // Язык – культура – право: Материалы всероссийской научно-практической конференции: В 2 ч. / Отв. ред. И.Г. Ольгинская. – Н. Новгород, 2006. – С. 187–192.
 123. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. – 2007. – № 2. – С. 14–16.
 124. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978. – 160 с.
 125. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/magazine/002.htm> (дата обращения: 12.01.2016).
 126. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
 127. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М., 2000. – 352 с.
 128. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 2001. – С. 136–137.
 129. Кожина М.Н. О некоторых актуальных проблемах функциональной стилистики // Современное состояние и основные проблемы изучения и

- преподавания русского языка: Материалы V конгресса МАПРЯЛ. – М., 1982. – С. 161–162.
130. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999. – 368 с.
131. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб.: Юна, 1998. – 246 с.
132. Колесов В.В. Язык города. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
133. Конституция РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 13.04.2016).
134. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: Уч. пос. – 2-е изд. – М., 2008. – 176 с.
135. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 247 с.
136. Котюрова М.П., Кетова А.Ю. Интерпретация и аргументация в коммуникативной стратегии автора (на материале аналитических статей на экономические темы в газете «Экономика и жизнь») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 2. – С. 53-57.
137. Кочеров С.Н. Русская идея как аксиологема [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1(5). – С. 541–547. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1\(5\)/64.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/64.pdf) (дата обращения: 18.10.2015)
138. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – 186 с.
139. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
140. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: Монография. – Ростов-на-Дону, 2005. – 240 с.

141. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991. – 192 с.
142. Кузнецова Ю.М. Психология жителей Интернета. – М.: URSS Изд-во ЛКИ, 2008. – 221 с.
143. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: РФЦСЭ, 2011. – 326 с.
144. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург, Пермь, 1995. – 145 с.
145. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 182–189.
146. Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность – Екатеринбург, 2005. – С. 90-104.
147. Купина Н.А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. – Вып. 11 – Екатеринбург, 2003. – С. 90–92.
148. Лавренчук Е. Социальные сети как медиаплощадки [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.newmediacenter.ru/ru/2014/08/12/%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0-%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B8/> (дата обращения: 12.04.2016).
149. Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи: Монография. – Н. Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2011. – 223 с.
150. Лагодин А.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Труды

- юридического факультета Ставропольского государственного университета. – Вып. 13. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – С. 102–105.
151. Лазутина Г.В. Журналистика и качество массовых информационных потоков: этический аспект // Вестник МГУ. – Сер. 10. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 97–107.
 152. Лауфер Н.И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – Вып. 6. – С. 105–110.
 153. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977. – 304 с.
 154. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 2012. – 320 с.
 155. Линкер Г.Р., Никулина Ю.А. Лингвистическая экспертиза материалов экстремистского характера: основные понятия // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 17 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ekspertiza-materialov-ekstremistskogo-haraktera-osnovnye-ponyatiya> (дата обращения: 18.04.2016).
 156. Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2009. – № 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mediatekstov> (дата обращения: 18.04.2016).
 157. Лук А.Н. Эмоции и чувства. – М., 1972. – 80 с.
 158. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–86.

159. Любимова Т.М. Вербальные способы манипуляции сознанием в деятельности средств массовой информации Франции // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. – М., 2001. – С. 20–21.
160. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. – М., 1989. – С. 24–34.
161. Майданова Л.М. Тексты-воззвания // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997. – С. 38–41.
162. Макеева Л.А. Ответственность СМИ за разжигание нетерпимости и розни // Законодательство и практика масс-медиа. – 2004. – № 4. – С. 17–21.
163. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – № 30. – 2009. – С. 32–40
164. Мамлеева Л., Перция В. Анатомия бренда. – М., СПб.: Вершина, 2007. – 222 с.
165. Матвеев А.А. Модальность знания и мнения в публицистике (на материале русского и английского языков) // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Междунар. конф., апрель 2001. – М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001. – Т. 2. – С. 302–311.
166. Матвеева Л.В., Мочалова Ю.В., Аникеева Т.Я. Психология телевизионной коммуникации. – М., 2000. – 316 с.
167. Медведева Е.В. Креолизованность как принцип организации современной сетевой коммуникации // Культура как текст: Сборник научных статей. – Вып. IX. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ. 2009. – С. 179–185.

168. Медведева Е.В. Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография. – Изд-во ЯГПУ Ярославль Ярославль, 2014. – С. 64–77.
169. Медведева Н.Ф., Медведева Е.В. Новый род словесности: сетевая коммуникация // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Международный сборник трудов. – Вып. 8. – М. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. – С. 459–467.
170. Медведева Н.Ф., Медведева Е.В. Сетевая коммуникация как новый род словесности // Материалы докладов участников XI Международной научно-методической конференции «Риторика и культура речи в современном информационном обществе» (Ярославль, 29–31 января 2007 г.). – Т. I. – Ярославль: Изд-во «Диалог», 2007. – С. 205–208.
171. Милевская Т.Е. Природа оценки в мемуарном жанре // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, СПб., 11–17 марта 2001 года. – СПб., 2001. – Вып. 13. Стилистика художественной речи. – С. 17–21.
172. Минский М. Фреймы для представления знаний // Психология машинного зрения. – М., 1979. – С. 249–338.
173. Михайлов С.В. Интернет как социальное явление: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ульяновск, 2003. – 169 с.
174. Михайлова А.М. Политическая интернет-коммуникация в современном региональном пространстве: Дис. ... канд. филол. наук: 23.00.02. – Улан-Удэ, 2007. – 185 с.
175. Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. – М., 2001. – С. 23–25.

176. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Ист.-этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии. – Л., 1986. – 280 с.
177. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с франц. – М., 1998. – 396 с.
178. Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. – 2011. – 1(35) – с. 159
179. Мрочко Л.В. Теория и практика массовой информации. – М., 2006. – 240 с.
180. Мягкова А.Ю. Языковая манипуляция как орудие информационно-политической борьбы // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 8. – С. 188–191.
181. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М., 2002. – 239 с.
182. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации – Екатеринбург, 2007 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 13.10.2015)
183. Нахимова Е.А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. – Вып. 2(36). – Екатеринбург, 2011. – С. 152–156.
184. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: Учебное пособие. – Владимир, 2009. – 144 с.
185. Негрышев А.А. Информирование или воздействие? (о некоторых композиционных особенностях новостного газетного текста) // Язык. Человек. Общество: Международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора В.Т. Малыгина) / Отв. ред. Н.В. Юдина. – СПб.; Владимир, 2005. – С. 101–109.
186. Негрышев А.А. Медиация в новостном дискурсе: особенности макротекстовой структуры информационного сообщения // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного

- исследования: Материалы 2-й Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 14–16 февраля 2008 г.) / Сост. М.Н. Володина. – М., 2008. – С. 204–206.
187. Ноэль-Нейман Э. Стереотип как средство распространения общественного мнения // Реклама: внушение и манипуляция / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара, 2001. – С. 222–233.
188. Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой религиозной вражды. Методические рекомендации. – Генеральная прокуратура Российской Федерации. Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. 2008 г. – 11 с.
189. Организация проверок по материалам о возбуждении межнациональной, расовой и религиозной вражды. – Управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму ГП РФ. 2008. – 4 с.
190. Ортони А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 353–381.
191. Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ. [Электронный ресурс] // Право и безопасность. – 2007-а. – №3–4 (24–25). – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm
192. Осадчий М.А. Классификация методов судебной лингвистической экспертизы (на материале экспертной оценки призыва) // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. (Приложение «Филологические науки»). – С. 3.
193. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007-б. – 316 с.

194. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // СИСП. – 2012. – №11. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva> (дата обращения: 02.07.2016)
195. Откупщикова М.И. Об одном способе представления семантики категории волюнтивности // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М., 1990. – С. 9–13.
196. Павловская Н.Ю. Модальность достоверности: лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – В 2 ч. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С. 75–78.
197. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 104 с.
198. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. – М., 2001. – 208 с.
199. Пелих Е.А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского, английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1984. – 18 с.
200. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
201. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск, 1982. – 161 с.
202. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Scripta

- linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики 2001. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 209–227.
203. Пирогова Ю.К. Ложные умозаключения при интерпретации рекламы // Реклама. 2000. № 2, 3. Психология воздействия (проблемы теории и практики): Сб. науч. тр. / Ред. А. А. Бондалетов. – М., 1989. – 153 с.
204. Пирогова Ю.К., Паршин П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М., 2000. – 270 с.
205. Пироженко О.Г. Ложь как реализация цели говорящего // «Язык и культура». Научное издание. – Сер. «Филология». – Вып. 3. Язык и художественное пространство. – Киев, 2001. – Т. 4. – С. 187–192.
206. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, ред. А.Р. Ратинов. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
207. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 1996. – 22 с.
208. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3, г. Москва, 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Взгляд. 1(6). – М.: 2005. – С. 5–19.
209. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М.: Центр, 2003. – 384 с.
210. Правовые ресурсы. Консультант Плюс [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/#utm_medium=menu. – Название с экрана (дата обращения: 12.04.2016).
211. Проблемы информационно-психологической безопасности: Сб. статей и материалов конференции. – М., 1996. – 100 с.
212. Пузырев А.В. Соотношение «правды» и «истины» в аспекте тетрахомии «всеобщее – общее – особенное – единичное» // Филология

- и культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. 16–18 мая 2001 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч. 2 – С. 120–121.
213. Путилова Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Тюмень, 2004. – 186 с.
214. Радбиль Т.Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность↔текст» // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 254–262.
215. Радбиль Т.Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2012. – С. 411–423.
216. Разинов Ю.А. Интернет как событие культуры // Интернет. Общество. Личность. ИОЛ-2000. Новые информационно-педагогические технологии: Тезисы Второй междунар. конф. Санкт-Петербург, 28 февраля – 3 марта 2000 г. – СПб: Изд-во Института «Открытое общество», 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&id_sec=134&id_vconf=24&id_thesis=5250&d=light (дата обращения: 12.04.2016).
217. Раскладкина М.К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: Дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. – СПб., 2006. – 198 с.
218. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1996. – 272 с.
219. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
220. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М., 2000. – 136 с.
221. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. – СПб., 2003. – 298 с.

222. Романова Т.В. Аксиологема 'казенный' в романе О. Павлова «Казенная сказка (народный роман)» // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 11. – С. 188–192.
223. Романова Т. В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – Т. 62. – №2. – С. 56-68.
224. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. – М., 1989. – 813 с.
225. Русская грамматика: В 2 т. / Глав. ред. д-р филол. наук Н.Ю. Шведова. – М., 1980. – Т. 2. Синтаксис. – 710 с.
226. Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: Издательство ЛИКИ, 2010. – 256 с.
227. Санников В.З. Прагматика неопределенных утверждений // НТИ. Сер. 2. – 1987. – № 9. – С. 32–37.
228. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
229. Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 244–245.
230. Сидоренко А. Настоящее и будущее российского Интернета: существующее положение, региональная проекция, перспективы // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 3. – С. 46–52.
231. Сидоров Е.В. Основы системной концепции текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – 41 с.
232. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 1(31). – С. 34–38.
233. Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 383 с.
234. Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. –

2009. – № 7 (188). Филология. Искусствоведение. – Вып. 41. – С. 148–152.
235. Скребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Дис. ... докт. филол. наук. – Горький, 1971. – 581 с.
236. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. – СПб., 2000. – 320 с.
237. Сметанина С.И. Форсированная информация: приемы интерпретации новостей в СМИ // Речевая коммуникация: секреты успеха: Тез. Междунар. конф. 19–21 января 1999. – М., 1999. – С. 42–43.
238. Смолян Г.Л. Интернет в России. Перспективы развития. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 199 с.
239. Солганик Г.Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции МГОПУ. – М., 1999. – С. 364–372.
240. Соловьева Н.В., Медведева Е.А. Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «АВТОР» и «АДРЕСАТ» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 32 (286). – С. 107–111.
241. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–181.
242. Социальные сети уже покрыли планету [Электронный ресурс] // Лаборатория социального маркетинга «Сарафанное радио», 2009. – Режим доступа: <http://www.sarafannoeradio.org/novosti/129-usanekontroliruetinternet.html>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
243. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – 200 с.

244. Стацевич Е., Гуленков К., Сорокина И. Манипуляции в деловых переговорах. – М., 2007. – 150 с.
245. Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения // Контекст – 83. – М., 1984. – С. 21–22.
246. Степанова В.В. Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 4–17.
247. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 252 с.
248. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста. Методическое пособие. – Воронеж: Гарант, 2010. – 20 с.
249. Стернин И.А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: Уч. пос. для внутреннего пользования. – Воронеж: Истоки, 2010. – 34 с.
250. Стернин И.А. Оскорбление в теории и практике судебных лингвистических экспертиз / Коммуникативные исследования 2004. – Воронеж, 2004. – С. 191–199.
251. Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) / Антропотекст 1. – Изд-во Томского университета, 2006. – С. 339–353.
252. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж, 2012. – 178 с.
253. Стернин И.А. Проблема сквернословия. – 5-е изд., доп. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2011. – 24 с.
254. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2013. – 35 с.
255. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. – М.,

2003. – 211 с.

256. Сулименко Н.Е. Лексическая экспликация внутри- и внетекстового адресата // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26–28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2001. – С. 305–314.
257. Сулименко Н.Е. Лексические предпосылки свертывания информации в художественном тексте // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 17–27.
258. Тарасов Е.Ф. Введение. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. – М., 1990. – С. 3–14.
259. Таривердиева М.А. Семантика модальных глаголов и их роль в предложении-высказывании // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 53–59.
260. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 141 с.
261. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1999. – 51 с.
262. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.: АН ССР, Ин-т языкознания. – Л., 1990. – 264 с.
263. Терентьев А. А. Ислам и проблемы национализма и патриотизма. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3746> (дата обращения: 14.10.2015).
264. Тихомирова Л.С. Формирование иллюзорного сознания в научном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13 (268). – С. 123-126.

265. Трипольская Т.А. Речевые стратегии самооценки как средство описания языковой личности // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). – СПб., 1995. – С. 38–40.
266. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 39 с.
267. Трипольская Т.А. Языковая интерпретация чужой оценки // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2001. – С. 315–322.
268. Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 1. – С. 24–30.
269. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. – М., 1990. – С. 62–69.
270. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2001. – 41 с.
271. Труханов А. Объем Интернет-трафика растет, несмотря на кризис [Электронный ресурс] // Gift.CNews. – 16.09.09. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2009/09/16/362062>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
272. У 2016 році інтернетом користуватимуться 45% населення Землі [Электронный ресурс] // МедіаОсвіта. – 04.06.2012. – Режим доступа: <http://osvita.mediasapiens.ua/material/6941>. – Название с экрана (дата обращения: 06.03.2014).

273. Уголовный кодекс РФ с постатейными материалами и практическими разъяснениями / Автор и составитель А.Б. Борисов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Книжный мир, 2008. – 1072 с.
274. Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 30–45.
275. Федеральный закон от 27 июля 2006. г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, 29 июля 2006.
276. Фелицына В.П. Русские фразеологизмы. – М., 1990. – 220 с.
277. Фесенко С.Л. Эмоции как элементы социокультурной реальности // Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф., 16–18 мая 2001 г.: В 3 ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – Ч. 3. – С. 57–59.
278. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. – Л., 1991. – С. 231–332.
279. Функционирование языка как средства идеологического воздействия / Отв. ред. Л.И. Савченко. – Краснодар, 1988. – 111 с.
280. Харгадон С. Web 2.0 — это будущее образования [Электронный ресурс] // 2008. – Режим доступа: <http://www.websoft.ru/db/wb//doc.htm>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
281. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив. – Л., 1986. – 270 с.
282. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424 с.

283. Цитаты известных людей про веб-технологии б.д. / Перевод с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://goodwebs.ru/citaty-izvestnyh-ljudej-pro-web-tehnologii>. – Название с экрана (дата обращения: 04.09.2014).
284. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: Сб. ст. – М., 2001. – С. 3–42.
285. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1992. – 280 с.
286. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: Уч. пос. – М., 2006. – 136 с.
287. Чувильская, Е. А. Гипертекст как явление ситуации постмодернизма [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/14APSN2008/Philologia/32537.doc.htm>. (дата обращения: 09.10.2015).
288. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 90–95.
289. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2007. – 256 с.
290. Шаронов И.А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 1991. – 20 с.
291. Шатуновский И.Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова и др. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 319–325.
292. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М., 1996. – 404 с.

293. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Либроком, 2009. – 208 с.
294. Шаховский В.И. Эмотивно-модальные компоненты семантической структуры текста // Семантика целого текста: Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). – М., 1987. – С. 158–159.
295. Шведова Н.Ю. О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г.А. Золотова. – М., 1974. – С. 107–121.
296. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). – Минск: Харвест, 2004 – 816 с.
297. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – 324 с.
298. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. – Челябинск, 2008. – 232 с.
299. Шмелев Д.Н. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 24 с.
300. Щепоткин В. Как отличить экстремизм от критики? // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 14. – С. 17–18.
301. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М., 1998. – 432 с.
302. Эко. У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php. – Название с экрана (дата обращения: 04.09.2014).
303. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. – СПб.: Алетейя (серия «Тела мысли»), 2001. – 336 с.
304. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Под. ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Московский Университет, 1980. – 256 с.
305. Язык средств массовой информации: Уч. пос. для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – 760 с.

306. Coleman L. Prototype semantics: the English verb "lie" // *Language*. – 1981. – № 57. – Vol. 1. – P. 26-44.
307. Coleman Peter T., Bartoli Andrea. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR). – George Mason University. – 2002. – P. 2–6.
308. Crystal D. *Language and the Internet*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 175 p.
309. Digital Universe Study iView content 2010 [Электронный ресурс] // 4 BUKU. – 2012. – Режим доступа: www.4buku.com/digital-universe-study-pdf.html#.UPqkLR26dWQ. – Название со страницы (дата обращения: 04.03.2013).
310. Gasparov V.M. Notes on the "methaphysics" of Russian aspect // *Verbal aspect in discourse*. – Amsterdam Philadelphia. – 1990. – P. 191–212.
311. Gunelius S. Technorati's State of the Blogosphere 2009 [Электронный ресурс] // About.com, a part of The New York Times Company. – 2010. – Режим доступа: <http://weblogs.about.com/b/2009/11/12/technorati-state-of-the-blogosphere-2009.htm>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
312. Habermas J. *The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society*. – London: Heinemann, 1984. – 562 p.
313. Habermas J. *The theory of communicative action: The critique of functionalist reason*. – Oxford: Polity Press, 1987. – 462 p.
314. Hopper I. Aspect and foregrounding in discourse // *Discourse and syntax*. – New York, 1979. – P. 213–217.
315. Internet 2012 innumbers 2012 [Электронный ресурс] // Pingdon. – 2012. – Режим доступа: <http://royal.pingdom.com/2013/01/16/internet-2012-in-numbers/>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
316. Internet Forrester Research 2010 [Электронный ресурс] // Forrester. – 2010. – Режим доступа:

- <http://www.forrester.com/Research/Document/Excerpt.html>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
317. Internet Usage Statistics: The Internet Big Picture World Internet Users and Population Stats [Электронный ресурс] // Internet World Stats. – 2010. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
 318. Internet User Statistics & Population for 52 European countries and regions [Электронный ресурс] // Internet World Stats. – 2009. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm#europe>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
 319. Internet Users in the World [Электронный ресурс] // Internet World Stats. – 2014. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
 320. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // Business Horizons. – 2010. – №1 (53). – P. 59–68.
 321. Katz J.E. Social Consequences of Internet Use 2002 MIT. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 486 p.
 322. Markham A.N. Internet Inquiry: Conversations about Method. – London: Sage, 2009. – 264 p.
 323. Markham A.N. Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tools, Place, Way of Being [Электронный ресурс] // University of Illinois at Chicago. – 2003. – Режим доступа: <http://markham.internetinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf>. – Название с экрана (дата обращения: 04.03.2014).
 324. Nielsen J. F-Shaped Pattern For Reading Web Content, 2006 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content> (дата обращения: 08.09.2015).

325. Petric G. Conceptualizing and Measuring the Social Uses of the Internet: The Case of Personal Web Sites // The Information Society. – 2006. – 22 (5). – P. 291–301.
326. Quan-Haase A. How does the Internet Affect Social Capital [Электронный ресурс] // Anabel Quan-Haase and Barry Wellman; ed. by Marleen Huysman and Volker Wulf and Social Capital. University of Toronto IT. Draft 4: Tuesday, November 12, 2002. – Режим доступа: http://homes.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/internetsocialcapital/Net_SC-09.htm. – Название с экрана (дата обращения: 06.03.2013).
327. Ray L. Будет ли у Second Life вторая жизнь? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.secondmoscow.ru/2008/06/10/budet-li-u-second-life-vtoraya-zhizn/>. – Название с экрана (дата обращения: 06.03.2013).
328. Shedletsky L.J. Human Communication on the Internet. – New York: Pearson Education, 2004. – 304 p.
329. The Internet in Everyday Life, edited by Barry Wellman and Caroline Haythornthwaite / Ed. by Barry Wellman. – Oxford, UK; Maiden, MA: Blackwell Publishing, 2002. – 624 p.
330. Towards a Future Internet Interrelation between Technological, Social and Economic Trends // Final Report for DG Information Society and Media 2010. – 113 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://cordis.europa.eu/fp7/ict/fire/docs/tafi-final-report_en.pdf. – Название с экрана (дата обращения: 06.03.2013).
331. Twitter, Global Impact and the Future Of Blogging [Электронный ресурс] // SOTB. – 2009. – Режим доступа: <http://technorati.com/blogging/article/day-5-twitter-global-impact-and/>. – Название с экрана (дата обращения: 04.07.2014).
332. Wallace P. The Psychology of the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 294 p.

333. Weber M. Economy and society: An outline of interpretative sociology. – Los Angeles: University of California Press, 1968. – 1469 p.
334. Wellman B. The Internet in Everyday Life / Barry Wellman and Caroline Haythornthwait. – Oxford: Blackwell, 2002. – 624 p.
335. What Do You Check First: E-mail or Facebook? [Электронный ресурс] // MashableSocialMedia. – 2009. – Режим доступа: <http://mashable.com/2010/06/16/email-or-facebook-study/>. – Название с экрана (дата обращения: 06.03.2014).
336. Weinreich H., Obendorf H., Herder E., and Mayer M. Not Quite the Average: An Empirical Study of Web Use. // ACM Transactions on the Web. – 2008 – vol. 2, no. 1, article #5 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ccit.college.columbia.edu/sites/ccit/files/weinreich-web-use-study.pdf> (дата обращения: 16.10.2015)
337. Wierzbicka A. *Lingua mentailis. The semantics of natural language* / A. Wierzbicka. – Sydney, ets. Acad. Press. X1, 1980. – 367 p.
338. Yates S.T. Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study // *Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspective*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1996. – P. 29-46.

Словари, справочники и энциклопедии

339. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. – М., 1993. – 568 с.
340. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998. – 704 с.
341. Блауберг И.В. Краткий словарь по философии. – М.: Политиздат, 1970. – 398 с.
342. Большой словарь русской разговорной речи / Сост. В.В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004. – 708 с.

343. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
344. Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – М., 2000. – 1456 с.
345. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – Москва: Аст–Астрель, 2006.
346. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 164 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://smi.academic.ru/> (дата обращения: 03.05.2015)
347. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
348. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://megabook.ru/book/Толковый%20словарь%20иностранных%20слов%20Л.П.%20Крысина> (дата обращения: 03.09.2014)
349. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 670 с.
350. Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. – Москва: Рипол-Норинт, 2008. – 1536 с.
351. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova>. – Название с экрана (дата обращения: 10.03.2016).
352. Политология. Словарь. / Под ред. В.Н. Коновалова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/> (дата обращения: 20.08.2015)

353. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – 494 с.
354. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] // М., 1994 – 2002. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 10.11.2015)
355. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Издательский дом «Дрофа», 1997. – 703 с.
356. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. – М.: Издательство БКЭ, 1997. – XVIII – 702 с.
357. Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. – 6-е изд. – М., 1989. – 447 с.
358. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.
359. Социология: Энциклопедия, 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/> – Название с экрана (дата обращения: 15.06.2014).
360. Справочник технического переводчика, 2009–2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://technical_translator_dictionary.academic.ru/ – Название с экрана (дата обращения: 15.06.2014).
361. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М., 2003. – 1578 с.
362. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/> (дата обращения: 29.08.2015)

363. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>. – Название с экрана (дата обращения: 12.04.2015).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст

Вадима

Слуцкого

«Жажда войны и любовь к президенту»

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=531D98081CF88>

*Население **России** действительно жаждет войны.*

*Неправда, что поддержка действий **Кремля** на **Украине** на 100% срежиссирована и организована.*

*Недавно моя знакомая — по телефону — рассказала, что звонила тете в Уфу, и та ни о чем не могла говорить, кроме как о своей ненависти К **БЕНДЕРОВЦАМ**. Забавно: многие путают "бАндеровцев" (последователей Степана Бандеры) с "бЕндеровцами" (видимо, последователями Остапа Бендера?). Т.е. эти люди не понимают значения слова, которое произносят, — но уверены, что ненавидят того, неизвестно кого.*

И что — кто-то срежиссировал "ненависть к бендеровцам" этой пожилой женщины?

*Вчера на матче возобновившегося чемпионата России по футболу "Зенит — Томь" болельщики вывесили огромный баннер в поддержку **аннексии Крыма** (<http://www.sports.ru/football/158503055.html>). Это тоже кто-то срежиссировал?*

*Несомненным также является рост **рейтинга Путина** в последние дни: в связи с олимпиадой — но и в связи с нападением на Украину тоже.*

*Интересно было бы понять: почему на вопрос, некогда заданный Е.Евтушенко — **ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?** — в данный момент мы должны ответить: **ДА, ХОТЯТ?** Чем вызвана эта жажда войны? И — почему разрушивший правоохранительную систему, здравоохранение, образование и экономику, а теперь и втянувший страну в крайне опасную авантюру глава государства — становится, тем не менее, все более популярным у своих избирателей?*

1) Жажда войны.

Жажда войны — результат человеческого ничтожества, инфантильности и ущербности.

Получив возможность самим определять свою судьбу, русский народ за 20 с лишним лет не только ничего не добился, но и явно деградировал. СССР — хотя это была тоталитарная империя — был явно интереснее и значительнее во многих отношениях (в науке, культуре и даже экономике), вызывал гораздо больше уважения в мире, чем нынешняя Россия.

Нормальные люди ценят мир, потому что он дает возможность созидать. Но тот, чей созидательный потенциал равен нулю — или даже, скорее, является отрицательным числом — жаждет войны, потому что в глубине души остро ощущает свою ущербность и хочет доказать себе, что тоже на что-то способен. Да, мы не умеем созидать, — но зато умеем захватывать и разрушать! Мы тоже важные и значительные!

Это, между прочим, типично ордынская психология. Монголы, конечно, стремились покорить захваченные народы, чтобы им платили дань: в этом они были рациональны. Однако их главный мотив состоял в том, чтобы доказать себе свою значительность, свой высокий потенциал. Они ведь называли себя ПОТРЯСАТЕЛЯМИ ВСЕЛЕННОЙ.

Нынешние русские тоже жаждут почувствовать себя потрясателями — если не Вселенной, то хотя бы Европы.

Россия занимает места в конце списка (рядом с Зимбабве и Никарагуа) практически во всех рейтингах развития, благоустроенности и свободы. Это говорит о ее созидательном потенциале (вернее, его отсутствии). Кто не способен самоутверждаться в созидании, жаждет самоутверждаться в разрушении.

2) Любовь к президенту.

Это, прежде всего, проявление инфантильности. Политологи обычно называют это свойство человеческих масс "патернализмом".

Нежелание самостоятельно строить свою жизнь, быть подлинным Гражданином своей страны — а это требует усилий, более того, часто связано с риском для своего благополучия и даже жизни — приводит к психологической зависимости от Первого Лица. Эта зависимость подобна зависимости маленького ребенка от своего отца — отсюда термин "патернализм" ("патер" — отец).

Отношение к Вождю — как к отцу (ярко иллюстрируемое русским словечком "царь-батюшка") — глубоко архаично. Это характерная ментальная особенность первобытного человека. Он ощущает, что мир, в котором он живет, враждебный, непонятный и страшный — надежда только на Могучего Вождя: он спасет и защитит.

Это сладкое слияние с Вождем, потому что оно освобождает человека от тяжести свободы и ответственности: он перекладывает их на плечи Вождя — сам же ощущает великолепную детскую беззаботность, бездумную легкость существования.

Любовь к президенту — это еще и превращенная форма страха. Поверив, что президент Велик и Могуч, такой человек-дитя начинает его бояться. Ведь и в его душе есть всякое: есть и недоверие, и страх перед войной (а вдруг там убьют и моего ребенка?), и осуждение действий президента. Он никак этого внешне не проявляет — но все равно боится. Что если Батюшка рассердится на меня? Ведь нет ничего страшнее для ребенка, чем гнев отца. Это абсолютно иррациональный страх.

Именно этот страх прогневить отца парадоксальным образом вызывает в душе такого взрослого-дитяти любовь к отцу.

Раз я люблю отца, значит он не может рассердиться на меня, — примерно так "рассуждает" его подсознание.

В этом смысле склонность всех тиранов к непредсказуемости, загадочности и жестокости абсолютно рациональна: чем больше боятся тирана — тем больше его любят.

Поэтому логично, что Путина стали больше любить, когда он от "мирного строительства" перешел к войне и громко забряцал оружием. Так и должно быть.

Означает ли все это, что Путин на правильном пути? Что почти всенародная поддержка обещает ему успех?

Нет.

Более того, затеяв эту авантюру, Путин, скорее всего, подписал себе приговор.

Золотая Орда могла захватывать огромные территории и подчинять себе многие народы в 13-м веке. Впрочем, и в те времена это государство было очень неустойчивым и просуществовало недолго.

И где теперь наши учителя и вдохновители — монголы? Кому они нужны, кому интересны?

Почему этот народ оказался на задворках истории: его все равно что нет на Земле?

То же самое будет и с их верными учениками.

Слава хана Чингиза Путину не светит. Несмотря на современные вооружения, ментально глубоко архаичный народ не способен противостоять современной свободной нации в большой серьезной войне.

И это единственное, что внушает оптимизм.

Фильтрующая функция слов-брендов выполняется этими единицами уже во время прочтения первых двух-трёх абзацев статьи. Это классическое размещение брендов, призванных, как отмечалось ранее, фильтровать аудиторию, формируя группу адресатов по заданным параметрам и помогая далее следовать за манипуляторами, не переходя на другой текст или другой сайт. Внимание адресной аудитории привлекает уже само по себе необычное название статьи, сочетающее в себе такие лексемы, как *война*, *любовь* и *президент*. В первых же строках тематика читателю становится вполне ясна. Тематическая ориентация осуществляется благодаря брендам *Россия*, *война*, *Кремль*, *Украина*. Чуть далее по тексту – *рейтинг*, *Путин*. Таким образом, вне зависимости от возраста и профессии любой читатель, попавший на данный сайт и интересующийся событиями на Украине и позицией России в этом вопросе, продолжит чтение статьи. Отсеяться, однако, могут читатели, поддерживающие Президента России. Этому способствует бренд *аннексия* в паре с брендом *Крым*.

Композиционно данный текст состоит из введения, основной части, в свою очередь состоящей из двух разделов, и заключения.

На морфологическом уровне манипулятивный потенциал текста (безапелляционность автора в его утверждениях) реализован через использование личных форм глаголов изъявительного наклонения (передающих значение реальной модальности), а также различных лексических единиц с модальным значением долженствования и уверенности:

Население России действительно²¹⁸ жаждет²¹⁹ войны;

Несомненным²²⁰ также является рост рейтинга Путина в последние дни...

...русский народ за 20 с лишним лет не только ничего не добился²²¹, но и явно²²² деградировал²²³;

Монголы, конечно²²⁴, стремились²²⁵ покорить захваченные народы, чтобы им платили дань...

Нежелание самостоятельно строить свою жизнь, быть подлинным Гражданином своей страны... приводит к психологической зависимости от Первого Лица;

То же самое будет и с их верными учениками.

В лексике текста обнаруживается активное использование терминов и книжных слов:

²¹⁸ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как наречие: «Истинно, в самом деле, так оно и есть» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/45946>] — то есть выражает уверенность.

²¹⁹ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой во втором значении: «Сильно желать (высок.)» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/55410>].

²²⁰ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Не вызывающий никаких сомнений, бесспорный» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/126038>] — также выражает уверенность.

²²¹ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Достичь чего-н. после усилий» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/49466>]

²²² В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «явный» — «Совершенно очевидный» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/276050>]

²²³ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Постепенно ухудшаясь, прийти (приходить) к вырождению» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/45698>]

²²⁴ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Само собой разумеется, без сомнения» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/87546>]

²²⁵ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — в первом значении: «Настойчиво добиваться, сильно желать чего-н.» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/234694>]

Любовь к президенту. Это, прежде всего, проявление инфантильности²²⁶. Политологи обычно называют это свойство человеческих масс "патернализмом"²²⁷.

Нежелание самостоятельно строить свою жизнь, быть подлинным²²⁸ Гражданином²²⁹ своей... приводит к психологической зависимости²³⁰ от Первого Лица.

Отношение к Вождю — как к отцу (ярко иллюстрируемое русским словечком "царь-батюшка") — глубоко архаично²³¹.

Это характерная ментальная²³² особенность первобытного²³³ человека.

²²⁶ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «1. Детски недоразвитый, страдающий инфантилизмом (в 1 знач.) (спец.). И. ум. 2. Сходный с манерами, поведением, мировосприятием ребёнка (книжн.). И. тон. | сущ. инфантильность, -и, жен.» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75198>]. Слово либо употребляется как термин, либо как книжное.

²²⁷ В Философской энциклопедии [Новая философская энциклопедия, 2001; http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy]: «(от лат. paternitas — отцовство) — система, принципы и практика государственного управления, построенного по парадигме воспитания и контроля отца над детьми в патриархальной семье». [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8862/%D0%9F%D0%90%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C]

²²⁸ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, во втором значении — «Самый настоящий, истинный» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/165718>].

²²⁹ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделённое совокупностью прав и обязанностей» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/41994>].

²³⁰ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, во втором значении — «Подчинённость другим (другому) при отсутствии самостоятельности, свободы» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/58534>].

²³¹ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Представляющий собой архаизм, архаику, свойственный старине» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/7374>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/7366>].

²³² В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Относящийся к уму, к умственной деятельности» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/105702>].

²³³ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Относящийся к древнейшим эпохам истории человечества». Также, в третьем значении

Ведь нет ничего страшнее для ребенка, чем гнев отца. Это абсолютно иррациональный²³⁴ страх.

Также автор употребляет псевдотермины:

Да, мы не умеем созидать, — но зато умеем захватывать и разрушать! Мы тоже важные и значительные! Это, между прочим, типично ордынская психология.

С помощью терминологии автор формирует впечатление аргументированности и достоверности приводимых утверждений, их научной обоснованности. Тем самым снижается критическое восприятие материала читателем.

Автор также использует наименование-символ «империя», однако в отношении не к Российской Империи, а к СССР:

СССР — хотя это была тоталитарная империя — был явно интереснее и значительнее во многих отношениях (в науке, культуре и даже экономике), вызывал гораздо больше уважения в мире, чем нынешняя Россия.

В тексте наряду с манипуляцией применяется провокация. В основной части русскому народу приписываются следующие негативные характеристики:

- 1) отсутствие достижений и деградация

«Дикий, некультурный, отсталый» — возможна контаминация, распознавание читателем также компонента «отсталый».

²³⁴ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «Противостоящий рациональному познанию или противоречащий ему (книжн.)» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75522>].

Получив возможность самим определять свою судьбу, русский народ за 20 с лишним лет не только ничего не добился, но и явно деградировал;

2) ничтожность, ущербность, инфантильность

Население России действительно жаждет войны... Жажда войны — результат человеческого ничтожества, инфантильности и ущербности;

...тот, чей созидательный потенциал равен нулю ...жаждет войны, потому что в глубине души остро ощущает свою ущербность и хочет доказать себе, что тоже на что-то способен;

Россия занимает места в конце списка (рядом с Зимбабве и Никарагуа) практически во всех рейтингах развития, благоустроенности и свободы. Это говорит о ее созидательном потенциале (вернее, его отсутствии).

3) стремление к разрушению

...Это говорит о ее созидательном потенциале (вернее, его отсутствии). Кто не способен самоутверждаться в созидании, жаждет самоутверждаться в разрушении.

Автор также говорит о страхе, бездумности и первобытном состоянии психики, но не связывает эти характеристики с русским народом прямо, открыто.

Однако при этом текст нацелен на русскоязычного читателя. Следовательно, текст невозможно квалифицировать как возбуждение вражды по национальному признаку — адресат и объект возбуждения совпадают. Соответственно, данная провокация имеет целью создание нестабильного эмоционального состояния у читателя, ощущения недовольства собой и своей жизнью, для усиления эффекта негативного прогноза.

Автор не настаивает на спорных утверждениях, а на их основании составляет гипотезу и аргументирует уже её. Тем самым спорные утверждения признаются им аксиомами. А значит, следуя логике автора, читатель также в них не сомневается. В противном случае адресат просто прекратит чтение этой статьи, то есть результат провокации не совпадёт с прогнозом автора.

Итак, в анализируемой статье имплицитная манипулятивная логическая цепочка выглядит следующим образом:

- 1) население России жаждет войны;
- 2) это, с одной стороны, ордынская психология, результат ничтожества, ущербности и отрицательного созидательного потенциала нации.
- 3) с другой стороны, это результат инфантилизма и преклонения перед вождем, президентом;
- 4) однако закончится всё плачевно, такой народ уйдёт на задворки истории, а руководитель тем самым подписывает себе приговор.

Текст, в котором провокация умело сочетается с манипуляцией и чётко сформулированным негативным прогнозом, обладает высоким манипулятивным потенциалом и подталкивает читателя к сопротивлению против его осуществления — сопротивлению конкретному должностному лицу, указанному в тексте.

Текст

Алексея

Мельникова

«Крымация россии»

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=53121BE0ED21E>*Потух олимпийский огонь.**В наставших сумерках задвигалась жизнь в верхушках властного нашего леса. Зашумело в головах. Пришло в движение отдохнувшее на сочинском спорте государственное мышление. Нахмурило лбы.**Есть первые результаты.**Ветер гуманитарных перемен понёс тайный десант на **Крымский полуостров**. Зашумел включённый на прогрев **законодательный принтер**. Одно властное щупальце из "Справедливой России" желает **напечатать закон**, чтобы сделать облегчение для стран, **вступающих в Россию**. О тех, кто захочет **выйти из России**, не пишут.**Другое властное приложение – депутушки из ЛДПР во главе с вожакom обострённым весенним клином потянулось к тёплому **Чёрному морю** – инспектировать **крымские** пляжи.**Но это всё был авангард, застрельщики. Под гром труб сегодня на поле битвы вступила правящая во славе главная сила – она сообщила, что хочет **двинуть войска на Украину** – защищать попавших в осаду россиян.**Всё это похоже на плохой спектакль с ясным смыслом для зрителей – этот режиссёр вместе с автором сочинения не то придумали и поставили, а актёры не умеют играть – пьют на сцене, стоят спиной к зрителям. Курят дурман-траву, жгут военные костры и прыгают вокруг них, тряся золотом и бриллиантами на шеях, запястьях и пальцах.**Им всем пора уйти. Пока театр не сгорел.*

Брендовые единицы текста функционируют в рассмотренном примере от названия практически до финала. В заголовке статьи лексическим брендом можно считать окказионализм *крымация* в связи с тем, что в качестве корня в этой модели используется бренд *Крым*. И далее по всей структуре текста размещены брендовые единицы *Крымский (полуостров)*, *законодательный, закон (напечатать)*, *Чёрное море, крымские (пляжи)*. Некоторые из брендов

образуют целое сочетание (например, *двинуть войска на Украину*). Некоторые бренды, входя в то или иное словосочетание, придают брендовый характер всему словосочетанию (к примеру, *вступающий в Россию, выйти из России*). Количество брендов, фильтрующих и ведущих адресную аудиторию, в этом тексте более чем достаточно, при сравнительно небольшом, но весьма эффективном для интернет-чтения объёме статьи. С учётом высокой степени метафоризации и выразительности текста это можно признать оправданным и даже необходимым: легко и быстро декодировать метафоры и аллюзии, используемые автором, причём именно в том ключе, который предполагает автор, может только точно выбранная читательская аудитория – она и отфильтровывается от первого до последнего компонентов данного текста.

Композиционно текст состоит из трёх частей: введения (первые три абзаца), основной части и заключения (последний абзац). Автор не подражает научному дискурсу, используя фольклорно-поэтическое повествование, иронию, традиционные, легко узнаваемые метафоры. К переходу на текст и его дальнейшему прочтению, как уже отмечалось, мотивирует инициальный окказионализм «Крымация», поддерживаемый целым кластером далее используемых брендов, с одной стороны, и метафорично-ироничным набором не брендовых лексем, с другой стороны.

Манипуляционную роль в этом тексте играют следующие средства:

1) метафоры

В наставших сумерках задвигалась жизнь в верхушках властного нашего леса;

Ветер гуманитарных перемен понёс тайный десант на Крымский полуостров;

Другое властное приложение – депутаты из ЛДПР во главе с вожакom обострённым весенним клином потянулось к тёплому Чёрному морю;

Под гром труб сегодня на поле битвы вступила правящая во славе главная сила...;

Курят дурман-траву, жгут военные костры и прыгают вокруг них, тряся золотом и бриллиантами на шеях, запястьях и пальцах;

2) гипербола

Под гром труб сегодня на поле битвы вступила правящая во славе главная сила...

3) синекдоха

Зашумел включённый на прогрев законодательный принтер.

Пришло в движение отдохнувшее на сочинском спорте государственное мышление. Нахмурило лбы.

Текст, как видно, предельно метафоричен. При этом благодаря иронии каждая метафора, кроме непосредственно образного обыгрывания реальности, выполняет функцию программирования особым образом настроенного восприятия текста читателем.

Власть описывается как единое мистическое существо, некий неведомый «лес» или абстрактное, обезличенное «мышление». У этого существа есть щупальца – фракции Государственной Думы, называемые также «приложением». Таким образом, государственный аппарат обезличен, непонятен, бесчеловечен, вызывает исключительно негативное отношение и некоторый страх. Законодательная власть – «законодательный принтер», бездумный и бесчеловечный механизм, тупо печатающий законы по команде безликого и бесчеловечного «мышления», «нахмутившего лбы». Всё это

происходит в «сумерках» шумящего дикого леса: праздник закончился, «потух олимпийский огонь», наступил процесс «крымации».

В данном тексте реализована также популярная политическая метафора «театр» [Синельникова, 2010; 37]:

Всё это похоже на плохой спектакль с ясным смыслом для зрителей...

Им всем пора уйти. Пока театр не сгорел.

Данный троп задаёт определённое отношение читателя к описываемым событиям — как к игре: чему-то временному, ненастоящему, сознательно, в чьих-то интересах срежиссированному. Но срежиссированному плохо, грубо, неумело и неумно:

...этот режиссёр вместе с автором сочинения не то придумали и поставили, а актёры не умеют играть – пьют на сцене, стоят спиной к зрителям. Курят дурман-траву, жгут военные костры и прыгают вокруг них, тряся золотом и бриллиантами на шеях, запястьях и пальцах.

Последняя фраза саркастична, содержит прецедентные элементы с устойчивой традиционно-презрительной и в целом негативной коннотацией. Иронично-саркастичный фон текста поддерживается рядом устойчивых и прецедентных наименований (*потух олимпийский огонь; зашумело в головах; ветер ... перемен; весенним клином потянулось к тёплому Чёрному морю; жгут военные костры; властное щупальце*), а также окказиональных единиц с пейоративной окраской (*крымация, депутушки*).

В целом, негативный фон текста векторно направлен к финалу, содержащему краткий, но чёткий негативный прогноз в функции скрытого призыва. Этот прогноз содержит метафорическое предсказание начала российско-украинских военных действий и отделение регионов от России. Всё это должно закончиться полным крахом страны, поэтому необходимо незамедлительно полностью сменить состав правящей верхушки, «пока

театр не сгорел». Категоричность прогноза и призыва усилена имплицитно при использовании парцеллированных структур.

По своему содержанию данный скрытый призыв не предполагает какой-либо конкретной экстремистской деятельности: смена власти может быть осуществлена и в рамках закона. Призыв здесь имеет характер имплицитного побуждения к смене власти любым путём. Ослабленная экстремистская составляющая в данном случае обусловлена и иронично-метафоричным стилем текста: конкретные экстремистские императивы требуют серьёзного (псевдонаучного) обоснования. Вместе с тем насыщенный тропами, поэтическими образами, окказионализмами, этот текст не воспринимается сознанием как политически ангажированный и благодаря этому заложенный в подтексте негативный прогноз может обойти сознательные блокировки.

Автор создаёт иронично окрашенный образ власти, формирует негативную оценку деятельности государственных структур – всё это усиливает имплицитную императивность негативного прогноза, оставляя читателю возможность самому выбрать конкретные дальнейшие действия.

Текст Вадима Белоцерковского «Украина — героизм — революция»

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=530DD7395FB8F>

*Сейчас всем надо признать, что **украинцы** в большинстве своем проявили героизм, подобного которому НЕ много было в истории. Оглядываясь назад, можно поставить в ряд героизм **чеченцев** времен ельцинского (1994) и путинского (1999) **нашествий** с целью закабаления **Чечни**. Можно вспомнить борьбу евреев Израиля за создание своего государства (1948-49 гг.). И те, и другие подвергались нападению многократно превосходивших по численности противников.*

Украинцы на **Майдане** вообще не применяли оружия и победили. Трудно представить себе, как могли они месяцами в мороз и непогоду оставаться на Майдане и на центральных улицах **Киева** и стоять там в последний критический период под огнем вооруженных отрядов "Беркута". Не забудем и о том, как помогали им все это время жители Киева, пожилые женщины и мужчины, принося на Майдан пищу, лекарства и поддерживая их веру в правоту своего дела.

И люди на Майдане все это время вели себя в высшей степени разумно, демократично и цивилизованно. Прежде всего, они сумели объединиться: правые с левыми, думская оппозиция с оппозицией народной. И лидеры оппозиционных партий не только действовали в Раде как единая сила, но и все свои действия согласовывали с Майданом. Когда, к примеру, Янукович предложил лидерам оппозиционных партий в Раде возглавить правительство, они пришли на Майдан, чтобы услышать его мнение по этому поводу, и отказались возглавить правительство под эгидой Януковича! Более того, по требованию Майдана они согласились приглашать его представителей для наблюдения за их переговорами с властями. Невиданное доселе решение для протестных движений!

Когда Янукович согласился с требованием провести перевыборы президента и постановил, чтобы эти перевыборы состоялись не позже декабря с.г., Майдан потребовал от лидеров оппозиции в Раде добиваться, чтобы президентские выборы-перевыборы состоялись значительно раньше. И лидеры оппозиции добились проведения перевыборов уже 25 мая.

Затем вышло и постановление об отстранении Януковича до того времени от власти. И так далее.

В Кремле все это представляют, как нарушение оппозицией своих соглашений с Януковичем. Там делают вид, что не понимают, что в Украине происходит РЕВОЛЮЦИЯ. Та самая революция, которую до последнего дня проклинали и почти все российские т.н. либеральные диссиденты. Даже после победы нынешней революции в Украине один из таких диссидентов опубликовал статью о том, что революции всегда и везде приносят лишь развал жизни.

А если не приносят, — это уже я говорю, — их называют иначе! Например, "Пражской весной" или "профдвижением "Солидарность". Между прочим, участники тех революций добивались создания в их странах нового, посткапиталистического строя — кооперативного, с рыночной экономикой и кооперативной системой накопления капитала. Очаги этого строя возникают сейчас во многих странах Запада. В Басконии (Испания) создано уже фактически минигосударство такого типа — "Корпорация кооперативных предприятий "Мондрагон". Я много раз уже писал обо всем этом, но считаю нужным еще раз напомнить.

И самое главное. Победа революции в Украине нанесла тяжелейшее поражение Путину, для которого, как и для всех авторитарных правителей, расширение их империй — главный способ воздействия на психологию подвластного народа. В могучей империи рабам "жить лучше, жить веселее" — как сказал товарищ Сталин в страшном 1938 году.

Революция украинская показала, что народ может успешно бороться за свое будущее, и показала, как это надо делать.

Кроме многого прочего, надо ни на минуту не забывать, что население в России, как и в Украине, с 1991 года вымирает. Население Украины по данным, известным мне, уменьшилось с 53 млн в 1991 году до 45 млн. к году 2009, то есть на 8 млн, что сопоставимо с темпами вымирания России.

Остановить вымирание в Украине, как и в России, по моему глубокому убеждению, можно лишь через воссоздание обрабатывающей промышленности и всего с нею связанного — прикладной науки, технического образования, здравоохранения, сельского хозяйства, что в свою очередь возможно лишь при установлении кооперативного строя с рыночной экономикой и демократией самоуправления.

В заключение выскажу предположение, что если в России в ближайшие годы народ поднимется на защиту своих прав и жизни, то революция может случиться более мягкой, чем нынешняя в Украине. Российские власти, имея перед глазами эту революцию, не станут жестко сопротивляться. Постараются побыстрее скрыться!

Брендовая фильтрация и навигация адресатов данного материала осуществляется массированно с первых строк текста. Слова-бренды *украинцы, чеченцы, Чечня, Майдан, Киев* безошибочно привлекают читателей, интересующихся актуальными политическими событиями. Возможно, для определённой группы читателей дополнительным брендом являются лексические единицы «евреи» и «Израиль». Слово-бренд *нашествие* с атрибутами «ельцинское» и «путинское» оставляет за пределами заинтересованной читательской группы тех, кто поддерживает Президента России и не считает Россию агрессором по отношению к Чечне и Украине. Самый активный бренд в данной статье – наименование «Майдан», употреблённое в первых абзацах текста 8 раз. Далее в тексте функционируют тематически обусловленные бренды *Украина, Киев, Россия*.

Композиционная структура данного текста основывается на семантических доминантах. По этому параметру в тексте можно условно выделить три части: «Об Украине», «О революции», «Что делать». В первой автор пересказывает события, связанные с антиправительственными протестами в Украине в декабре 2013 – феврале 2014 года, в позитивном ключе. Во второй части аргументирует позитивное влияние революций на общество. В третьей — формулирует негативный прогноз, плавно переходящий в скрытый призыв.

Автор прибегает к восклицательным высказываниям, в результате чего усиливается эмоциональность текста:

Когда, к примеру, Янукович предложил лидерам оппозиционных партий в Раде возглавить правительство, они пришли на Майдан, чтобы услышать его мнение по этому поводу, и отказались возглавить правительство под эгидой Януковича!

Более того, по требованию Майдана они согласились приглашать его представителей для наблюдения за их переговорами с властями. Невиданное доселе решение для протестных движений!

Российские власти, имея перед глазами эту революцию, не станут жестко сопротивляться. Постараются побыстрее скрыться!

В грамматическом аспекте особенностью текста является преобладание глагольных форм изъявительного наклонения в сочетании с модальными единицами с семантикой необходимости, обязательности:

Сейчас всем надо признать, что...

В Кремле все это представляют, как нарушение...

Там делают вид, что не понимают...

Победа революции в Украине нанесла тяжелейшее поражение Путину...

Революция украинская показала, что народ может успешно бороться за свое будущее, и показала, как это надо делать.

Кроме многого прочего, надо ни на минуту не забывать, что...

Всё это позволяет автору статьи выразить свою позицию в форме утверждения и косвенного призыва. Лишь в финальной части текста автор использует вербальные средства выражения мнения:

В заключение выскажу предположение, что если в России в ближайшие годы народ поднимется на защиту своих прав и жизни, то революция может случиться более мягкой, чем нынешняя в Украине.

Несложно заметить, что в данном отрывке показатели выражения мнения логически связаны не с утверждением «в России в ближайшие годы народ поднимется на защиту своих прав и жизни» (данная часть

высказывания является придаточным предложением условия), а с утверждением «революция будет более мягкой, чем нынешняя в Украине». По этой причине придаточное предложение условия модально и функционально модифицируется, превращаясь в скрытый призыв. Причём в этой позиции текста негативный прогноз как бы сменяется позитивным с усиленной императивной составляющей: *не бойтесь защищать свои права революционным путём, так как это будет не так страшно, как в Украине; торопитесь встать на защиту своих прав сейчас, пока ещё не поздно, пока последствия обещают быть не такими катастрофическими, как в Украине.*

На лексическом уровне воздействующим потенциалом обладают эмоционально и экспрессивно окрашенные слова:

Победа революции в Украине нанесла тяжелейшее²³⁵ поражение Путину...

...как сказал товарищ Сталин в страшном²³⁶ 1938 году...

...население в России, как и в Украине, с 1991 года вымирает²³⁷...

Автор делает акцент на лексемах «вымирание» и «вымирать», повторяя их в смежных предложениях, с целью усиления воздействия негативного прогноза:

...что сопоставимо с темпами вымирания России...

²³⁵ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в пятом значении — «суровый, *очень* серьёзный» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/247630>]; на экспрессивность указывает также превосходная форма прилагательного.

²³⁶ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «вызывающий *чувство страха*» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/234530>]; возможна интерференция со вторым значением — «очень сильный по степени проявления, весьма значительный» [там же].

²³⁷ В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — «*Полностью* исчезнуть вследствие гибели, смерти» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/33666>]; об экспрессивности свидетельствует компонент «полностью».

...Остановить вымирание в Украине, как и в России, по моему глубокому убеждению, можно...

Подкрепляется данное лексическое воздействие манипуляцией с числами, что создаёт впечатление достоверности сообщаемой информации и усиливает негативный фон текста:

Кроме многого прочего, надо ни на минуту не забывать, что население в России, как и в Украине, с 1991 года вымирает. Население Украины по данным, известным мне, уменьшилось с 53 млн в 1991 году до 45 млн. к году 2009, то есть на 8 млн, что сопоставимо с темпами вымирания России.

В подобных случаях нейтрализовать действия манипулятора помогает простая проверка статистических данных (заметим, что автор статьи не указывает источник этих сведений). И хотя в наши задачи не входит опровержение анализируемых сообщений, однако рассмотрим на конкретном примере, насколько просто провести антиманипуляцию.

Итак, население Украины, действительно, значительно уменьшилось с 1991 года, однако официальные показатели не соответствуют «данным, известным автору». По данным Государственной службы статистики Украины²³⁸, население страны в 1991 году составляло 51 623 500 человек (а не 53 млн.), а в 2009 — 45 963 359 (при округлении до целого числа дающее 46 млн., а не 45). Таким образом, демографический разрыв составляет 5 660 141 человек, а не 8 млн., как указал автор. Авторская «погрешность» — типичная уловка манипулятора — замена правды полуправдой.

Вообще говоря, странно, что автор берёт временной отрезок с 1991 по 2009 год, а не по 2015 год, ведь речь в тексте идёт об актуальных событиях. Возможной причиной этого может быть динамика российского населения в указанные периоды. По данным Федеральной службы государственной

²³⁸ Державна служба статистики України [<http://www.ukrstat.gov.ua/>]

статистики²³⁹ и Единой межведомственной информационно-статистической системы²⁴⁰, численность населения России в 1991 году составляла 148 273 746 человек, в 2009 году — 141 903 979, то есть уменьшилась на 6 369 767. Тем не менее в течение следующих шести лет численность населения в России стабильно увеличивается и в 2015 составляет 146 267 288 человек, что на 2 006 458 меньше, чем в 1991 году. Число в 8 миллионов человек (и даже 6 миллионов) и отрицательная динамика гораздо сильнее воздействует на эмоции читателя, чем правдивые данные — 2 миллиона (почти ровно) и положительная динамика в течение пяти последних лет.

Стоит отметить, что во многих своих публикациях данный автор настаивает на «вымирании России» как главной угрозе существованию страны, приводя данные из разнообразных, зачастую не связанных источников, в пользу своего тезиса. К примеру, в следующем фрагменте из другого текста:

Достоверными считаю и зарубежные данные, представленные в докладе экспертов ООН «Россия перед лицом демографических вызовов» (апрель 2009г.). По этому докладу, среднегодовая убыль населения достигает 1 млн. 650 тысяч человек, и к 2025 году, прогнозируют эксперты, население России сократится еще на 26 млн. То есть, исходя из приведенной Антоновым цифры в 120 миллионов, население России к 2025 году сократится примерно до 94 миллионов.²⁴¹

Так, используя числовые подтасовки, автор-манипулятор выстраивает стабильно негативный прогноз о вымирании России. Также в тексте эксплуатируются прямые исторические аналогии, что типично для негативного прогноза. В следующем отрывке сравнивается «героизм украинцев», участвовавших в «обороне Майдана», с Первой и Второй

²³⁹ Официальный сайт ФГС [http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/bul_dr/mun_obr2015.rar]

²⁴⁰ Официальный сайт ЕМИСС [http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31557]

²⁴¹ [http://echo.msk.ru/blog/vadimbil/772195-echo/]

чеченской войнами, а также с Первой арабо-израильской войной. Подобная отсылка может быть классифицирована как приём «фильтрации» аудитории, поскольку до сих пор чеченская война остаётся для большинства российских граждан актуальным негативным символом 90-х:

Сейчас всем надо признать, что украинцы в большинстве своем проявили героизм, подобного которому НЕ много было в истории. Оглядываясь назад, можно поставить в ряд героизм чеченцев времен ельцинского (1994) и путинского (1999) нашествий с целью закабаления Чечни. Можно вспомнить борьбу евреев Израиля за создание своего государства (1948-49гг.). И те и другие подвергались нападению многократно превосходивших по численности противников.

Какого адресата «отфильтровывает» из читательской аудитории автор, используя напоминание о чеченских войнах и при этом объявляя чеченцев героями? Это несложно понять. Предполагаемым адресатом данного текста является читатель-русофоб, считающий Россию захватчиком Чечни, боровшейся за свою свободу. А следующий фрагмент наглядно показывает не только мировоззренческий, но и возрастной параметр предполагаемого адресата:

...один из таких диссидентов опубликовал статью о том, что революции всегда и везде приносят лишь развал жизни. А если не приносят, — это уже я говорю, — их называют иначе! Например, "Пражской весной" или "профдвижением "Солидарность".

В данном отрывке, в ходе апологии революции как средства изменения общества, автор упоминает события в Чехии в 1968 году и в Польше в 1989–90 годах. Так читателя подготавливают к скрытому призыву о революции, приводя в пример «успешные» проекты, приведшие к позитивным изменениям в обществе.

Также автор проводит аналогию «Путин — Сталин», очевидно настраивающую читателя на негативное отношение к действующему президенту:

В могучей империи рабам "жить лучше, жить веселее" — как сказал товарищ Сталин в страшном 1938 году.

Подготавливая аудиторию к восприятию скрытого призыва как логического вывода из негативного прогноза, автор последовательно убеждает читателя в том, что революция — путь в светлое будущее:

...один из таких диссидентов опубликовал статью о том, что революции всегда и везде приносят лишь развал жизни.

А если не приносят, — это уже я говорю, — их называют иначе! Например, "Пражской весной" или "профдвижением "Солидарность".

Победа революции в Украине нанесла тяжелейшее поражение Путину...

Революция украинская показала, что народ может успешно бороться за свое будущее, и показала, как это надо делать.

Таким образом, адресату подсказывают необходимость революции, модель соответствующего поведения и при этом успешный финал. Более того — участие в революции — это пример героизма, и опасности для участников не представляют:

Сейчас всем надо признать, что украинцы в большинстве своем проявили героизм, подобного которому НЕ много было в истории...;

...если в России в ближайшие годы народ поднимется на защиту своих прав и жизни, то революция может случиться более мягкой, чем нынешняя в Украине. Российские власти, имея перед глазами эту

революцию, не станут жестко сопротивляться. Постараются побыстрее скрыться!

Революция даже в современной украинской ситуации не требует кровопролития: люди, которые совершили эту революции — обычные граждане, не использующие оружия:

Украинцы на Майдане вообще не применяли оружия и победили;

И люди на Майдане все это время вели себя в высшей степени разумно, демократично и цивилизованно.

В анализируемой статье имеет место фрагментарная стилизация под научный дискурс с использованием терминологии:

Между прочим, участники тех революций добивались создания в их странах нового, посткапиталистического ²⁴² строя — кооперативного ²⁴³, с рыночной экономикой ²⁴⁴ и кооперативной системой накопления капитала ²⁴⁵. Очаги этого строя возникают сейчас во многих странах Запада.

²⁴² Экономический термин, используется, в основном, в зарубежных публикациях, например «Differences Between Several "POSTs"» [<http://davidboje.com/horsesense/psl/pages/postmoderndefined3.html>]; «The Associative Economy: Insights beyond the Welfare System and into Post-Capitalism» [<https://www.questia.com/library/101893673/the-associative-economy-insights-beyond-the-welfare>] и т.д.

²⁴³ В словаре русской философии: «КООПЕРАЦИЯ (лат. cooperatio - сотрудничество) — форма организации труда и шире — общественной жизни, предполагающая совместное участие людей в осуществлении к.-л. дела» [http://russian_philosophy.academic.ru/207/%D0%9A%D0%9E%D0%9E%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF].

²⁴⁴ В БЭС: «Рыночная экономика — социально-экономическая система, развивающаяся на основе частной собственности и товарных отношений» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/260430>].

²⁴⁵ Согласно БСЭ: «Накопление капитала — превращение прибавочной стоимости в капитал в процессе капиталистического расширенного воспроизводства» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112190/%D0%9D%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>].

Остановить вымирание в Украине, как и в России, по моему глубокому убеждению, <...>возможно лишь при установлении кооперативного строя с рыночной экономикой и демократией самоуправления.

В данных фрагментах не объясняется, что именно автор имеет в виду под «кооперативным», «посткапиталистическим» строем (в научном дискурсе под ним могут подразумеваться как социализм или коммунизм, так и технократия или ресурсно-ориентированная экономика) — однако функционирование этих единиц придаёт тексту характер научного изложения, что соответственно повышает «градус» доверия адресата. Это манипуляция терминологией — один из признаков негативного прогноза.

Таким образом, скрытый призыв в рассматриваемом тексте формируется в виде следующей имплицитной логической цепочки.

1. Майдан — это хороший пример бескровной героической и массово поддерживаемой революции.
2. Революции не приносят развал — от них обществу становится лучше.
3. Авторитарные правители, например Владимир Путин, боятся революций.
4. В России назревает кризис и близится полное вымирание населения, что можно остановить только посредством смены власти.
5. Революция в России будет бескровной и неопасной для её участников. Следовательно, действовать нужно в ближайшее время, без промедления.

«Хаос, как результат саморазрушения»

Интернет-источник:

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=530DEB522B873>

Качества общественных отношений испокон веков являлись основным фактором в эволюционных образованиях человеческого общества со времен перворожденного Адама. Род и семья, являлись важными элементами социокультурной среды первых человеческих общин, где за каждым членом социума закреплялись те или иные обязанности и права. Сама социальная система основана на подчинении и управлении, что позволяет сложиться в особую систему иерархии, когда самые полезные члены социума выдвигаются в управляющие элиты.

Распространение человеческого рода по поверхности планеты заняло более 40000 лет, где в финале стали образовываться племенные общины и городища. Это было самое благодатное время для цивилизации, которое длилось почти 10000 лет и характеризовалось расцветом человеческой культуры. На уровне семьи и родовой общины действовал свод законов негласного соглашения, а на вышестоящем уровне — на уровне племени и городищ — действовал закон гласного соглашения. За нарушение законов негласного соглашения следовало порицание и осуждение, что приводило к моральным и нравственным мукам. За нарушение законов гласного соглашения следовало суровое наказание, которое заранее согласовывалось между членами общины и было обязательно для исполнения. Незнание законов гласного соглашения не избавляло членов общины от наказания. Это была первая модель двухуровневой социокультурной организации общества.

Но многие тысячи лет назад, благодатный период расцвета человеческой цивилизации закончился. Теперь, двухуровневые социокультурные образования вынуждены на сопредельных территориях сталкиваться с другими общинами. В борьбе за территории и ресурсы двухуровневые социокультурные системы вынуждены объединяться, чтобы противостоять друг другу в борьбе за территории и ресурсы. С этого времени стали образовываться государства и трехуровневая социокультурная модель сложноорганизованного социума. Если верхний уровень был стабильным, то государство процветало и развивалось. Если

же верхний уровень не приводил к согласованным действиям, то никакие законы общественной морали не могли уберечь государство от падения и разрушения.

История расцвета и падения государств неоднократно подчеркивает, что игнорирование законов гласного соглашения приводило к падению нации. Поэтому, многие государства, основанные на защите клановых или семейных интересов, попросту исчезли из политической карты мира.

Заметим, что чуть более 2000 лет назад стали формироваться четырехуровневые социокультурные системы, которые привели к образованию империй. Среди них — это римская, византийская, монгольская, российская и еще добрый десяток империй. Ни одна из них не сохранилась. Не сохранились потому, что не было сформировано фундаментальных основ для действия законов гласного соглашения четвертого уровня. На уровне падших империй действовал закон гласных соглашений трехуровневой системы, что никак не способствовало их сохранению.

Но чуть более 200 лет назад и совсем недавно были осуществлены довольно успешные попытки образования четырехуровневой социокультурной модели, которые привели к образованию США, ЕВРОСОЮЗА и до недавнего времени — СССР. Необходимо заметить, что четырехуровневая модель не является конечной. Скорее всего, к образованию единого социокультурного пространства приведет заключительная — пятая модель, которая должна образоваться через 150-200 лет. Но какая она будет — завершающим аккордом для человечества, который приведет к Апокалипсису, или началом новой эпохи — пока неизвестно.

Необходимо заметить, что экономическое и культурное развитие современного человечества идет по пути инерции. Человек не знает целей и задач своего существования. Ни одна из наук и ни одна из религий так и не определила целей и задач человеческого существования. Именно это обстоятельство спровоцировало такое технологическое и культурное развитие человечества, которое происходит за счет нещадной эксплуатации природных и человеческих ресурсов и являются негативными, как к миру окружающей человека гармонии, так и по отношению к самому человеку. Тем не менее, эволюцию человеческого общества остановить

невозможно. Это не парижский экспресс, который можно остановить на полпути к столице.

Я бы желал акцентировать внимание читателей на следующей мысли: — качество общественных отношений зависит от степени свободы, который социум обеспечивает на нижележащем уровне и степени справедливости, который социум осуществляет на вышестоящем уровне.

В наш век информационных технологий каждый вышестоящий уровень должен мириться с тем искажением, который вызывает технологический прогресс в жизни человека и проявляется в модели его поведения. Это означает, что социум должен пересмотреть принципы терпимости и нетерпимости по отношению к личности, ограничивая модель ее негативного поведения без глобального ограничения свободы. В противном случае, нация входила в состояние депрессии, стагнации, и, как следствие, резкому отставанию в технологическом и культурном развитии. А это приводит к поглощению нации более свободными и справедливыми социальными системами.

Обратимся к ЕВРОСОЮЗУ. Подчеркнем очевидную реальность — образование ЕВРОСОЮЗА привело к тому, что мы называем граждан этого союза — европейцами. А граждан США мы называем американцами. Это не простое сотрясение воздуха. Это говорит о том, что язык нации в условиях действия четырехуровневой модели должен быть гибким и иметь потенциал к трансформации. Что касается СССР, то внутри ее социокультурной среды действовала самая бездарная межнациональная политика, которая когда либо предлагалась в условиях действия четырехуровневой политической системы. Если в российской империи на самом верхнем уровне действовали законы гласного соглашения третьего уровня, то в бывшем СССР на самом верхнем уровне политической модели действовал свод гласных законов второго, или иначе говоря — общинного уровня.

В четырехуровневом социокультурном образовании, на самом верху социокультурной пирамиды, отсутствовала система законов гласного соглашения, которая приличествует четырехуровневой социокультурной системе. Это привело к искажению основ государственного строя. Институты государственной власти осуществляли формальную функцию, а

содержание их деятельности противоречило принципам государственного строительства. Именно это привело к отсутствию справедливости, как основной парадигмы четырехуровневой социокультурной системы. В условиях четырехуровневой модели, уровни третьего, второго и первого порядка должны быть основаны на законах негласного соглашения, или, иначе говоря — эффективной системе законов общественной морали. Но на третьем уровне сложноорганизованной культурно-социальной модели в бывшем СССР также действовал свод законов уровня общинных отношений, что и привело к искажению законов общественной морали.

Именно это обстоятельство привело не только к тому, что брат шел на брата, а дети сдавали властям своих отцов и матерей, но и еще большему искажению социальных систем четырехуровневого порядка — к образованию национальных кланов. Отсутствие законов негласного соглашения на первых трех уровнях, привело к высокой степени ограничения свобод личности, принизило творческих личностей, возвысило мракобесие и жестокость, исказило модель взаимодействия международных, межнациональных и прочих институтов. При этом на четвертом уровне действовал даже не третий уровень гласных соглашений, как это было в царской России, а второй уровень, который соответствует общинным отношениям.

Такая социокультурная модель не может быть жизнеспособной и держится исключительно на репрессиях, подавлении инакомыслия и последующему падению общества и разрушению государства, что и произошло в 1991 году. Но с разрушением СССР Россия не опустилась на второй и даже на третий уровень, а осталась вновь — де факто — на четырехуровневой системе социокультурного пространства. Что же позволило России остаться на четвертом уровне и почему, с приходом Путина, Россия вновь повторяет трагическую ошибку СССР?

Многие уверены, что величие России было обеспечено такими полководцами, как Суворов, Скобелев, Кутузов, Жуков и так далее. Но если завоевания полководцев не подкреплены соответствующими многоуровневыми культурно-социальными моделями, обеспечивающие согласованность на множестве уровней, основой которых является свобода и справедливость, то все эти завоевания гроша ломанного не стоят.

Всех полководцев можно записать в мясники, ибо их успехи давно отторгли от России все завоеванные территории, а жертвы были напрасны.

Так что же обеспечило России, после двух социальных катастроф, которые произошли в 1917 и 1991 году, возможность остаться на этом многострадальном для ее истории уровне? В первую очередь, нам необходимо сказать, что истинное величие России обеспечили ей писатели, философы, поэты, педагоги. Тургенев и Чаадаев, Белинский и Пушкин, Жуков и Толстой, Достоевский и Гоголь, Тютчев и Бердяев и многие другие величайшие сыны России — их можно назвать фундаментальной основой российской государственности, которую не смогли похоронить две социальные катастрофы 1917 и 1991 года.

Но на самом деле, это видимая часть айсберга! Под толщей воды скрывается основной фигурант российской государственности — глубокие процессы международной интеграции и кооперации, которые создали уникальный язык межнационального общения. Это один из немногих языков, который достоин пятого уровня организации социокультурной среды для всего человечества. По недоразумению его называют русским языком. Но настоящий русский язык сейчас можно услышать в Украине, отчасти — в Польше. По большому счету, это именно тот язык, на котором говорили русские люди.

И совершенно естественно, что образование украинского государства приводит к образованию украинского языка. Это естественно, хотя бы потому, что образование третьего уровня системы социокультурной организации общества выводит на уровень гласных соглашений язык, который должен представлять нацию, как государство. Ничего сверхъестественного здесь не происходит, это исторический процесс, корни которого идут с истории Древней Руси, а вернее Киевской Руси.

Что же происходило с русским языком, который, распространяясь практически на все четыре стороны света, стал приобретать невиданную силу. Эта сила была обеспечена процессами глубокой интеграции и кооперации, которые создавали на просторах Евразии, мощное государство. Войны и дипломатия не только создавали новое русское государство, но и новый язык, который де-факто был уже другим, а де-юре — назывался по-

прежнему русским. Если в Украине он стал — украинским, а в Польше — польским, то в России он так и оставался русским.

Напрашивается вопрос, почему? Все дело в искажении третьего и четвертого уровня системы по организации социокультурной среды российского общества. Если на вышележащем уровне, где должны действовать законы гласного соглашения, отсутствует справедливость, а на нижележащих уровнях — свобода, то завоевания полководцев и успехи дипломатов, рано или поздно приведут к краху всю политическую систему. В царской России и в СССР, которые были четырехуровневыми социокультурными системами, на самом верхнем политическом ярусе напрочь отсутствовали законы гласного соглашения, которые были бы основаны на приорате справедливости. Мало того, на нижележащих уровнях напрочь отсутствовал приорат свободы.

При этом глубокие процессы международной интеграции и кооперации создали уникальную возможность для развития языка.... Но уникальными преимуществами языка пользовалась только малая часть российского общества, в то время, как основная масса населения остались на уровне общинных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неспособность правящих элит создать свод законов гласного соглашения на верхнем уровне социокультурной жизни нации, обеспечив их действие эффективной работой институтов государственной власти, приводит к искажению основ справедливости. В то же время, ограничение свобод на нижележащих уровнях социума, привели к искажению основ общественной морали. Россия, как государство, обладая уникальным языком общения, так и не смогла сформировать "российскую матрицу".

Третье падение империи будет катастрофичным для современной России. Путинский посыл в евразийский союз верен по зову языка, на котором мы говорим, но бездарен по исполнению, ибо правящая элита совершает трагические ошибки русских царей и большевиков, которые игнорировали свободу и справедливость.

Доказательством отсутствия приората справедливости на высшем уровне российского государства являются приговоры по сфабрикованному делу "узников болотной" и ограничению свободы граждан по решению суда вышедшим на манежную площадь 24 февраля. Искжению основ

общественной морали способствуют оголтелая пропаганда, которая грязными потоками льется из телевизионных эфиров путинского СМИ. Институты государственной власти по сути осуществляют функцию подавления принципов государственного строительства, как неотъемлемые элементы социокультурной жизни нации. Создалась ситуация саморазрушения социума изнутри глиняного колосса.

Теперь, разрушение России — неизбежно! И это не будет революция, ибо революции приводят к смене формы правления обществом. Третьего шанса для России не будет предоставлено. Это будет все тот же акт хаоса. Первый же автозак, который будет подожжен в центре столицы — разнесет государство в клочья. Десятки тысяч людей сбегутся на первый коктейль молотова, который будет брошен в сторону опричников воровской власти на Манежной площади. Никакой ОМОН и снайперы не остановят падение государства. Уверен, что это дело нескольких лет, а может и месяцев. Все победы русских полководцев будут напрасны.

Куликово поле, Бородино, Сталинград, Курск, Берлин — все можно выкинуть на свалку истории — это будет не актуально после путинского правления.

Государство жуликов и воров падет, но останется язык, который переживет третий акт русской трагедии. Быть может, в будущем он станет основой новой российской матрицы, которая выведет человечество на заключительный уровень эволюции человеческой цивилизации. Я считаю это возможным, ибо резервы русского языка многогранны и безграничны. Да, в нем есть много от Люцифера, но в нем есть много и от Творца! Если не русский язык, то какой станет языком пятого уровня эволюции общественных отношений? Европейский, американский? Или все же русский? Это архиважно, ибо финальная часть эволюции приведет человечество или к краю пропасти, или на новый уровень эволюционного развития.

Данный текст представляет собой типичный пример совершенно не предназначенного для интернет-публикации повествования: статья Михаила Тевосяна по своим особенностям рассчитана на традиционное бумажное прочтение. Это следует уже из объема статьи, занимающей несколько

страниц и соответственно не вмещающейся даже в две в экранных полосы. Отсюда следуют и другие характеристики представленного текста: слова-бренды появляются ближе к финалу текста, что свойственно именно бумажному жанру, когда читатель имеет возможность сразу посмотреть и начало, и окончание текста, чтобы решить, насколько этот текст интересен и актуален. Больше половины текста занимает пространное размышление в типичной научно-популярной манере, имеющее отношение к вопросам истории, социологии, социальной философии и, на первый взгляд, весьма далёкое от конкретных новостей сегодняшнего дня. Действительно, статья рассчитана на достаточно серьёзного читателя, привыкшего читать бумажные тексты вне зависимости от их объёма. Таким образом, роль фильтра в данном случае играют не слова-бренды, а собственно объём и стиль публикации. При этом в тексте имеет место манипулирование посредством использования вербальных единиц и скрытый призыв, подготовленный подробной аргументацией в традициях научного стиля и сконцентрированный в финальной части текста, где размещается негативный прогноз, вербализованный при помощи экспрессивной лексики, в частности.

Композиционно текст условно можно разделить на три части:

- 1) «теория» уровневной социокультурной организации общества;
- 2) применение положений «теории» к истории России;
- 3) негативный прогноз будущего страны на базе «теории».

Таким образом, автор пытается описать в тексте некоторую теорию, которая должна однозначно объяснить всю российскую историю и помочь предсказать будущее (которое видится апокалиптическим).

В тексте используется следующая лексика²⁴⁶:

- 1) книжная лексика и термины:

²⁴⁶ Лексемы группируются здесь в зависимости от манипулятивного потенциала и влияния на стилевую отнесённость текста.

*фактор*²⁴⁷, *эволюционные*²⁴⁸ *образования*, *человеческое общество*²⁴⁹, *социокультурная среда*²⁵⁰, *социум*²⁵¹, *социальная система*²⁵², *система иерархии*²⁵³, *цивилизация*²⁵⁴, *социокультурная организация*²⁵⁵, *мораль*²⁵⁶ и др.;

2) *отглагольные существительные*:

распространение, подчинение, управление, расцвет, соглашение, порицание, осуждение, исполнение, незнание, наказание, борьба, падение, образование (империй), сохранение, существование и др.;

3) *книжная и устаревшая лексика, свойственная художественному стилю*:

*благодатный*²⁵⁷, *падший*²⁵⁸, *приличествовать*²⁵⁹, *многострадальный*²⁶⁰;

²⁴⁷ Помечено как «книжн.» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/256018>]

²⁴⁸ Помечено как «книжн» в Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095530>]

²⁴⁹ Приводится как термин в Философском энциклопедическом словаре [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2866/%D0%9E%D0%91%D0%A9%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E]

²⁵⁰ Приводится как термин в Педагогическом терминологическом словаре [http://pedagogical_dictionary.academic.ru/3029/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0]

²⁵¹ Помечено как «книжн.» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/229134>]

²⁵² См. «социум»

²⁵³ Приводится как термин в Философском энциклопедическом словаре [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/425/%D0%98%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%A0%D0%A5%D0%98%D0%AF]

²⁵⁴ Приводится как термин в Философском энциклопедическом словаре [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1354/%D0%A6%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF]

²⁵⁵ См. «социокультурная среда»

²⁵⁶ Приводится как термин в Философском энциклопедическом словаре [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/760/%D0%9C%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%9B%D0%AC]

²⁵⁷ Помечено как «книжн.» и «устар.» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/12562>]

²⁵⁸ Помечено как «устар.» в Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/919014>]

4) лексемы, образованные путём сложения:

социокультурный, двухуровневый, трехуровневый, четырёхуровневый, сложноорганизованный, нижележащий, вышестоящий, международный, жизнеспособный, многоуровневый и др.;

5) устойчивые выражения:

завершающий аккорд, гроша ломанного не стоит, видимая часть айсберга, выкинуть на свалку истории, разнести в клочья.

Употребление терминов, отглагольных существительных и сложных по составу лексем свидетельствует о принадлежности текста к научно-популярному стилю либо о намеренной имитации автором научного дискурса: в статье используются лексические единицы, типичные для художественного и публицистического стиля, экспрессивно не нейтральные, а также устойчивые словосочетания соответствующей стилистической окраски.

На морфологическом уровне отмечаются следующие особенности текста.

1. Используются страдательные конструкции с краткими страдательными причастиями:

...потому, что не было сформировано фундаментальных основ для действия законов гласного соглашения четвертого уровня;

Но чуть более 200 лет назад и совсем недавно были осуществлены довольно успешные попытки образования четырехуровневой социокультурной модели...;

²⁵⁹ Помечено как «устар.» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/182822>]

²⁶⁰ Помечено как «книжн.» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/108450>]

Эта сила была обеспечена процессами глубокой интеграции и кооперации...;

...напрочь отсутствовали законы гласного соглашения, которые были бы основаны на приорате справедливости...;

Сама социальная система основана на подчинении и управлении...;

Теперь, двухуровневые социокультурные образования вынуждены на сопредельных территориях сталкиваться с другими общинами.

2. Употребляются местоимения 1 лица множественного числа и глаголы в форме первого лица множественного числа:

Обратимся к ЕВРОСОЮЗУ. Подчеркнем очевидную реальность — образование ЕВРОСОЮЗА привело...;

В первую очередь, нам необходимо сказать, что истинное...;

Путинский посыл в евразийский союз верен по зову языка, на котором мы говорим...;

Заметим, что чуть более 2000 лет назад...

3. Преобладают глаголы в форме изъявительного наклонения (семантика реальной модальности):

История расцвета и падения государств неоднократно подчеркивает, что игнорирование законов гласного соглашения приводило к падению нации;

А это приводит к поглощению нации более свободными и справедливыми социальными системами;

Такая социокультурная модель не может быть жизнеспособной и держится исключительно на репрессиях, подавлении инакомыслия...;

Третье падение империи будет катастрофичным для современной России;

Государство жуликов и воров падет, но останется язык, который переживет третий акт русской трагедии.

4. Многократно используется краткое имя прилагательное «должен»:

...пятая модель, которая должна образоваться через 150-200 лет;

...каждый вышестоящий уровень должен мириться с тем искажением, который вызывает технологический прогресс...;

Это означает, что социум должен пересмотреть принципы терпимости и нетерпимости...;

...язык нации в условиях действия четырехуровневой модели должен быть гибким...;

...уровни третьего, второго и первого порядка должны быть основаны на законах негласного соглашения...;

...выводит на уровень гласных соглашений язык, который должен представлять нацию, как государство;

Если на вышележащем уровне, где должны действовать законы гласного соглашения отсутствует справедливость...

Страдательные конструкции и формы первого лица множественного числа местоимений и глаголов характерны для научного дискурса. При этом семантический потенциал названных грамматических средств включает в себя, во-первых, возможность обозначения объективных либо

непроизвольных действий (страдательные конструкции), а во-вторых, возможность объединения автора с читателями в некую общность (формы первого лица). Преобладание глагольных форм изъявительного наклонения и краткого имени прилагательного с модальной семантикой («должен») также настраивает читателя на восприятие того, что сообщается в тексте, как чего-либо реального, закономерного, объективно существующего и совершающегося.

На уровне синтаксиса в тексте отмечается активное использование:

- 1) структур (в том числе вводных и модально окрашенных), позволяющих логично выстроить повествование и акцентировать те его фрагменты, которые автору представляются наиболее значимыми:

Необходимо заметить, что экономическое и культурное развитие современного человечества идет по пути инерции;

Необходимо заметить, что четырехуровневая модель не является конечной;

Заметим, что чуть более 2000 лет назад стали формироваться четырехуровневые социокультурные системы, которые привели к образованию империй;

В противном случае, нация входила в состояние депрессии, стагнации, и, как следствие резкому отставанию в технологическом и культурном развитии;

При этом, на четвертом уровне действовал даже не третий уровень гласных соглашений;

В первую очередь, нам необходимо сказать, что истинное величие России обеспечили ей писатели, философы, поэты, педагоги;

При этом, глубокие процессы международной интеграции и кооперации создали уникальную возможность для развития языка;

В то же время, ограничение свобод на низележащих уровнях социума, привели к искажению основ общественной морали;

2) сложных предложений с тремя и более основами:

Сама социальная система основана на подчинении и управлении, что позволяет сложиться в особую систему иерархии, когда самые полезные члены социума выдвигаются в управляющие элиты.

Я бы желал акцентировать внимание читателей на следующей мысли: — качество общественных отношений зависит от степени свободы, который социум обеспечивает на низележащем уровне и степени справедливости, который социум осуществляет на вышестоящем уровне.

Указанные синтаксические особенности текста типичны для научного стиля.

Помимо имитации научного стиля и строгой композиции, автор статьи использует манипулятивные и воздействующие средства для усиления своей позиции. В частности используются разнообразные способы убеждения в достоверности сообщаемой информации.

1. Манипуляция обозначениями времени и количества (эффект больших чисел):

Качества общественных отношений испокон веков являлись основным фактором в эволюционных образованиях человеческого общества со времен перворожденного Адама.

Распространение человеческого рода по поверхности планеты заняло более 40000 лет...

Это было самое благодатное время для цивилизации, которое длилось почти 10000 лет...

Но многие тысячи лет назад, благодатный период расцвета человеческой цивилизации закончился.

Заметим, что чуть более 2000 лет назад стали формироваться четырехуровневые социокультурные системы...

Но чуть более 200 лет назад и совсем недавно были осуществлены довольно успешные попытки образования четырехуровневой социокультурной модели...

...к образованию единого социокультурного пространства приведет заключительная — пятая модель, которая должна образоваться через 150-200 лет.

2. Использование лексем и словосочетаний с семантикой достоверности:

История расцвета и падения государств неоднократно подчеркивает, что игнорирование законов гласного соглашения приводило к падению нации.

Подчеркнем очевидную реальность — образование ЕВРОСОЮЗА привело к тому, что мы называем граждан этого союза — европейцами.

Это не простое сотрясение воздуха...

И совершенно естественно, что образование украинского государства приводит к образованию украинского языка...

Ничего сверхъестественного здесь не происходит, это исторический процесс...

3. Апелляция к авторитетным персоналиям и историческим фактам:

Многие уверены, что величие России было обеспечено такими полководцами, как Суворов, Скобелев, Кутузов, Жуков и так далее.

4. Обобщение и упрощение:

Всех полководцев можно записать в мясники, ибо их успехи давно отторгли от России все завоеванные территории, а жертвы были напрасны...

Это один из немногих языков, который достоин пятого уровня организации социокультурной среды для всего человечества...

Что же происходило с русским языком, который распространяясь практически на все четыре стороны света стал приобретать невиданную силу...

По большому счету, это именно тот язык на котором говорили русские люди...

Ни одна из наук и ни одна из религий так и не определила целей и задач человеческого существования...

Именно это обстоятельство спровоцировало такое технологическое и культурное развитие человечества...

Именно это привело к отсутствию справедливости, как основной парадигмы четырехуровневой социокультурной системы...

Именно это обстоятельство привело не только к тому, что брат шел на брата, а дети сдавали властям своих отцов и матерей.

При этом заметим: преобладание указанных способов убеждения и манипулирования в ущерб фактологической информации и логической аргументации доказывает псевдонаучность авторской теоретизации и, в целом, манипулятивный характер текста.

Логичность композиции сочетается в данном тексте с алогичными и бездоказательными утверждениями, например:

Подчеркнем очевидную реальность — образование ЕВРОСОЮЗА привело к тому, что мы называем граждан этого союза — европейцами. А граждан США мы называем американцами.

В борьбе за территории и ресурсы двухуровневые социокультурные системы вынуждены объединяться, чтобы противостоять друг другу в борьбе за территории и ресурсы. С этого времени стали образовываться государства и трехуровневая социокультурная модель сложноорганизованного социума.

История расцвета и падения государств неоднократно подчеркивает, что игнорирование законов гласного соглашения приводило к падению нации.

Заметим, что чуть более 2000 лет назад стали формироваться четырехуровневые социокультурные системы, которые привели к образованию империй.

Автор допускает или сознательно использует логические ошибки, в частности — предвосхищение основания (*petitio principii*, т.е. использование произвольно взятых, недоказанных положений, выдаваемое за

аргументацию), доказательство через то же самое (*idem per idem*), отождествление причинно-следственной связи с хронологической (*post hoc ergo propter hoc*) и т.д.

Несмотря на попытки имитировать научный дискурс, автор часто отходит от заданного стиля. Экспрессивность, недопустимая в научном дискурсе, приводит к несогласованности соседних предложений во времени, ошибкам в употреблении вводных структур, отсутствию падежного соответствия внутри предложений. Всё это свидетельствует, с одной стороны, об устно-письменном характере данного текста, а с другой, возможно, — об измененном состоянии сознания автора, приводящем к ослаблению механизмов контроля при речепорождении:

Это означает, что социум должен пересмотреть (настоящее время) принципы терпимости и нетерпимости по отношению к личности, ограничивая модель ее негативного поведения без глобального ограничения свободы. В противном случае, нация входила (прошедшее время) в состояние депрессии, стагнации (родительный падеж) и, как следствии резкому отставанию (дательный падеж) в технологическом и культурном развитии.

Такая социокультурная модель не может быть жизнеспособной и держится исключительно на репрессиях, подавлении (предложный падеж) инакомыслия и последующему (дательный падеж) падению общества и разрушению государства, что и произошло в 1991 году.

Именно это обстоятельство спровоцировало такое технологическое и культурное развитие человечества, которое происходит за счет нещадной эксплуатации природных и человеческих ресурсов и являются негативными, как к миру окружающей человека гармонии, так и по отношению к самому человеку.

Как типично для негативного прогноза, автор использует исторические аналогии, в частности, с историей Советского Союза, Российской империи, Древнерусского государства и др., для подкрепления своих аргументов:

Такая социокультурная модель не может быть жизнеспособной и держится исключительно на репрессиях, подавлении инакомыслия и последующему падению общества и разрушению государства, что и произошло в 1991 году.

В первую очередь, нам необходимо сказать, что истинное величие России обеспечили ей писатели, философы, поэты, педагоги. Тургенев и Чаадаев, Белинский и Пушкин, Жуков и Толстой, Достоевский и Гоголь, Тютчев и Бердяев, и многие другие величайшие сыны России — их можно назвать — фундаментальной основой российской государственности, которую не смогли похоронить две социальные катастрофы 1917 и 1991 года.

Ничего сверхъестественного здесь не происходит, это исторический процесс, корни которого идут с истории Древней Руси, а вернее Киевской Руси.

Вербальная манипуляция сознанием читателя происходит в том числе с помощью аксиологем. Автор неоднократно повторяет значимые для русской культуры ценностные понятия и наименования «свобода» (10 раз) и «справедливость» (9 раз), убеждая читателя в их незначительности для нынешней власти и невозможности их реализации при существующем режиме.

...качество общественных отношений зависит от степени свободы, который социум обеспечивает на нижележащем уровне и степени справедливости, который социум осуществляет на вышестоящем уровне.

А это приводит к поглощению нации более свободными и справедливыми социальными системами.

Но если завоевания полководцев не подкреплены соответствующими многоуровневыми культурно-социальными моделями, обеспечивающие согласованность на множестве уровней, основой которых является свобода и справедливость, то все эти завоевания гроша ломанного не стоят.

В царской России и в СССР, которые были четырехуровневыми социокультурными системами на самом верхнем политическом ярусе, напроць отсутствовали законы гласного соглашения, которые были бы основаны на приорате справедливости. Мало того, на нижележащих уровнях напроць отсутствовал приорат свободы.

В то же время, ограничение свобод на нижележащих уровнях социума, привели к искажению основ общественной морали. Россия, как государство, обладая уникальным языком общения, так и не смогла сформировать "российскую матрицу".

Путинский посыл в евразийский союз верен по зову языка, на котором мы говорим, но бездарен по исполнению, ибо правящая элита совершает трагические ошибки русских царей и большевиков, которые игнорировали свободу и справедливость.

Также автор использует экспрессивно-оценочное словосочетание «государство (партия) жуликов и воров» для формирования негативного отношения к власти:

Государство жуликов и воров падет, но останется язык, который переживет третий акт русской трагедии.

Обращается автор и к стереотипу «воровская власть»:

Десятки тысяч людей сбегутся на первый коктейль молотова, который будет брошен в сторону опричников воровской власти на Манежной площади.

В некоторых случаях в статье используются наименования не вполне определённой семантики, обладающие публицистической или художественной традицией употребления. В манипулятивных технологиях подобного рода единицы нередко играют роль своеобразных «заклинаний», создающих эмоционально позитивное впечатление, но лишённых конкретного смысла (знаки-амёбы):

Россия, как государство, обладая уникальным языком общения, так и не смогла сформировать "российскую матрицу";

Быть может в будущем он станет основой новой российской матрицы...;

Эта сила была обеспечена процессами глубокой интеграции и кооперации, которые создавали на просторах Евразии, мощное государство;

При этом, глубокие процессы международной интеграции и кооперации создали уникальную возможность для развития языка....

Наконец, в тексте представлены и традиционные риторические средства воздействия, в частности:

1) риторический вопрос

Что же позволило России остаться на четвертом уровне и почему, с приходом Путина, Россия вновь повторяет трагическую ошибку СССР?

Так что же обеспечило России, после двух социальных катастроф, которые произошли в 1917 и 1991 году остаться на этом многострадальном для ее истории уровне?

Напрашивается вопрос, почему?

Если не российский язык, то какой станет языком пятого уровня эволюции общественных отношений? Европейский, американский? Или все же российский?

2) восклицание

Но на самом деле, это видимая часть айсберга!

Теперь, разрушение России — неизбежно!

Да, в нем есть много от Люцифера, но в нем есть много и от Творца!

3) метафора

Тем не менее, эволюцию человеческого общества остановить невозможно. Это не парижский экспресс, который можно остановить на полпути к столице.

Но на самом деле, это видимая часть айсберга! Под толщей воды скрывается основной фигурант российской государственности — глубокие процессы международной интеграции и кооперации...

Аргументативная часть текста подготавливает ключевую для всей статьи прогностическую часть — функциональную и семантическую доминанту текста, в которой сосредоточен негативный прогноз в функции скрытого призыва:

Теперь, разрушение России — неизбежно! И это не будет революция, ибо революции приводят к смене формы правления обществом. Третьего шанса для России не будет предоставлено. Это будет все тот же акт хаоса. Первый же автозак, который будет подожжен в центре столицы — разнесет государство в клочья. Десятки тысяч людей сбегутся на первый коктейль молотова, который будет брошен в сторону опричников воровской власти на Манежной площади. Никакой ОМОН и снайперы не остановят падение государства. Уверен, что это дело нескольких лет, а может и месяцев. Все победы русских полководцев будут напрасны.

Данный фрагмент статьи заключает в себе четкую и полную вербализацию негативного прогноза. Автор использует лексемы с подчеркнуто негативной семантикой: *неизбежно, не будет, никакой, не остановят; хаос, разнесёт в клочья, опричники, падение, напрасны*. Употребляются прецедентные единицы: *автозак* (отсылка к протестам начала 2010-х годов), *ОМОН и снайперы* и *коктейль Молотова* (отсылка к событиям на Майдане 2014–15 годов). Автор указывает временные рамки (довольно расплывчатые) осуществления прогноза: *дело нескольких лет, а может и месяцев*.

Итак, логическая цепочка, содержащая скрытый призыв, выглядит следующим образом:

- 1) существуют разноуровневые системы организации общества;
- 2) модель, реализованная в российском и советском обществах держится на репрессиях и приводит к падению социальной структуры и разрушению государства (как было в 1917 и 1991 году);

- 3) сейчас разрушение России неизбежно, оно произойдёт в ближайшее время и приведёт общество к заключительной стадии эволюции цивилизации.